

Российская Академия Наук
Институт философии

**МЕНЯЮЩАЯСЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ:
НОВЫЕ ФОРМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ
И ПРОГРЕССА**

Москва
2010

УДК 300.36
ББК 15.56
М 51

Ответственный редактор

доктор филос. наук *В.Г. Федотова*

Рецензенты

доктор филос. наук *Н.Н. Зарубина*

доктор филос. наук *В.А. Колтаков*

М 51 **Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса** [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. В.Г. Федотова. – М. : ИФРАН, 2010. – 274 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0170-9.

В монографии обсуждаются глубокие перемены, обусловленные подключением к интенсивному мировому развитию и экономическому росту ряда западных стран и увеличением числа потребителей ресурсов. Эта меняющаяся социальная реальность сегодня плохо описывается классической концепцией прогресса, характеризующей Запад как универсальный образец развития для западных стран, обреченных на стратегию догоняющей модернизации.

В книге рассматривается классическая концепция прогресса, ее регулятивное значение для понимания новых форм прогресса и модернизации, а также дискуссии по данному вопросу.

Отдельный раздел посвящен проблемам прогресса и модернизации России.

Введение

Предлагаемая читателю книга является плановой коллективной монографией, продолжающей предшествующие исследования авторского коллектива.

К числу книг, которые предшествовали этой работе, относятся как труды отдельных авторов, так коллективные работы. К их числу относятся коллективные монографии «Социальные знания и социальные изменения» (М.: ИФ РАН, 2001); «Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке» (М.: ИФ РАН, 2002); «Хорошее общество. Социальное конструирование приемлемого для жизни общества» (М.: ИФ РАН, 2003); «Новые идеи в социальной философии» (М.: ИФ РАН, 2006). Среди более новых книг отметим следующие: В.Г.Федотова, В.А.Колпаков, Н.Н.Федотова «Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества» (М.: Культурная революция, 2008), занявшая первое место на конкурсе Российской ассоциации политической науки в 2009 г. по номинации «За вклад социальной философии в развитие политической науки», а также первое место в конкурсе книг 2006–2008 гг. в Институте философии РАН в 2009 г. Сыграла роль статья В.Г.Федотовой «Человек в экономической теории: пределы онтологизации» (Вопросы философии. 2007. № 6. С. 20–31), на базе которой была выпущена коллективная монография сектора «Человек в экономике и других социальных средах» (М.: ИФ РАН, 2008). Эти публикации имели резонанс. И.Н.Сиземская открыта в связи с этим рубрику «Экономика и социальное знание» в журнале «Философские науки» (2009. № 2. С. 5–90; № 11. С. 29–75), в которой развитие общества рассматривалось в контексте стоящих перед ним экономических задач, а развитие экономики в контексте социальных и этических проблем. Были заметными публикации авторов предлагаемой книги также в журналах «Вопросы философии», «Знание. Понимание. Умение» и др.

Именно эти работы заложили идею рассмотрения изменения концепции прогресса в связи с необходимостью его осуществления во множестве сфер общества и не только в форме экономического

роста. Отсюда в данной книге рассуждения об экономическом человеке как неспособном к реализации сегодняшних идей прогресса. Попытка развития этого сюжета представлена в разделе I.

В разделе II вопрос о прогрессе переведен в плоскость экологических и ресурсных трудностей для его осуществления большим, чем прежде, количеством стран. Здесь впервые обсуждается возросшее значение экологополитического и экологосоциологического дискурсов для принятия политических и социальных решений.

Раздел III посвящен прогрессу и модернизации в России. В нем рассматривается российская история в контексте модернизационных изменений, социальные практики меняющегося общества, противоречие модернизации и национально-психологические особенности российского общества.

Книга посвящена чрезвычайно дискуссионной и актуальной проблеме – изменению социальности, которая плохо описывается классическими представлениями о прогрессе и модернизации.

Монография отвечает на глобальные перемены, обусловленные интенсивным мировым развитием и экономическим ростом незападных стран, ростом числа потребителей ресурсов и, соответственно, обострением вопроса о достаточности ресурсов Земли для обеспечения возросших запросов.

Книга состоит из трех разделов, включающих одиннадцать глав. Первый раздел «Прогресс и модернизация» подводит итоги классической интерпретации прогресса и его эволюции в контексте ментальных и социальных трансформаций. Характеризуются вызовы коассическому пониманию прогресса, теоретические модели и возможные сценарии прогресса и меняющей свой облик модернизации. Последняя перестает быть догоняющей, становится рефлексивной, часть национальной, т. е. определяемой первостепенными задачами модернизирующегося общества.

Во втором разделе «Прогресс, ресурсы и глобализация» показаны интегральные возможности концепции устойчивого развития, выступающей сегодня как эвфемизм неразвития для незападных стран. Сказать им, что они должны ограничить свое развитие, – значит предложить остаться бедными. Экологополитический и экологосоциологический дискурсы меняют свое содержание: усиливается значимость вопроса о новых экономических союзах,

а также о том, что должно или может прийти на смену идеалам потребительского общества, сегодня ставшим опасным для планеты Земля, человечества и человека.

Оценивая содержание прогресса в контексте глобальных социальных трансформаций, авторы приходят к выводу о наличии новых неисхоженных человечеством троп, что отрицает сегодня линейность прогресса.

В третьем разделе «Прогресс и модернизация в России» рассматривается история российского развития, в концептуальном плане характеризуя время наступления современности здесь, соотношение традиции и архаики, выбор традиции, ее несводимость к раннеисторическим формам жизни русского общества. Обсуждаются черты российского неотрадиционализма, противоречия модернизации и национально-психологические особенности политической модернизации.

Острота проблемы создает особую напряженность дискуссий, которые, несмотря на единство позиций авторского коллектива, не могут не присутствовать в книге.

Главы этой монографии написаны в Разделе I д.ф.н. И.Н.Сиземской (гл. 1), д.ф.н. В.В.Денисовым (гл. 2), к.ф.н. В.Б.Власовой (гл. 3), к.ф.н. В.П.Веряскиной (гл. 4), в Разделе II д.ф.р. И.А.Крыловой (гл. 5), д.ф.н., проф. В.Г.Федотовой (гл. 6 – в соавторстве с д.и.н., проф. А.И.Уткиным и к.с.н. Л.Н.Федотовым; гл. 7), в Разделе III, д.ф.н., проф. В.Г.Федотовой (гл. 8), д.ф.н., проф. А.Л.Стризове (гл. 9), д.ф.н. С.А.Королевым (гл. 10), к.ф.н. Г.Ю.Канаршем (гл. 11). Введение написано В.Г.Федотовой. Ученый секретарь труда Н.С.Петренко. Научно-вспомогательная работа осуществлена Т.Я.Кордюковой, И.Б.Рябушкиной.

РАЗДЕЛ I. ПРОГРЕСС И МОДЕРНИЗАЦИЯ

Глава 1. Прогресс и современные представления о тенденциях общественного развития

Прогресс состоит в неустанном
движении вперёд. А единственными
реальными носителям этого
движения являются люди.

С.Н.Булгаков

Многие исследователи считают, что актуализированная пост-модерном идея о невозможности систематического знания тенденций общественного развития не заслуживает серьезного интеллектуального рассмотрения. Даже не разделяя столь резкой оценки, можно признать, что сегодняшняя историческая ситуация не описывается адекватно «формулой прогресса». Видимо, стоящая за ней теория общественного развития требует корректировки с учётом как современных представлений об обществе и истории, так и иного объяснения тех реальных трансформаций, которые меняют лицо мирового сообщества. Но очевидно и другое— нельзя ограничивать теорию прогресса только рамками формулы, предложенной эпохой Просвещения, и на этом основании отказывать ей в исследовательском потенциале.

Тема прогресса как предмет дискуссий и философских споров не нова. Ей столько лет, сколько первым попыткам понять смысл и цели истории, объяснить временные траектории жизни человечества, выявить механизмы культурной преемственности поколений. Объяснение этого интереса к теме прогресса, как справедливо замечает П.Штомпка, лежит в фундаментальных характеристиках человеческого бытия, и прежде всего тех, которые связаны с извечным разрывом между реальностью и представлениями человека о том, какой она должна быть, а главное, добавим, со свойственным человеку устремлением выйти (хотя бы

мысленно) за рамки ситуации «здесь и сейчас», заглянуть в будущее, чтобы увидеть в нем реализацию своих замыслов и ожиданий, т. е. убедиться в вечности Бытия и непреходящей ценности человеческой жизни. Но в последнее время предметом особого спора стала не идея, а *концепт* общественного прогресса, понятие, жёстко связанное с системой представлений, в контексте которой только и правомерно его адекватное употребление. Такой системой представлений в споре о прогрессе стала интерпретация *природы социальности*. Продолжающееся обсуждение темы не поставило точку в споре возможно потому, что пока не достигнуто взаимопонимание на основе парадигмальных установок, позволяющих «войти в интерфейс». Пока этого не произойдёт, спор обречён на вечное хождение «по кругу». Самой же идее прогресса угрожает возврат в разряд утопических конструкций человеческого ума, значимость которой будет усматриваться лишь в её альтернативности идее апокалипсиса, а на уровне общественного настроения – всеобщему отчаянию.

У проблемы есть два аспекта – *гносеологический*, в рамках которого правомерна постановка вопросов, соотносящихся с философской рефлексией по поводу того, сохраняет ли теория прогресса исследовательскую значимость в контексте неэволюционистских концепций развития или её исследовательские возможности связаны только с прогрессистскими вариантами теории общественного развития в их классическом толковании. Второй аспект – *онтологический*, относящийся к процессам, определяющим лицо современности, и прежде всего к процессам модернизации и глобализации как главных векторов сегодняшнего развития цивилизации, свидетельствующих о том, что мир изменился в направлении роста непредсказуемости отрицательных последствий современного научно-технического прогресса, неразрешимости для ряда регионов мира таких проблем, как нищета, голод, массовые заболевания (туберкулёз, СПИД, наркомания), повсеместного распространения стандартов поведения, рождённых «обществом потребления». Смешение этих двух аспектов чаще всего приводит к взаимному непониманию и неприятию аргументации спорящих сторон. В предлагаемом ниже анализе выбран первый аспект.

Идея прогресса в парадигме «геометрического ума»

Понятие «общественный прогресс» введено в научный аппарат философско-исторического знания в качестве его базовой категории эпохой Просвещения и связанным с ней европейско-рационалистическим мышлением. Его теоретическим обоснованием стала предложенная концепция всемирной (на деле европейской) истории, объясняющая векторы (ценностные ориентиры) и смыслы исторического движения человечества, осуществляющегося, согласно этой теории, с одной стороны, в соответствии с общей для всех формулой перехода от дикости к варварству, от варварства к цивилизации, детерминированной успехами знания и совершенствующимися на его основе производственными технологиями. С другой стороны – в соответствии с особенностями культурного наследия и природных условий каждого народа. Смысловое поле предложенной формулы включало в качестве констант исторического движения развитие знания и хозяйственной практики, сопровождающееся освобождением человека от абсолютного диктата природных сил, разумность этических норм и межличностных отношений, гражданские свободы, духовно-культурный потенциал общества. Иными словами, *«формула прогресса» фиксировала восходящую линию исторического движения как естественно-закономерную, вводя для него социокультурные вехи.* Последние толковались в качестве параметров, задающих характер целостности и всеобщности исторического процесса и одновременно допускающие разнообразие его форм.

Такая интерпретация придавала существовавшей в рамках христианства вере в развитие человечества по общему закону научную легитимность, хотя и не выводила её за пределы мировоззренческой парадигмы («от худшего к лучшему»). Смысл истории виделся в достижении совершенного, по меркам принятого общественного идеала, социального устройства. При этом понятие общественного идеала переводилось из сферы утопического сознания в сферу преобразующей деятельности, связанной с конструированием социальной реальности, увязывающей зримыми нитями настоящее и будущее. Обращение к общественному идеалу свидетельствовало, что эмоционально-оценочное отношение к действительности дополнялось научным, что полностью соответствовало рационалистическому типу мировосприятия.

Таким образом, идея прогресса укореняла модус развития для всего *становящегося* и обязывала рассматривать жизнь общества по аналогии с природными объектами, движущимися в пространстве–времени по разным траекториям и переходящими в ходе этого движения от одного состояния к другому согласно общему для всех закону. Такой тип мышления, подобно «геометрическому уму», стремился к исчерпывающим определениям и представлениям, не принимая во внимание факты реальности, не поддающиеся формализации. (Вспомним известное изречение Гегеля «Тем хуже для фактов!».) Рационалистический подход схватывал феноменологический план мира, а в социальном моделировании (представлениях о будущем) ему соответствовал ньютоновско-лапласовский детерминизм¹. Познать историю в соответствии с его принципами означало понять *логику смены исторических состояний (общественных формаций, культурно-исторических типов цивилизации)*, а эту последнюю, в свою очередь, как объективный закон Бытия, суть которого – *обязательность* поступательного исторического движения для всего человечества и для каждого отдельного народа. Рационалистический подход не исключал неопределенности общественных процессов (изменений), временных отклонений от «столбовой дороги» истории, но признавал их лишь как следствие вмешательства *случайности*, которую, как правило, связывал с «человеческим фактором»: случайность понималась как неучтённая, непонятая, неузнанная, непознанная человеком необходимость. Вариативность истории ставилась в зависимость от состояния познающего разума.

Конечно, такой подход подвергся критической рефлексии, но ограниченности «геометрического ума» противопоставлялась, как правило, сила Провидения: «Бог превышает геометрию» (Паскаль), поскольку его способы постижения мира представлялись выше возможностей разума. Правда, говоря о Паскале, следует напомнить о его нетрадиционности в оценке Разума и Просвещения. Отвергнув односторонний рационализм и сциентизм, он поставил проблему совершенного научного метода познания, который бы соединил силу «математического ума» со способностью человеческой души, наделённой религиозной верой, проникать в тайны мира и человеческой жизни: «Мы постигаем истину не только разумом, но и сердцем». Так он сформулировал

своё гносеологическое кредо. Можно сказать, что религиозно-мировоззренческая парадигма была определенным «заслоном» от абсолютизации логицизма в осмыслении истории. Но не она одна: значимые противовесы логицизму со временем оформились и в рамках материалистического восприятия мира. Наиболее явно заявили они о себе в отечественной философии XIX в.

На это есть объясняющие причины, они связаны с особенностями способа философствования, характеризующего русскую общественно-философскую мысль. Этот способ философствования уходит своим основанием к идее «цельного знания», признающего взаимодополняемость всех форм постижения мира – понятийного мышления и образного восприятия, бесстрастной рациональности и «верующего разума», интуиции и мистики, но отдающего предпочтение «живому знанию», в лоне которого преодолеваются притязания рационального мышления на безусловную истинность: «Не в отмену логики, а в наполнение её живой предметностью; не в попрание факта и закона, а в узрении целостного предмета, скрытого за ним»². Рационализм в форме жёсткого логицизма просто не находил себе места в контексте такого мировосприятия и такого способа постижения мира. Поэтому рационалистически-позитивистская трактовка прогресса, несмотря на сильное влияние западной философской культуры и прежде всего, немецкой классической философии, не принималась без оговорок не только религиозной (А.С.Хомяков, Вл. Соловьев, Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, С.Л.Франк), но и материалистической традицией (А.И.Герцен, Н.Я.Данилевский, Н.Г.Чернышевский, П.Л.Лавров). Достаточно вспомнить идею Герцена о «растрёпанной импровизации истории», согласно которой последняя «стучится разом в тысячи ворот... которые отпрутятся... кто знает?», ибо «при отсутствии плана и срока, аршина и часов развитие в природе и истории не то что не может отклоняться, но должно беспрестанно отклоняться, следуя всякому влиянию»³. Герцен был убежден, что история, как и природа, «никуда не идёт и потому готова идти всюду», постоянно импровизируя на тему «меняющегося настоящего». Не трудно увидеть, что этот тезис Герцена не только существенно отличен от европейски-рационалистического варианта толкования прогрессивного движения истории, но очень сродни сегодняшней пост-

модернистской идее о множественности «точек прорастания» будущего из настоящего. Правда, в отличие от представителей постмодерна Герцен никогда не отступал от «прогрессиистской» парадигмы, он просто открыл шлюзы для выхода за пределы ее жестких детерминистских принципов. Значит, «интерфейс» возможен? – это уже о сегодняшних спорах о прогрессе.

Ещё более далёкой от жёстко рационалистического толкования прогресса была трактовка последнего Н.Я.Данилевским, отвергшим идею единой линии в развитии человечества и соответственно причинно-следственную связь между его отдельными историческими этапами, но оставлявшим понятию «прогресс» право на статус категории философии истории, во-первых, применительно к характеристике истории внутри отдельного культурно-исторического типа (древняя, средняя, новая) и, во-вторых, относительно возможности полноты самовыражения последнего. Каждый культурно-исторический тип мобилизует усилия в одной или нескольких из четырёх типов исторической деятельности – религиозной, собственно культурной (наука, промышленность, искусство), политической и социально-экономической. Только в случае единения всех четырёх типов деятельности открывается возможность прохождения всего «исторического поля», что и адекватно его движению в прогрессивном направлении. Поэтому человечество может развиваться только «разноместно» и «разновременно», актуализируя различные стороны своего культурно-деятельностного существования. Правда, в результате сравнительного анализа выделенных им культурно-исторических типов Данилевский приходит к высокой оценке славянского типа: можно питать надежды, что этот культурно-исторический тип впервые представит синтез всех сторон культурной деятельности. Такое признание моментально было включено в систему аргументации панславизма, что лишний раз доказало, что идея прогресса может быть политически ангажирована. Это тоже объясняет факт постоянных споров вокруг неё.

Даже в рамках утвердившегося во второй половине XIX в. социологического подхода, связанного с Г.Спенсером и О.Контом, в отечественной философской мысли сложилась своя трактовка формулы общественного прогресса, более открытая для вариаций, а главное, охватывающая сферу духовной жизни общества

и индивидуальных свобод. Согласно ей история человечества начинается с появлением критического (П.Л.Лавров) и/или морального (Н.К.Михайловский) отношения к прошлому, с постановки идеальных целей и борьбы за их реализацию. Иными словами, сознание есть творческая сила истории, и сила его творчества выражается в том, что оно «не обязано» следовать «естественному ходу вещей». Его способность к критике истории раздвигает рамки необходимости. Классическим можно считать определение, предложенное П.Л.Лавровым: «Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении; воплощение в общественных формах истины и справедливости – вот краткая формула, обнимающая, как мне кажется, все, что можно считать прогрессом»⁴. Лавров, являясь сторонником «общей формулы» прогресса, отнюдь не отрицал, что его критерий специфичен для каждой сферы человеческой жизни.

Общей особенностью интерпретации «формулы прогресса» отечественной философской мыслью следует признать очевидное устремление «охватить» культурно-личностные формы человеческого бытия. Прогресс понимался (и в рамках материалистической, и в рамках религиозно-идеалистической традиции) как культурная преемственность поколений, вектором которой является нарастание духовного потенциала человечества. В этом, согласно Вл. Соловьёву, и состоит его «тайна». С этих позиций постоянно корректировалась сама «формула прогресса». Наиболее последовательной в этом плане можно считать критику её С.Н.Булгаковым, который теорию прогресса, с её устремленностью найти законосообразность исторических и социальных трансформаций, уподоблял тусклой свече, «которую кто-нибудь зажёт в самом начале темного, бесконечного коридора. Свеча скудно освещает уголок в несколько футов вокруг себя, но все остальное пространство объято глубокой тьмой»⁵.

Для отечественной религиозной философии, в которой тема прогресса была одной из центральных, названная выше «направленность» в интерпретации исторического процесса проявлялась с ещё большей настойчивостью, более того, именно она в её экзистенциальном содержании определила главный вектор исследовательского поиска Вл. Соловьёва, С.Н.Булгакова, С.Л.Франка, Н.А.Бердяева⁶.

Итак, каковы базовые постулаты идеи прогресса?

1. Прогресс – это поступательное движение истории (человечества), обеспечивающее ей непрерывность в границах исторического времени (от прошлого – к настоящему, от настоящего – к будущему) и осуществляющееся в рамках определённой целостности. Прогресс захватывает в своё русло *все народы*, хотя далеко не все сразу и одновременно в него включаются. Кто-то некоторое время может оставаться на обочине всемирной истории, заблудившись на её просторах, не включившись в «порядок разумного существования», но это, как писал о России начала XIX в. П.Я.Чаадаев, не лишает шансов со временем войти в семью цивилизованных народов, учтя их ошибки и заблуждения. «Мы не в состоянии проделать сызнова всю работу человеческого духа, но мы можем принять участие в его дальнейших трудах; прошлое уже нам не подвластно, но будущее зависит от нас», – писал П.Я.Чаадаев, думая о будущем страны⁷. В этом общее преимущество тех, кто начинает жизнь «по разуму» позже. (Тезис, принимавшийся всеми «прогрессистами» за исходный в их моделировании будущего.)

2. Прогресс протекает как кумулятивный процесс, характеризующийся сохранением (накоплением) достижений человечества во всех сферах его общественной жизнедеятельности (культура, хозяйственная практика, экономика, формы политической организации и гражданской жизни, семья), что и обеспечивает происходящую смену общественных состояний по «исторической вертикали». Это бесконечный по времени процесс, поскольку каждая его стадия лучше предыдущей и поскольку сама, в свою очередь, подлежит совершенствованию.

3. Понятие прогресса выражало идею законосообразности и всеобщности исторического движения человечества в направлении за горизонт настоящего, идею обязательности приближения его к совершенному состоянию при одновременном и постоянном отдалении от этого состояния как от заданной границы, ибо границы у горизонта попросту нет, как, впрочем, нет и реальности горизонта – он относителен и условен. В этом смысле идее прогресса изначально был свойственен определенный утопизм, но это был конструктивистский утопизм, требовавший действия, активности, исходящей из критической оценки настоящего положения вещей и желания выйти за его грань.

4. Прогресс – это не осуществление изначального плана истории, а её естественное движение, реализующееся через активную, направленную на преобразование настоящего, деятельность людей, преследующих определённые цели и потому наделяющих его ценностными смыслами. Поэтому он выражает культурный вектор истории. По этой же причине источник её развития, как и её движущие силы, лежат в сфере социокультурных трансформаций, переживаемых человечеством. «Формула прогресса» многоосновна, она приложима как к историческому движению в целом, так и к каждому из его конкретных проявлений, и в этом смысле *универсальна и всеобща*.

5. Прогресс – это не филиация одного исторического состояния из другого, потому что движение истории многофакторно в том смысле, что любое её состояние определено *событийно*, и в том смысле, что законосообразность событий испытывает на себе влияние воли, хотения, мотивации, психологических и личностных особенностей тех, кто стоит «у руля» исторических событий. Это не значит, что история слепо идёт за «рулевым», но это означает, что её устремлениям идти по определённому вектору всегда противостоит человеческий фактор, поэтому движение по исторической линейке может временно отклониться и даже сделать зигзаг – в тупик, в никуда. Позже для приведения идеи прогресса в соответствие с этим фактом в научный обиход вошло понятие регресса, став парной категорией, но какое-то время философия истории обходилась без него, оставляя открытым вопрос об отклонениях истории от общего для всех направления.

6. Прогресс – это *причинно обусловленный* процесс. В рамках «формулы прогресса» утверждается принцип «после этого, значит по причине этого». Каждое из исторических состояний находит своё место в движении истории в силу своей закономерной связи с предыдущим, определено, задано общей логикой исторического процесса, которая придаёт последнему целостный, внутренне связанный характер, все в истории достаточно жестко детерминировано силой вещей.

7. Прогресс – это движение человечества по пути к достижению идеала, как бы он ни толковался – победа разума и знания, гарантии социального равенства, свободы, принципов справедливости, всестороннего развития человека, благополучия, счастья, превалирование культурных целей жизни над хозяйственно-

экономическими, и потому в качестве теоретического конструкта отражает мировоззренческие устремления тех субъектов социальных трансформаций, которые *ориентированы на совершенствование общественной жизни*. Поэтому идея прогресса изначально была наделена идеологическим смыслом, который, с одной стороны, инициировал критику как на уровне теории, так и на уровне «криков из толпы» (вспомним протест профана у Михайловского: «Я сам хочу совершенствоваться!»⁸). С другой стороны, идеологическая составляющая с какого-то момента придала идее прогресса политически ангажированный характер (трансформация идеи коммунизма в символ «светлого будущего»).

8. Прогресс как реализация связи сущего и должного включает нравственную составляющую человеческого существования. Очень чётко определил эту его сторону (и как типа реального исторического движения, и как идеи, соотносящейся с ним) С.Н.Булгаков: «Будущее, наступающее с естественной необходимостью и подлежащее закону причинности, – писал он, – является вместе с тем и идеалом деятельности, т. е. долженствованием, нравственным приказом, обращённом к воле»⁹. Возникая в лоне критического сознания, идея прогресса ориентирует на определённое отношение со стороны человека к настоящему и на предсказуемое социальное поведение, а именно – готовность положить свою жизнь в настоящем на алтарь более совершенного будущего, иными словами, готовность к жертвенности. В такой интерпретации идея, с одной стороны, способна стать материальной силой, овладев сознанием тех, кто, увлекшись ею, возжелал светлого будущего, с другой стороны, очевидно уязвима. Одним из первых дал критику этой стороны идеи прогресса А.И.Герцен, уподобив её всепожирающему Молоху, поток подобных оценок не иссякает и сегодня. Дело не столько в идее прогресса, сколько в природе человеческого сознания, в его дуализме (восприятие бытия через раздвоение на сущее и должное), принимающем превращённую форму жить *ради* будущего. И поэтому в той мере, в какой последняя преодолевается, идея прогресса освобождается от установки, подменяющей цель неадекватным средством её достижения.

9. Идея прогресса предполагает в качестве необходимого условия общественного развития рост материального благосостояния (экономический прогресс), не отрицая, что при этом между мате-

риальной и духовной сферами человеческой жизни может возникнуть определённый антагонизм: рост материального благополучия на уровне индивидуального и общественного бытия превращается в самоцель, ограничивая развитие духовной жизни общества, что в конечном счёте становится тормозом и самого прогресса. Так, сегодняшний головокружительный материальный прогресс XX в. явно нарушил равновесие между материальными и духовными запросами человечества и отдельной личности, что заставляет усомниться в самой возможности прогрессивного движения человечества дальше.

Названные черты не исчерпывают всех содержательных моментов, характеризующих идею прогресса. Но именно эти черты, как правило, воспринимаются противниками как свидетельство её несоответствия реальным интенциям истории. И именно эти черты фокусируют сущностную черту прогресса – взаимодополнительность свободы и необходимости. Их диалектику, сочетание, посчитал в своё время одной из основных проблем теории прогресса С.Н.Булгаков. Именно эта проблема, остается «камнем преткновения» сегодня.

«Прогресс стал проблемой»

Наиболее радикальную оценку ситуации вынес постмодернизм известным изречением В.Гавела: «Сегодня все возможно, и ничто не определено». Основания для такой оценки, конечно, есть, их часто подтверждают реалии (экономические, политические, событийные), а принцип децентрализованной диверсификации имеет свои правдания: сегодня социальность более, чем когда-либо ранее, характеризует хаос, нежели стабильность, неожиданные линии разрывов, нежели законосообразность изменений. Резче обозначились вероятностные и синергетические состояния, предполагающие взаимодействие множества факторов, которое плохо предсказуемо, поскольку движение социальной системы в таких условиях принимает сложную траекторию, включающую множество поворотов, возвратов, рецессий. Общество становится чувствительным к любым флуктуациям¹⁰.

Но свидетельствует ли всё это о том, что теряют силу факторы, детерминирующие движение системы по траектории, подчиняющейся в итоге некоторой направленности? Другими словами, возникает вопрос: является ли сегодняшняя ситуация настолько иной, что, во-первых, обрекает на заведомый неуспех поиски вектора ее возможных изменений, во-вторых, исключает правомерность оценки последних по некоторому, если не общезначимому, то обобщающему критерию. В-третьих, устраняет из познавательного контекста личностное отношение, основанное на предположении, что то, что человеком определено, в некоторых пределах и предсказуемо (а сфера социальности определена им в той мере, в какой он является субъектом происходящих трансформаций), и, наконец, в-четвёртых, делает «избыточной» (лишённой позитивного смысла) систематизацию происходящих изменений с позиций общечеловеческих представлений о добре, справедливости, равенстве, свободе, иными словами, с позиций общекультурных ценностей, фиксируемых общественным идеалом?

Есть и ещё один момент, игнорировать который не следует. Суть его в том, что идея прогресса (в любой интерпретации – религиозной, научно-позитивистской, философско-идеалистической, марксистской) несет в себе большой позитивный заряд, никогда не терявший своей значимости в качестве «положительного координатора» социокультурной хозяйственно-практической деятельности человека. «Я надеюсь, – пишет известный социолог П.Штомпка в книге “Социология социальных изменений”, – что идея прогресса слишком важна для человеческого сознания, слишком фундаментальна для смягчения экзистенциальных напряжений и неуверенностей, чтобы от нее отказаться ради чего-то другого. Она переживает временный кризис, но рано или поздно вновь обретёт силу и власть над человеческим воображением. Однако для того, чтобы сохранить ее жизнеспособность, ее нужно пересмотреть и переформулировать, очистить от некоторых устаревших и ошибочных положений»¹¹. Сокращение времени этого кризиса есть одна из важнейших задач современного социально-гуманитарного знания и социальной философии. Есть идеи, ценность которых не исчерпывается их научной значимостью, но именно поэтому они никогда эту ценность не утрачивают, оставаясь вечным спутником познающего разума. Хотя в разное время они осознаются человечеством

по-разному – в соответствии с достигнутым уровнем «конституирующей рефлексии». Такой идеей «на все времена» является идея общественного прогресса, всегда воспринимавшаяся и на уровне обыденного сознания, и на уровне философского осмысления как утверждающая связь настоящего и будущего через сохранение культурных ценностей, накопленных историей человечества. Но разве не этим озабочено сегодня человеческое сообщество в целом и отдельные, входящие в него народы, в частности?

Однозначно связывая категорию прогресса с понятием цели как некоторой предзаданности в духе провиденциализма, порой теория прогресса рассматривается как проявление очередного субъективизма, а следовательно, не имеющая научного потенциала. Постулируется тезис: цель означает конец, за которым – «ничто», небытие всего. Значит, делается вывод, идея прогресса несостоятельна по своему исходному основанию. Но если даже признать, что теория прогресса телеологична, то всё равно остаётся бесспорным, что в её конструкции цель не связывается с достижением статического состояния. Тогда почему прогресс – это движение к концу? А может, в бесконечность? И что такое «конечный прогресс»? Не есть ли это, как справедливо заметил Ю.Н.Давыдов, «противоречие в определении»¹²? Непонятен и другой упрёк – сопряжение концепции прогресса только с однолинейным вектором истории. С упрёком можно согласиться, имея в виду «формулу прогресса» в её классическом просветительском виде, не являющейся единственной, что было показано на примере традиций отечественной философии. Но если «смысл истории» (понятие в самом деле условное) соотносить не с достижением некоего «застывшего в своей завершенности» социума, а с системой ценностей, выбираемой человеком в качестве принципов его *жизни в социуме*, то почему надо отрицать возможность «однаправленности» движения (жизнь по справедливости, по добру, по миропорядку и т. п.)? Можно предвидеть возражение: ну а если будут выбраны ценности, полярные по отношению к названным? Вполне допустимо. Историей и такие варианты «проигрывались», потому что и добро и зло всегда себя утверждают заново, в этом их особенность. Но это вовсе не отменяет признания возможности доминирующей направленности в движении социальных форм жизни нравственных норм, методов

познания и т. д. Если «история никуда не идёт», то она именно поэтому может идти в «прогрессивном» направлении. «Почему бы нет?», как говорил Герцен. Ведь все шансы равны. Насколько предсказуем каждый из вариантов – это другой вопрос, и он не связан однозначно с методологическими основаниями теории прогресса и интерпретаций ею природы социума. Возможно, мера вероятности, как и способы её предсказания, лежат вообще не в этих плоскостях, и поэтому прогресс как предсказуем, так и не предсказуем.

С момента включения идеи прогресса в теорию общественного развития в научный аппарат последней входит понятие общественного идеала, не отождествляемого с догматом веры¹³. На уровне критической рефлексии (а теория прогресса есть выражение именно таковой) общественный идеал приобретает значение, как писал П.И.Новгородцев, критерия для различения «вечных святынь от временных идолов и кумиров»¹⁴, для определения пути, когда сделан исторический выбор. И в этом значении он есть механизм корректировки хода исторических событий, необходимый момент не только целеполагания, но, как уже отмечалось выше, и практики. Наиболее очевидно это выявляется в ходе реформаторской деятельности. Последняя просто невозможна без «категориального оформления» актуальных для времени ценностных ориентаций. В противном случае реформы просто не состоятся. История это неоднократно доказывала. Нельзя руководствоваться одним пониманием того, что «так жить нельзя», необходимо еще знать, а «как нужно». Это «как нужно» и отражает принимаемый массовым сознанием и отражаемый в целеполагании реформаторской деятельности общественный идеал. Можно не соглашаться с фиксируемыми тем или иным общественным идеалом ценностными смыслами, но отрицать значимость его самого в моделировании социальной реальности, а значит, в понимании природы исторического процесса, представляется совершенно неоправданным.

Отмеченные выше моменты позволяют сделать следующий вывод: исследовательский потенциал идеи прогресса далеко не исчерпан, хотя сама идея, как и связанная с ней «формула» исторического процесса нуждается в уточнениях, соответствующих современному социальному знанию, в том числе на уровне метафизики.

У рассматриваемой проблемы есть и другой познавательный контекст – как «вписывается» идея прогресса в неоэволюционистские концепции развития, в теории, не отрицающие сам по себе факт поступательности в движении современного общества и истории?

Известно, что неоэволюционизм сложился во второй половине XX в. на подъеме альтернативных позитивизму направлений социально-философского знания (герменевтики, реализма, критической теории). Конечно, в его основании остались исходные идеи классического эволюционизма, предложенные ещё Г.Спенсером, но они были значительно подправлены современным функционализмом (Т.Парсонсом, Р.Мертонем, М.Леви, К.Дэвисом и др.), ставшим в 60-х гг. прошлого столетия главенствующей парадигмой в западной социологии, в которую в настоящее время внесла коррективы синергетика. Последняя оказала существенное воздействие на методологию эволюционизма. Была предпринята попытка использования синергетической модели изменения мира как к истории в целом, так и к общественным системам и структурам. Это значительно расширило проблемное поле социально-философского знания по вопросам общественного развития. Утвердился взгляд на историю и общество как на открытые, способные к самоорганизации системы, что позволило выявить новые направления исследования – посредством анализа действия механизма смены хаоса и порядка, смуты и стабильности, диалектики случайности и стабильности. Стало возможным увидеть различные стороны и стадии эволюционного процесса в их связи с инвариантными общими законами, с учётом альтернативных сценариев. Последнее внесло изменения в понимание самой исторической закономерности, связав с ней не единый путь исторического развития, а единые «принципы хождения» по разным «историческим маршрутам». В итоге возрастающая альтернативность истории предстала её важнейшим законом.

При таком видении исторического процесса и эволюции общественных систем прогнозирование возможных состояний общества, моделирование социальной реальности стало не только многоаспектным, но каждый раз открытым и незавершённым, а идеальные модели, фиксирующие его вектор, достаточно условными, настолько, чтобы способность человека инициировать желательные сценарии не шла вразрез с самоорганизацией системы.

Существенное влияние на эволюционистскую парадигму оказала волновая теория исторического процесса А.Тоффлера и его последователей¹⁵. Таким образом, неозволюционизм сегодня включает весьма богатый спектр теоретических ориентаций.

Можно выделить три типа эволюционистских концепций¹⁶. 1. Однолинейные, предполагающие наличие универсальных стадий последовательного развития общественных систем. 2. Универсальные, связанные с выявлением глобальных изменений, носящих форму развития. 3. Многолинейные, допускающие возможности примерно равноценных путей социокультурного развития и не ориентированные на установление всеобщих законов эволюции, выражающие, по сути, культурно-цивилизационный подход в социально-исторических исследованиях.

Если первый тип, акцентируя внимание на движущих силах развития, связывает последние с процессом адаптации человеческого общества к окружающему миру и к быстро меняющимся историческим обстоятельствам, то с позиций второго (отчасти) и третьего типа источником развития является реализация собственных всякой открытой динамической системе потенциалов к структурному и организационному саморазвитию, т. е. самосовершенствованию. Последним вариантом эволюционизма, как считает Штомпка, можно считать теории модернизации, о которых можно говорить в трёх смыслах: 1) модернизация есть синоним всех прогрессивных социальных изменений, 2) модернизация – это комплекс социальных, политических, экономических, культурных трансформаций, достигших апогея в XIX–XX в. (индустриализация, урбанизация, демократизация, доминирующее влияние капитализм и др.), 3) модернизация – это движение от периферии к центру современного общества (от менее развитых к более развитым в экономическом и научно-техническом отношении странам). Все теории модернизации являются продуктом эпохи, начавшейся после Второй мировой войны. Общая их черта – установка на объяснение современности как результата развития и изменения роли знания и производственных технологий в функционировании современного общества.

Каждому из сложившихся типов эволюционистского видения мира созвучна идея прогресса, но толкование последнего в контексте каждого из них ставит свои акценты на ее теоретических

параметрах. Наиболее влиятельными, наверное, можно считать те, которые характеризуют современное общество как постиндустриальное, информационное, а главной исторической тенденцией эпохи, с которой оно сущностно и хронологически связано, называют тенденцию к глобализации. В отличие от экономической трактовки глобализации на Западе, в России в ней надеются в конечном итоге увидеть то, что давно было представлено русскими философами как всечеловечность, как ряд процессов, составляющих единый мир и увязывающих человечество в социальную целостность с точки зрения структуры политических, экономических и культурных отношений. С этим связывают переход к «открытому обществу», развитие (и функционирование) которого осуществляется во многих плоскостях, по многим горизонталям. Есть ли это довод против идеи прогресса? Вряд ли. Открытость есть природное свойство общества, и в качестве таковой она не противоречит его, тоже природной, интенции к совершенствованию, хотя последнее, разумеется, не бесконечно во времени. И ещё один немаловажный момент: в отличие от естественных объектов, общество есть в конечном счёте результат человеческих деяний, пусть и не имеющих порой положительного вектора, а во многом и «хотений», пусть и не всегда хорошо продуманных. Сегодня этот факт более чем когда-либо становится очевидным. У Ф.Фукуямы есть определённые основания говорить, что сегодня не общество даёт закон личности, а личность обществу, что жизненно важным становится не столько процесс социализации личности, сколько процесс персонализации общества. В такой ситуации непосредственное, прямое влияние на социальную систему, на её структуру, на жизнь человека в ней оказывают цели, мотивы, научная обоснованность человеческих действий. Но разве это не аргумент в пользу идеи прогресса как теоретической конструкции, обосновывающей значимость целеполагания в историческом (социальном) творчестве, с одной стороны, а с другой, – утверждающей, что целеполагание есть атрибутивное свойство социума: общество потому и есть общество (а не муравейник), а история потому и предстаёт историей (а не хронологией событий), что их основанием является человеческое творчество, т. е. целенаправленная деятельность человека по конструированию и преобразованию социального пространства. Это не значит, что последнее есть «калька» законов разума, но это значит, что закономерность

наличествует в ткани его истории (творчество в вечном хаосе невозможно, вернее возможно, но как разрушительное). Проблема, которую ставит перед человечеством современное развитие социума, в другом – в усилении противоречия между двумя бытийными ориентациями, которые даны человечеству от природы (или от Бога) и которые, как писал С.Н.Булгаков, заставляют его жить «по двойственному критерию: при свете временной целесообразности, преследованию очередных задач истории, и при свете <...> чувства вечности, живущего в душе»¹⁷. Поэтому равнодействующая истории всегда идёт по «диагонали, определяющейся этими двумя перпендикулярами и более приближающейся то к тому, то к другому»¹⁸. Ныне не очень ясно, к какому из этих перпендикуляров приближается равнодействующая истории, поэтому вряд ли разумно сегодня расставаться с идеей прогресса.

Прогрессивен ли прогресс?

Этот вопрос является актуальным в споре о прогрессе. В конце концов, в дискуссии относительно содержания понятия «общественный прогресс» и его месте в существовавших и существующих на сегодняшний день теориях общественного развития легче найти линии взаимопонимания, поскольку они не затрагивают напрямую экономические, финансовые, политические интересы. А ответ на вынесенный в подзаголовок вопрос выводит нас за границы исторической эпистемологии и обращает непосредственно к реальности (исторической, социальной), требуя оценивать её по различным критериям – нравственным, экономическим, общекультурным, политическим. При этом сегодняшняя реальность не всегда поддаётся такой оценке, параметры её изменений часто вступают в противоречие с исходной идеей о совершенствовании как главном векторе исторического процесса и осуществляющихся в его контексте общественных трансформаций. Здесь несогласия и споры касаются не столько теоретических позиций, сколько мировоззренческих установок, обязывающих общество делать тот или иной выбор, – скажем, между интересами человека и функционирующей системы, экономики и культуры. Примером может быть ситуация, сложившаяся сегодня в сфере образования.

Жизнь современного общества жёстко связана со сферой науки, образования, знания, культурного развития человека. Уровень образованности, профессионализма, культурности принимает форму человеческого, интеллектуального капитала, обнаруживаются границы, за пределами которых для экономического роста (экономического прогресса) выгоднее сосредоточить организационные усилия и финансовые средства не в собственно материальном производстве, а в сфере науки, информации, образования. Можно сказать, что системообразующим принципом современного мироустройства в наше время является принцип развития на основе знаний. Именно по этой причине современное общество всё чаще называют «обществом знания», усматривая в этом один из показателей его движения по пути прогресса. Но есть ли «общество знания» (если признать правомерность такой квалификации применительно к той реальности, в которой живут развитые страны) *социокультурная ступень* прогресса?

Под влиянием превращения знания в определяющий фактор функционирования общественного производства в системе образования произошли очень заметные изменения. С одной стороны, очевидной стала ориентация его на нужды экономики, т. е. готовность идти на недвусмысленный альянс с бизнесом, а с другой стороны, выявилось возрастание его роли (именно в связи с этим и на этой основе) как механизма, посредством которого осуществляется передача культурного наследия от одного поколения к другому. Парадоксальность ситуации проявляется в том, что следствием и того, и другого стала *коммерциализация* образовательной системы, что заметно изменило её культурную матрицу: на периферию образовательного процесса переместились задачи гуманизации общественной жизни, укоренения в мировоззрении молодого поколения научных представлений о мире, общечеловеческих ценностей и моральных норм, исторически сложившихся традиций и культурных ориентаций. Наша практика последних лет очень убедительно об этом свидетельствует. Страна сегодня занимает 67 место в мире по индексу человеческого развития и 47 место по индексу «экономики знаний» с приростом на 8 пунктов с 1995 г. (Китай, занимающий сейчас 75 место, совершил за это время рывок на 29 пунктов¹⁹). Очевидная и обязательная в наше время ориентация образования на решение утилитарных целей (в личной мотивации

и на уровне общественных запросов) необходимым следствием имеет (и у нас, и повсеместно) глобальное оживление тенденции к охлократизации, т. е. к засилью людской массы с крайне ограниченными культурными запросами. Складывается ситуация, предвидя которую С.Н.Булгаков писал: «Человек в хозяйстве побеждает и покоряет природу, но вместе с тем побеждается этой победой и всё больше чувствует себя невольником хозяйства, вырастают крылья, но и тяжелеют оковы»²⁰. Тенденция к охлократизации вызывает серьёзную тревогу: её развитие грозит человечеству Новым средневековьем – с ноутбуками и мобильниками. Вот пример: во французской армии 20 % солдат (в Англии – 13 %) не понимают письменных приказов, потому что, привыкнув получать информацию через «видеоряд», впадают в недоумение перед текстом²¹; в Калифорнии поступающих в университет просили на собеседовании разделить 111 на 3 без калькулятора – не все смогли. Мы, возможно, «отстаём» по масштабам этого процесса просто потому, что отстаём по темпам научно-технического прогресса, но и для нас его угроза более чем реальна. Об этом свидетельствует катастрофическое снижение интеллектуального потенциала общества, культурных запросов молодёжи, ее общеобразовательного уровня. Причины снижения культурного уровня населения связаны не в последнюю очередь с новым качеством образования.

Необходимо признать, что сегодня у нас превалирует утилитарный подход к образованию – и со стороны государства, и со стороны человека. Это вызывает смещение его направленности в сторону признания значимости прежде всего прикладных знаний и умений («функциональной образованности»). Так, по результатам опроса, проведённого агентством Рейтер, 57,8 % российских граждан считают необходимым для карьеры практические навыки и умения, что отражает ситуацию на рынке труда²². Утилитарный, потребительский подход к образованию со стороны населения закрепляется тем, что от образовательной системы ждут прежде всего «экономической отдачи». Последнее было бы не столь пагубно, если бы при этом государство не скупилось на затраты. Но с инвестициями дело обстоит плохо, государство предпочитает следовать принципу, который, может, уместен в экономической политике, но никак не оправдан в сфере культуры, а именно: минимум затрат при ожидании максимума отдачи.

Вот некоторые цифры. Доля расходов на образование в России тяготела в последнее время к уровню 3,5 % ВВП, в то время как в развитых странах этот показатель составляет 7 %. В последнее время у нас усиливается тенденция к сокращению бюджетных мест в вузах в сочетании с ростом платы за обучение. В 2007–08 учебном году бюджетники составляли менее 40 % от общего числа студентов, в то время как, например, в Германии за счёт бюджета учатся 90% студентов, а во Франции, в Скандинавских странах высшее образование является бесплатным. Можно сказать, что низкий уровень финансирования образования, особенно высшей школы, рождает позорную для страны угрозу появления «образовательного апартеида». Любая образовательная система покоится на достижениях научного знания. «Экономика образования» сегодня предполагает в качестве таковых разработку наукоёмких технологий, невозможных без соответствующего финансирования фундаментальных исследований. Но и здесь ситуация не радует: доля расходов, направленных на развитие науки в РФ, составляет порядка 0,6 % ВВП (в США – 2,5 %). В США совокупные расходы на науку достигают 300 млрд долл. в год, у нас они равны примерно 10 млрд. долл. И результат, соответствующий затратам: по производству высокотехнологичной наукоёмкой продукции страна отстаёт от США в 120 раз²³. Наша доля на мировом рынке этой продукции не превышает 0,5% (США – 31 %, Германии – 16 %, Китая – 6 %), 15 лет назад на долю Советского Союза приходилось 18 %²⁴.

Можно сказать, что сегодняшнее отношение к науке и образованию со стороны государства не соответствует требованиям времени, стоящая за ними государственная стратегия отражает принципы ушедшего века, требования индустриального общества, а не «общества знания», на которое мы равняемся. Наука и образование не являются самодостаточными структурами, они не могут самостоятельно, без поддержки государства, бизнеса развиваться. Последний в нашей стране на инвестиции в науку и образование идет очень неохотно, а правильное сказать – вообще не идёт. В стране практически 80 % научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ финансируется государством и только 20 % – бизнесом. (В развитых странах это соотношение перевернуто «наоборот».)

Очевидно, что государственная политика в отношении образования должна выходить за рамки рыночных отношений. Только это в условиях господства товарных отношений может сохранить образовательную систему не только в функциях «экономики образования», но и как культурный институт, посредством которого осуществляется накопление и передача достижений человеческой цивилизации от поколения к поколению, реализуется культурная преемственность в историческом развитии общества, т. е. реальным становится движение общества по пути прогресса.

Достаточное финансирование науки и образования может сохранить «исходную» ориентацию последнего на духовное развитие учащегося, на приобщение его к культурным ценностям, на формирование необходимой общекультурной базы. Экономика имеет право относиться к работнику как к средству (в противном случае ей трудно оставаться эффективной), но для общества и государства человек всегда должен оставаться целью. В своё время Вл. Соловьёв писал: «Признавать в человеке только деятеля экономического – производителя, собственника, потребителя вещественных благ – есть точка зрения ложная и безнравственная»²⁵. Только при отношении государства к человеку как цели инициируемых им (государством) трансформаций система образования найдёт в себе самой противовесы всеобщей коммерциализации духовной жизни общества, превращению знания, образованности, культурности исключительно в товар, способна поставить заслон возможному усилению охлократии.

Сказанное выше позволяет признать: вопрос «прогрессивен ли прогресс?» правомерен в контексте продолжающейся дискуссии о соответствии или несоответствии его «формулы» процессам, характеризующим сегодняшнюю реальность. Но этот вопрос, во-первых, предполагает, что речь идет не о прогрессе и регрессе как двух возможных путей исторического развития (не важно, дополняющих или исключающих друг друга) и не о возможных отрицательных последствиях, сопровождающих социальные изменения, происходящие по восходящей линии, а о противоречивой, двойственной природе самого прогресса. Во-вторых, поставленный выше вопрос отнюдь не предполагает сомнений относительно научной значимости стоящей за ним идеи, как и правомерности включения её исходного понятия в

категориальный аппарат современного социального знания, ибо «человечество никогда не перестанет думать о завтрашнем дне и в свои представления о нём вводит то понимание действительности нынешнего и вчерашнего дня, которое даёт социальная наука»²⁶.

Глава 2. Социальный прогресс: теория и практика

Проблема прогресса отражает многие вопросы политики, экономики, истории, психологии. Она затрагивает коренные интересы наций, государств, классов, касается судьбы каждого индивида и человечества в целом. Вокруг нее ведутся непрекращающиеся дискуссии, сталкиваются взгляды теоретиков разных мировоззренческих направлений.

Прогресс – объективно закономерный процесс

Повышенное внимание к проблеме прогресса проявляется в настоящее время, когда происходит динамичная смена идейных парадигм и духовных ценностей, предельно обострились межгосударственные и межнациональные противоречия. Научная мысль, наверное, никогда еще не была столь серьезно озабочена судьбами человечества, не прилагала столько усилий для прогнозирования возможных путей исторического процесса. И оснований для высказывания пессимистических прогнозов здесь более чем достаточно. Драматизм современной исторической ситуации заключается в том, что человечество подошло к критической границе, возник вопрос о его выживании как биологического вида. Гамлетовский вопрос – быть или не быть – встает теперь уже не в философском, а в жизненном, практическом смысле.

Каково будущее человечества в условиях катастрофического истощения природных ресурсов и угрожающей демографической ситуации, возможен ли ненасильственный мир и как предотвратить угрозу ядерного самоубийства, есть ли смысл и цель исторической деятельности человека и в чем они состоят – такие вопросы ставятся сейчас учеными в качестве первоочередных.

Человечество вступило в XXI век с тяжелым грузом нерешенных проблем. Без их решения невозможно не только достичь прогрессивного развития, но и обеспечить сохранение наличного уровня цивилизации, предотвратить возможность отката назад, регрессивного движения.

Показательно, что еще десятилетие тому назад Папа Иоанн Павел II в своей энциклике «Спасите Человека», признавая, что политические и экономические структуры, лежащие в основе западной цивилизации, не смогли устранить проявления несправедливости и дать ответ на неотложные проблемы и этические требования настоящего времени, призывал гуманизировать существующий миропорядок. Аналогичные мысли содержатся и в известном «Манифесте» Эйнштейна и Расселя, говорящем о трагическом положении, в котором находится человечество, о необходимости научиться мыслить по-новому: «Какие шаги можно предпринять для предупреждения вооруженной борьбы, исход которой должен быть катастрофическим для всех ее участников. Перед нами лежит путь непрерывного прогресса, счастья, знания и мудрости, выберем ли мы вместо этого смерть только потому, что не можем забыть наших ссор. Подумайте о том, что Вы принадлежите к роду человеческому, и забудьте обо всем остальном»²⁷.

Возможно, в настоящих условиях всеобщего кризиса, охватившего весь мир, включая и Россию, представляется несвоевременным говорить о прогрессе, надо думать больше о выживании, говорить о регрессе, наблюдающемся во всех сферах жизни. Но, тем не менее, тема прогресса остается важной, хотя бы в силу того, что историческому процессу присущи противоположные тенденции. Многие ученые не без основания считают, что сегодняшний кризис будет иметь для России не только отрицательные, но и положительные стороны. Наша промышленность будет ускоренными темпами поворачиваться в сторону инновационных технологий, мы, наконец, соскочим с нефтяной и газовой иглы, будем больше заботиться о производстве отечественной продукции, больше внимания уделять науке и образованию, прекратится утечка за рубеж российских мозгов. То есть регресс в одних областях будет компенсироваться прогрессом в других.

Хотя в течение длительного времени наши предки вели однообразный образ жизни и идея прогресса оказалась наиболее значимой после буржуазных революций, но и раньше осуществлялся

процесс очеловечивания природы, люди вели непрерывную борьбу за удовлетворения своих потребностей, совершенствовали орудия труда и рационализировали межчеловеческие отношения.

Прогресс есть исторически обусловленное и непрерывно изменяющееся явление, принимающее все новые формы, доказывает свою неисчерпаемость в онтологическом и гносеологическом аспекте. Его горизонты постоянно смещаются по мере достижения человечеством определенных границ познания окружающего мира, открывая новые просторы для развития общества. Понятие прогресса наполняется новым содержанием и приобретает новый смысл на новых витках истории.

Критерии прогресса

Прогресс всегда является продуктом конкретной эпохи, обладают конкретной значимостью только в ее условиях и пределах. Например, рабство в свое время представляло собой движение вперед по сравнению с первобытным строем, рассматривалось как естественное и оправданное состояние общества.

Определение сущности общественного прогресса и выявление его объективных критериев имеет трудности, обусловленные сложностью и многоплановостью общей архитектуры общества, особенностями развития разных его сторон и многообразием типов трансформаций. Но выявление критериев прогресса возможно, ибо все его проявления имеют общее исходное начало, поскольку общество представляет собой не механический комплекс различных образований, а органически целостную систему. Понятие прогресса является адекватным отражением объективно существующей направленности исторического процесса, и его критерии отражают наиболее устойчивые моменты этой направленности.

Гегель рассматривал историю как единый закономерный процесс, носящий поступательный характер, обосновывал положение о прогрессивном осознании свободы, в котором историческое прошлое служит основой настоящего, старое является фундаментом нового. Каждое несовершенное явление содержит в себе свою противоположность в качестве зародыша совершенного, стремление к преодолению несовершенного.

К.Сен-Симон критерием прогресса считал способность общества удовлетворять важнейшие потребности граждан, развивать их природные способности, делать их жизнь разумной путем развития науки. Он подвергал критике современное ему капиталистическое общество, оказавшееся, по его словам, вызывающей горькое разочарование карикатурой на блестящие обещания просветителей.

Г.Спенсер считал цивилизационный прогресс всеобщим законом бытия и усматривал его абсолютный смысл в усовершенствовании человеческой природы, нравственной перепалке людей в позитивную сторону.

История общества не сводима к экономической истории. Для того чтобы избежать узости и односторонности, не впасть в одномерное измерение, необходим анализ всех сторон общественного развития, созидательной деятельности основного субъекта истории – человека. Человеческое измерение социального прогресса становится решающим в условиях информационно-технической революции, превращения науки в непосредственную производительную силу. Историю творят люди, создающие материальные и духовные богатства, двигающие ее по восходящим ступеням прогрессивного развития. К.Ясперс, излагая философию истории, отмечал, что прогресс определяют те «вершины развития человеческого духа, когда человек приближается к ощущению подлинного бытия», к становлению самосознания²⁸.

История общественного развития не только познается, но и создается людьми, выступающими одновременно авторами и актерами «всемирно-исторической драмы». Историческое прошлое не существует вне и помимо деятельности человека, преследующего свои интересы и цели, обладающего волей, эмоциями, страстями. Сам по себе процесс познания и постижения истины не способен изменить социальную действительность, разрешать жизненные проблемы. Для этого необходимы активные действия людей, опирающихся на познание закономерностей общественного бытия. Для осуществления идей требуются люди, которые должны употребить практическую силу.

Указывая на единство всех проявлений материальной духовной жизни, К.Маркс писал: «...тот же самый дух, который строит железные дороги руками рабочих, строит философские системы в мозгу философов, философия не витает над ми-

ром»²⁹. Он подчеркивая «земную природу» философской теории: «разрешение теоретические загадок есть задача практики и опосредуется практически»³⁰. Степень овладения обществом стихийными силами природы и степень высвобождения общества из-под гнета стихийных общественных сил – таковы общие критерии прогресса.

Историческая практика свидетельствует, что каждый шаг по пути социального раскрепощения личности, освобождению ее от той или иной формы угнетения и зависимости являлся ступенью материального и духовного прогресса, расширял границы свободы воли и действий человека.

Свобода личности – основополагающая предпосылка прогресса

Если прогресс имеет человеческое измерение, определяется наличными условиями и возможностями раскрепощения человека от давления социальных и природных сил, то развитие личности зависит от свободы выбора принимать решения и реализовывать их, опираясь на приобретенные знания и опыт.

Отмена крепостничества в России, означавшая смену производственных отношений, дала толчок к ускоренному развитию экономике, всех производительных сил общества. Таким образом, появившаяся личная свобода в условиях формировавшегося тогда российского капитализма означала прогрессирующее развитие общества, обеспечивала динамику всех сфер общественной жизни.

Сила и авторитет современного государства оценивается теперь уже не только и не столько его военно-промышленным потенциалом, количеством армии и вооружения, как это всегда было в прошлом. В настоящее время решающим критерием выступает человеческий потенциал, интеллектуальный и образовательный уровень общества, благоприятные условия для свободного развития и практического использования всех человеческих ресурсов. Вложения в человеческий капитал признаются наиболее эффективной формой инвестиции³¹. Государства, обладающие в максимальной степени всеми этими качествами, находятся в авангарде мирового сообщества наций.

В Послании Федеральному Собранию президента России Д.А.Медведева от 5 ноября 2008 г. чаще всего фигурировало понятие свободы во всех его проявлениях – социальном, политическом, экономическом этническом, религиозном. Указывалось, что свободное развитие граждан и их социальная защищенность является приоритетной задачей, без решения которой невозможно развитие демократии, обеспечение равноправия и единства общества. Отмечалась и сложность развития процесса свободы, внедрения ее идей и принципов в общественное сознание и практику. Этот процесс никогда и нигде не был скоротечным и прямолинейным, и Россия не представляет здесь исключения. Ей присущи в истории анархические черты, которые изживаются социальным пониманием свободы, наличием ее общественных и политических форм.

Прогресс находит свое выражение в стремлении общества сделать культуру и образование достоянием широких масс, чтобы культура служила народу. Неоспоримой заслугой советской власти является то, что она совершила самую масштабную в истории культурную революцию. Россия, где до 1917 г. была грамотна лишь одна четвертая часть населения, была превращена в страну, где издавалось самое большое количество книг, было создано множество новых библиотек, театров, музеев, клубов. Показателем прогресса явился громадный культурный рост всех слоев общества, наций и этносов. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что до 1917 г. произведения художественной литературы создавались и издавались в России на 20 языках, то в 1988 г. уже на 79 языках народов СССР. Этот культурный прорыв можно по праву отнести к понятию прогресса, несмотря на все издержки советского периода. И хотя совершенный в ходе социалистической революции политический и социальный переворот предшествовал культурному, без культурной революции невозможно было успешное продвижение вперед по всем направлениям созидательного строительства. Культурный прогресс перестал быть деятельностью привилегированного меньшинства, исчезла монополия на владение культурными ценностями немногих, избранных.

В процессе общественного развития действуют разные тенденции, но побеждает та, на стороне которой выступает общественная сила в лице большой массы сознательно и организованно

действующих людей. Народные массы, являясь главными творцами материальных и духовных ценностей, выступают и главным двигателем исторического прогресса во все периоды истории.

Проблема народных масс и их роли в политической и других сферах общественной жизни приобретает в эпоху глобализации новое звучание, требует инновационных подходов и концептуальных идей. Резко увеличивающаяся социальная мобильность повлекла возникновение «недифференцированной массы», представленной самыми разными слоями общества.

В настоящее время получили распространение концепции «депролетаризации» рабочего класса, уменьшении его веса и роли в общественно-политической жизни. Английский философ Э.Гидденс считает, например, что происходящие изменения в социально-классовой структуре западного общества привели к утрате промышленным пролетариатом революционного сознания и к переходу модернизационной инициативы к интеллигенции, а революции в своем классическом виде оказались ушедшими в прошлое. Аналогичное суждение высказывалось Д.Беллом, по мнению которого определяющее значение в общественном развитии принадлежит теперь теоретическому знанию как источнику всех инноваций, а политические решения и экономические программы должны основываться на результатах научных исследований. Критический потенциал разума и интеллектуальной свободы автоматически обеспечит модернизацию демократических институтов, построение новой системы управления и организации процессами жизнедеятельности общества. Что же касается трудящихся масс, роли их созидательного труда и протестной борьбы, то они полностью игнорируются, оказываются за кадром.

Факты реальной действительности часто расходятся с такого рода взглядами. Сомнительно и утверждение о невозможности социальных революций в будущем. безвозвратно исчезли и больше уже не могут разразиться. Общественная система не может рассматриваться как вечная данность.

Регресс как антипод и составляющая прогресса

Понятие «прогресс» соотносится с понятием «регресс». В основе регрессивных явлений могут лежать разные объективные и субъективные факторы: экономический спад и кризисные явления, неадекватная оценка негативных тенденций и их несвоевременное выявление и устранение, консерватизм мышления, сковывающий проявления инновационных инициатив и препятствующих свободе новаторства.

Противоречивость исторического процесса находит выражение в попятных движениях и разного рода зигзагах, возвратах к изжившим формам социального устройства, возобладании реакционных сил над прогрессивными. Такого рода противоречиями, глобальными катастрофами и геополитическими разломами оказалась чрезвычайно богата современная эпоха. Не случайно в XX веке сформировались такие новые направления научного знания, как философия катастроф и прогнозирование конца мировой цивилизации.

Имеется немало свидетельств того, что попытка осуществления модернизации и перехода к новому общественному порядку путем отбрасывания всего прошлого, отрицания и разрушения накопленных традиций и проверенных духовных ценностей ведет не к прогрессу, а регрессу, культурной деградации.

Модернизация и прогресс – две взаимосвязанные категории, поскольку модернизация не может обходиться без прогресса, а прогресс подразумевает и обязательную модернизацию, появление существенно нового в развитии. Идея прогресса – ключевой элемент концепции социокультурного развития человечества, она выступает в качестве фактора, легитимизирующего модернизационный процесс, включает в себя такие параметры прогресса, как экономический рост, развитие высоких технологий, повышение благосостояния и культуры, открытость, свободу в самом широком понимании. Неотъемлемым требованием прогресса является воплощение в жизнь идеалов человеческой солидарности.

Ход прогресса не всегда и не во всем предсказуем, поскольку имеет место неравномерность развития разных сфер общественной жизни, каждая из которых обладает своими законами транс-

формаций и своими критериями прогресса, что порождает сложность прогнозирования путей и следствий прогресса, пессимистическое отношение к самой идее прогресса. «Люди никогда не знали истории, которую творят, – писал Р.Арон, – и нет причин полагать, что они знают ее сейчас»³².

Противоречивость социального прогресса выражается в том, что поступательное движение в одних областях жизнедеятельности может сопровождаться проявлениями регресса в других.

Нарастающий процесс комерсализации культуры, когда на первое место ставится финансовый успех, также приводит к духовным потерям, заменяет культуру развлекательными шоу, ослабляет моральное влияние и гуманистическое предназначение культуры. Таким образом, противостоя прогрессу и вместе с тем в определенном отношении расчищая ему дорогу, регресс обладает разнообразным содержанием и обусловлен самой противоречивой сущностью исторического процесса.

Взаимодействие теории и практики выступает как детерминанта прогресса. Научная мысль оплодотворяет практику идеями, практика осуществляет их реализацию. Существование обратной связи между теорией и практикой определяет возможность воздействия сознания на ход развития материальных процессов, на их содержание и направленность. Он детерминирует общий поступательный процесс развития лишь, в конечном счете. Но духовно-идеологическая сфера обладает относительной самостоятельностью, способна оказывать ускоряющее или тормозящее воздействие на развитие общества, способствовать или препятствовать решению стоящих перед ним задач.

Эпоха «революционных бурь» требовала новых идей, и это требование неизменно удовлетворялось. Отмечая, что социальные революции рождаются первоначально в умах идеологов. Ф.Энгельс писал, что «подобно тому, как во Франции в XVIII в., в Германии в XIX веке философская революция предшествовала политической»³³. Этот исторический пример может служить подтверждением единства и взаимозависимости теории и практики.

Ни теория, ни практика не смогли бы продвигаться по пути прогресса, не используя достижения материальной деятельности. Превращение науки в непосредственную производительную силу, переход всех видов человеческой деятельности на научно обосно-

ванную основу означало фактически, что она взяла на себя ответственность за поиск оптимальных путей развития, за судьбы человечества. Но все многообразие человеческой деятельности и исторической практики невозможно охватить научными категориями и понятиями, отразить самой совершенной теорией. Она всегда ограниченнее и беднее практической действительности.

Связь развития науки с изменениями в общественной жизни не является простой и однозначной. Развитие научного знания подчас может иметь негативные последствия, особенно наглядно это проявляется в техногенную эпоху. Научно-технический прогресс, может стать угрозой разрушения природной среды и самой органической жизни на нашей планете. Человек может превратиться из творца и властелина такого прогресса в его жертву.

Фиаско концепции прогресса

Прогресс в трудах идеологов Просвещения трактовался как движение от низшего к высшему, более совершенному, отождествлялся с достижением позитивных целей. Ж.А.Кондорсе сравнивал путь человечества к прогрессу с петляющей горной дорогой, по которой оно взбирается, временами срываясь и отступая, но неуклонно продвигаясь вверх и достигая все новых вершин, указывал на способность человека и общества к бесконечному совершенствованию. Он высказывал веру в наступлении времени, когда «земля будет населена свободными людьми, признающими разум своим единственным господином»³⁴.

Просветители высказывали мысль, что человеческое сознание создает в разные исторические эпохи определенные образы мира, и от того, каков образ восприятия и рефлексии человеком наличной действительности, во многом зависит образ его мышления и поведения. Чувство стабильности и уверенности порождает удовлетворенность и оптимизм, рост общественной и индивидуальной активности. Несомненно, что возникший под влиянием передовых идей ученых образ справедливого и гуманного общественного устройства породил явление Ренессанса в Западной Европе сделал возможным рывок развития во всех сферах жизнедеятельности. А негативные явления 1990-х в России,

вызвавшие резкую дифференциацию общества и массовое обнищание, потерю у людей веры в возможность изменить жизнь к лучшему привели к деморализации общественного сознания и упадническим настроениям, представляющим большую опасность, чем все экономические неурядицы и материальные потери. У части общества возникла ностальгия по советскому прошлому. Подтвердилось, что разруха в обществе ведет к разрухе в головах и душах людей.

Возвеличивая роль человеческого интеллекта и культуры, пропагандируя культ свободной личности, мыслители прошлых эпох выражали убеждение, что «царство разума и свободы» находится не в прошлом, а в будущем, путь к которому освещает научное познание. Вера в прогресс заметно померкла в западной философской мысли на рубеже XIX–XX вв. в силу острых противоречий общественного бытия и масштабных социальных потрясений.

Само понятие прогресса стало все чаще заменяться понятием «социальное изменение», которое могло означать перемену в любую сторону, как к лучшему, так и к худшему состоянию.

О.Шпенглер, Ф.Ницше и некоторые другие теоретики отрицали возможность прогресса в принципе. Другие допускали лишь проявление частичного прогресса в отдельных сферах (А.Тойнби, П.Сорокин).

Многим казалось, что прогресс повернул вспять ввиду того, что человечеству суждено расплачиваться дорогой ценой за научно-технический прогресс. Все страхи современного человека, писал Р.Арон, связаны с фантастическими, но нередко вредными для него достижениями науки, так же как некогда этот страх был связан с религией, столь убедительно описывавшей ужасы ада. А.Бергсон заявлял, что человечество стонет, раздавленное под тяжестью того прогресса, который им же совершен. В психологических концепциях корни всех противоречий и общественных коллизий усматриваются в нарушении «внутреннего равновесия» в психической структуре человека под воздействием стрессовых ситуаций, нарастающего давления на него враждебной окружающей среды. Наблюдающееся состояние массового невротического шока выливается в коллективные акты агрессивного и протестного поведения. Г.Маркузе, А.Тоффлер, Э.Гидденс, Л.Мэмфорд, указывая на усиливающийся разрыв между научным и духовным

прогрессом, полагали, что наступает время свершения «экзистенциальной революции», призванной коренным образом изменить характер и смысл человеческого существования.

Таким образом, кризис концепции прогресса связан с общим кризисом общественного сознания в постиндустриальную эпоху.

Реформаторское насилие как средство форсирования прогресса

Человек всегда занимается пересозданием мира, в котором живет. Эта преобразовательная деятельность может иметь разные последствия, но она субъективно осуществляется в благих целях. Истории известно немало радикально мыслящих личностей, которые, по словам А.Герцена, впадали в трагическую «ошибку нетерпения» и, не считаясь с реальными возможностями, пытались ускорить прогресс искусственным путем.

Хотя насилие применялось в осуществлении прогресса, оно же представляло огромную опасность в качестве средства его достижения. Историческим примером таких действий в XIX в. может служить агрессивная политика Наполеона I, пытавшегося путем военных завоеваний и навязывания другим народам своей воли обеспечить монопольное господство Франции в тогдашнем мире и тем самым достигнуть ее прогресса. В результате этих военных авантур Франция потеряла около 2 млн. человек, а политические и экономические результаты оказались обратными желаемым.

Те борцы за прогресс, которые не обладают качеством терпеливого ожидания, лишены понимания, что в обществе, как и в природе, все имеет свою последовательность, свои сроки вызревания и плодоношения. Любой модернизационный процесс в своем естественном развитии имеет определенную временную дистанцию, измеряемую обычно временем жизни не одного поколения. Но революционные реформаторы, как правило, не хотят долго ждать, они стремятся осуществить все намеченное сразу и полностью, увидеть плоды своей деятельности и быть оцененными при жизни, не надеясь, очевидно, на признание своих заслуг потомками. Понять их можно, но оправдать нельзя, т. к. насилие над законами

истории, в конечном счете, обходится очень дорого, оборачивается разрушительными последствиями. Л.Н.Толстой говорил, что нет предела тому злу, которое может быть совершено во имя добра.

В России метод реформаторского насилия, применяемого для ускорения социального прогресса и насаждения цивилизации, занимает особое место. Давая оценку этому явлению, следует, конечно, учитывать чрезвычайные обстоятельства российской действительности, требовавшей осуществления модернизации страны в сжатые сроки и форсированными темпами, изживать варварство варварскими средствами, прорубать окно в Европу мечом и кнутом.

Пытаясь дать ответ на вопрос, почему Россия на путях своих исторических трансформаций постоянно сбивается на соблазн подмены путей свободы путями принуждения, Н.А.Бердяев отмечал, что это связано не только с личными типологическими чертами некоторых российских правителей, как утверждали некоторые мыслители, но необходимостью принесения в жертву интересов живущих поколений ради интересов поколений будущих, во славу и укрепления могущества Отечества.

Российская цивилизация, ее социокультурные ценности и традиции, национальная психология и ментальность требуют не только универсальных, но и специфических во многих отношениях моделей и средств модернизации. Главное, не забывать, чему учит история, которая всегда строго наказывает за плохо выученные уроки.

Исторические перспективы прогресса

Концепция прогресса вошла в историю научной мысли как западная идея, но в последующем она обрела цивилизационную плюральность, исключаящую единый образец и универсализацию чьего-либо опыта. Развивающиеся страны сейчас осуществляют прогресс через перенятие экономических механизмов и некоторых форм политической жизни Запада, посредством использования его новейших технологий и культурно-образовательных достижений. Вместе с тем очевидно, что в государствах, осуществляющих модернизацию, западная концепция прогресса воплощается в жизненную действительность в значительно измененном и при-

способленном к локальным условиям и национальным традициям виде. Прогрессивные достижения разума Запада они соединяют с разумом и потребностями собственной цивилизации.

Уникальность современного миропорядка состоит в том, что в исторический процесс вовлечены все нации и цивилизации, прогресс каждой из них находится в зависимости от прогресса всех других. Глобальная тенденция к расширению всесторонних связей всех субъектов международных отношений переплетается с тенденцией к сохранению национальной независимости и самостоятельности. Ни одна страна не может в этих условиях претендовать на монопольное господство, не считаться с интересами всех народов. Требуется выработка новой политической и экономической стратегии, ориентированной на сочетание интересов отдельных государств с общечеловеческими интересами в целом. Особую актуальность это требование обретает в условиях развернувшегося финансово-экономического кризиса, который протекает на фоне процесса глобализации.

Человек, его интересы и потребности являются эпицентром всех проблем цивилизационного развития, гуманистического осознания сущности и цели бытия. Гуманистическое мышление становится велением современной эпохи, исторически необходимой идейной парадигмой.

В общественном сознании укрепляется идея неотложного создания миропорядка, соответствующего представлениям о таких ценностях, как свобода и равенство, братство, справедливость. Социальные инновации придают идеологии гуманизма большую эффективность, стимулируют повышение роли гуманистических идеалов. Они выступают как факт желаемого будущего и как имманентная цель истории, заключающаяся в бесконечном процессе совершенствования людьми окружающего мира. «Подлинный смысл нового (реального) гуманизма, – писал академик И. Т. Фролов, – как раз и состоит в присвоении человеком человеческой сущности, всего предшествующего материального богатства, в превращении его в человеческое богатство, в жизненно необходимое условие существования каждого индивида»³⁵.

Гуманизм аккумулирует в себе духовно-нравственные ценности и поведенческие нормы. Прогрессивно все то, что гуманистично, что способствует возвышению человеческих отношений и де-

ляет обстоятельства бытия человеческими. В процессе прогрессивного развития люди обновляют самих себя в той же мере, в какой они обновляют создаваемый мир действительности. Целью прогресса является превращение человеческой личности из средства в цель общественного развития.

В нашей общественной теории наблюдаются резкие шараханья из одной крайности в другую в отношении оценки прогресса. В советское время социалистический строй и все, что с ним связано, объявлялось исключительно передовым и только прогрессивным. Потом, когда началась перестройка и разрушение всего прошлого, понятие прогресса подверглось остракизму, было объявлено, что никакого прогресса вообще не существует, в обществе происходит только эволюция, а революционные социальные скачки могут приводить лишь к хаосу, разрухе и вырождению. Эти теоретические зигзаги и непоследовательность в трактовке процесса прогрессивного развития свидетельствуют, конечно, о недостаточно высоком уровне познавательной культуры и неизжитости вечной русской болезни – впадения в крайности, неспособности найти середину.

Российское общество переживает сложный период цивилизационного становления, остро стоит вопрос выживания и социальной консолидации. Результатом общественных преобразований последних двух десятилетий стали анемичность общественного сознания, падение уровня духовности и национальной идентичности, рост этноцентристских амбиций, подмена национальных традиций ценностями массовой культуры.

Важную роль для выхода из кризисного состояния социальной и нравственной дезориентированности играет установка на базовые национальные приоритеты, исходящие из особенностей российской национальной культуры и характера народа.

Ни одно государство и ни один народ не присваивают себе звание великих. Этот статус они получают от истории, от места, которое занимают в ней благодаря своему вкладу в мировую политику, экономику, науку, культуру. Россия является великой державой потому, что у нее великая история. Нам есть чем гордиться, что защищать и что преумножать.

Существует много разных определений понятия прогресса, трактовки его содержания и сущности. Но все они сводимы к победе разума над скудомыслием, передового над отсталым, добра

над злом. Главной задачей прогресса всегда является создание условий, обеспечивающих благосостояние и безопасность людей, защиту их прав и свобод, превращения человеческой личности из средства в цель общественного развития. Какие бы испытания ни предстояло преодолеть человечеству на пути к прогрессу, он должен быть осуществлен во имя блага живущих поколений и памяти прошлых поколений, веками создававших эту победу.

Глава 3. Идея прогресса в контексте ментальных и социальных трансформаций

Если попытаться коротко сформулировать самое главное, существенное отличие общественного прогресса от биологической эволюции, то, скорее всего, придется признать, что животное совершенствуется инстинктивно, рефлекторно, т. е. стихийным образом, под влиянием не зависящих от него, объективных обстоятельств или вымирает, не сумев так или иначе приспособиться к ним. Человек же в процессе совершенствования сам меняет своё окружение, выступая творцом объективных для будущих поколений условий жизни. Разумеется, это не проходит бесследно и для биологических характеристик самого человека, и для его социальной сути, но главный признак, отличающий его от животного, а именно творчество (со всеми вытекающими отсюда последствиями универсального существования), остаётся неизменным. При этом творческие способности человечества в целом в ходе его продвижения по пути общественного прогресса становятся шире и эффективнее и значимее в его деятельности, наполняясь интеллектуальным, духовным, эмоциональным содержанием.

Просвещение и прогресс

Впервые внимание к этому аспекту рассмотрения существования общества вообще и к особенностям его деятельности в цивилизованной, а значит, противостоящей варварству и дикости форме было привлечено ещё мыслителями эпохи Просвещения. Точнее говоря, эпоха Просвещения с её культом знания и человеческого

могущества и началась именно тогда, когда такое понимание отношений между людьми, между человеком и природой было поставлено во главу угла не только теоретического изучения социальных проблем, но и практического их решения.

Опираясь на исторические открытия эпохи Просвещения, впервые поставившей перед европейским общественным сознанием задачу осмысления «разумных основ» существования цивилизации как таковой, философское размышление, как правило, исходило из считавшегося аксиоматическим представления о фундаментальном положительном векторе движения общества в качестве естественной закономерности разворачивания исторических судеб человечества. За примерами далеко ходить не надо. Даже самые осторожные долгосрочные прогнозы будущего, осложнявшиеся серьезными сомнениями относительно современного их авторам состояния общественной практики в целом и особенно реалий нравственного поведения, в конечном счете, все же резюмировали свое видение этого будущего вполне оптимистически, т. е. не только как исключительно благополучного и совершенного, но и как ожидаемого и целиком оправдывающего усилия, направленные на то, чтобы оно все-таки состоялось. К числу подобных «скептиков-оптимистов» можно в большей или меньшей степени отнести таких гигантов философской мысли прошлого, как Жан-Жак Руссо (1712–1778), Шарль Луи Монтескье (1689–1755) и Вольтер (Франсуа Мари Аруэ, 1694–1778). Взгляды на этот предмет великих французских философов XVIII в. широко известны. А потому отметим «пунктиром» лишь те важные особенности просветительства, которые связаны с их пониманием роли знания и сознания в ходе исторического процесса.

Руссо в своем знаменитом «Общественном договоре» (1762) считал, что переход человека из первобытного в цивилизованное состояние разрушил его гармонию с природой и породил многочисленные источники социального угнетения. Оно может быть уничтожено только ценой чрезвычайных стараний человечества на пути познания и нравственного самоусовершенствования, в том числе и самоограничения, а также по мере свершения базисующихся на этом духовном фундаменте революционных преобразований. Монтескье уже не разделял мрачной оценки совре-

менного положения дел его младшим коллегой. И все же он не мог пройти мимо признания серьезных трудностей реализации исторического прогресса в целом, отмеченных им не только в «Персидских письмах» (1721), но и в «Размышлениях о причинах величия Римского народа и его упадка» (1734). Однако его главный труд «О духе законов» (1748) проникнут безусловной верой в силу человеческого разума, который, с его точки зрения, и есть закон, управляющий народами в соответствии с объективными историческими, географическими, биологическими и прочими обстоятельствами. Вольтер, начав свою литературно-научную карьеру под безусловным влиянием лейбницианской идеи о господстве всемирной гармонии, уже в конце 1750-х гг. едко высмеял это своё простодушие в философской повести «Кандид, или Оптимизм» (1759). В последующий период своего творчества (1756–1769) в произведении «Опыт о всемирной истории и о нравах и духе народов» Вольтер нашёл новые основания отказаться от исторического пессимизма, поскольку стал отождествлять подлинные перспективы прогресса в истории общества с опорой на просвещённый абсолютизм, аристократию духа и ликвидацию невежества масс. В этом отношении с ним были целиком солидарны и французские материалисты Клод Адриан Гельвеций (1715–1771), Поль Анри Гольбах (1723–1789) и др.

Убеждённость в победоносном движении человеческого разума вопреки многим очевидным фактам бытовавшей вокруг исторической действительности строилась прежде всего на вере в знание, освобождённое от пут догматической схоластики с её средневековыми авторитетами и превращением философии в бесправную «служанку теологии». Постепенная секуляризация норм человеческого общежития, начавшаяся в Европе ещё в результате частичной дискредитации клерикальных основ религиозного мировоззрения в эпоху Реформации, конечно, имела свои негативные последствия в известном «развращении» человеческой морали и оправдании многого из того, что в христианском кодексе считалось пороками. Но ещё Сократ в V в. до н.э. полагал, что зло есть всего лишь незнание добра. И, следовательно, задавая определённые культурные, точнее говоря, цивилизационные цели и идеалы общественного развития и будучи достаточно компетентным, как считалось в XVIII в., в этом роде деятельности, знание по само-

му своему существу есть критерий выбора также и оптимальных способов, и средств предстоящего осуществления этих идеально-целевых программ.

С другой стороны, описанное выше мнение основывалось не только и даже, возможно, не столько на древней философской традиции. Оно верифицировалось, а потому и постоянно воспроизводилось в ходе повседневной общественной практики Нового времени именно благодаря обнаружению небывалых по тем временам горизонтов совершенствования творческих возможностей человеческой культуры – как в техническом, так и в гуманитарном плане. Великие географические открытия продемонстрировали универсальность природных и исторических законов бытия (при этом исключения лишь подтверждали общие правила их функционирования), а триумф механики и математики, обмирщение морали, искусства и философии говорили не только о могуществе человеческого разума, руководствующегося не суевериями, а научно обоснованными фактами, методами и гипотезами, но и о его творческой свободе во всех областях культурного созидания и, в первую очередь, о возможности принципиального, всеобъемлющего контроля над природой и собственной историей.

Наиболее ярко этот философско-исторический оптимизм, явившийся продуктом невольных просветительских иллюзий³⁶, отражен в практической деятельности тех, кого в истории философии чаще всего называют энциклопедистами. Инициатором и бессменным, пожизненным руководителем первого в мире издания, посвящённого систематизации и широкой популяризации научных знаний в самых разнообразных культуротворческих применениях, был французский философ-материалист Дени Дидро (1715–1780). Главными целями этой беспрецедентной для того времени тридцатипяти томной «Энциклопедии, или толкового словаря наук, искусств и ремесел» (1751–1780) выступали избавление народа от невежества, создание первоначальных условий для обретения им общественного самосознания, т. е. адекватного понимания своей объективной роли в исторических событиях крупнейшего масштаба. Среди сподвижников Дидро можно встретить такие великие умы XVIII в., как уже упоминавшиеся здесь Вольтер и Руссо, Монтескье, Гольбах и Гельвеций, а также Мабли, Даламбер и др. Это были люди с разными религиозными и политическими

взглядами, опиравшиеся на различные философские методы исследования природы, общества и мышления. Но всех их объединяла уверенность в неотвратимости и, в конечном итоге, благотворности исторического прогресса, основанного на соединении энергии творческой активности человека с безграничностью его рационально-познавательного потенциала. Отсюда брала свое начало тенденция нового обожествления Разума как такового, отныне уже не в канонически-мистической форме, а в рамках деистического (доходящего иногда даже до атеистического, хотя не вполне последовательного) мировоззрения, сопряженного со светской философской и научной практикой.

Таким образом, внутренняя взаимообусловленность просветительства и прогрессизма в их самой приблизительной, еще не отрефлексированной форме, по сути дела, явилась неизбежным следствием грандиозной антиклерикальной борьбы заново рождающейся, модернизирующейся на глазах сменяющих друг друга поколений Европы против духовного засилья религиозной традиции уходящего в прошлое Средневековья. И, как всякий серьёзный успех, вызывающий тот или иной вид эйфории, победа этой мировоззренческой установки, казалось, не давала и не могла дать повода к глубокой самокритике. Ее приверженцы не были пока способны к выяснению не только своих существенных теоретических и методологических изъянов, но даже более мелких недостатков. Достаточно вспомнить, скажем, о попытках «очистить» рацию от «случайностей» субъективного порядка (теория «идолов» Бэкона) или от «наслоений» практического существования объекта (у Декарта), предпринятых в рамках гносеологической «робинзонады». Это никак не обеспечивает вклада упомянутых великих философов в сокровищницу человеческого духа, но остаётся все же фактом исторического развития философских концепций, на которых в целом базировался просветительский оптимизм.

Тем более несвоевременным оказывался вопрос о построении научно-адекватной, т. е. цельной, целостной и в то же время конкретной и подробной прогностической картины предстоящего человечеству продвижения на пути реализации так или иначе заявленных просветителями глобальных социальных целей. Однако по мере того, как более или менее осознанные попытки поставить,

а тем более теоретически решить подобную задачу возникали в общественном сознании, некоторая «ущербность» методологических предпосылок просветительства и вытекающего из него логического прогрессизма становилась все более явной.

Революционный процесс во Франции и прогресс

Уже немецкий философ Иммануил Кант (1724–1804) убедительно показал, что так называемый «чистый», т. е. теоретический разум имеет строго очерченные границы своего могущества, вне которых он безнадежно и обязательно запутывается в антиномических альтернативах. В своем классическом программном труде «Критика чистого разума» (1781) великий «кенигсбергский затворник» указал на несомненную объективность того, что только внутри опыта, гарантированного в своей всеобщности единством пространственно-временного восприятия человеком окружающего мира, возможна эффективная практика научного сознания, стремящегося постигнуть истину. За пределами такого опыта, т. е. вне пространства и времени в качестве трансцендентальных, априорных форм человеческой чувственности, все попытки разума «объять необъятное» обречены на неудачу. Ибо познать «вещь в себе», т. е. подлинную суть объекта, как она существует сама по себе, в трансцендентном, то есть запредельном для чувственного опыта существовании, человеческий разум не в состоянии³⁷. Если же добавить к этому обнаруженный впервые именно кантовской философией факт, что даже сам объект человеческого познания, точнее, его предмет, представляет собой в значительной мере продукт мыслительной деятельности человека, облекающей всё вокруг в категориальные формы, подобно тому, как Мидас одним прикосновением превращал всё в золото, то трудно будет удержаться и от других мифологических аллегорий – сравнения интеллектуальных устремлений человека с муками Тантала или с обреченностью Сизифова труда. А это значит, что по крайней мере безмерно восхвалявшийся до сих пор в своих перспективах человеческий разум вынужден усмирить свою гордыню, отказаться от претензий на абсолютную монархию и удовольствоваться более скромной ролью.

Такая неудача просветительских ожиданий не могла не сказаться и на ограничении оптимизма в представлениях о будущем общественного прогресса. Это было тем менее оспоримо, чем больше пессимистических аргументов добавляла жизнь. Действительно, события Великой французской революции, вдохновленные успехами человеческого разума в Новое время³⁸ и вначале также подкреплявшие собой веру в его практические возможности в деле сознательного ниспровержения старого режима, уже в конце 1792 г., сразу после казни короля Людовика XVI, вдруг обнаружили глубокие внутренние коллизии. Разум все более склонялся к тому, чтобы осуществляться через неразумие: объективные последствия самых благих начинаний революционеров оборачивались трагической развязкой, отражённой в известном афоризме, кажется, Дантона о том, что революция, подобно Сатурну, пожирает своих детей. Стремясь основать новую жизнь на справедливых лозунгах Свободы, Равенства и Братства, французская революционная практика XVIII в. всё чаще и все шире вынуждена была прибегать к подозрительности, арестам и казням. Венцом «своеволия» революционной стихии стало то обстоятельство, что окончательно прекратить эту кровавую жатву народовластия удалось только благодаря возврату в политике к исходным монархическим началам бонапартистской империи. Оказалось, что история, как предупреждал еще Экклезиаст, «возвращается на круги своя». А перемены свелись разве что к исчезновению рыцарской чести и благородства, снижению планки эстетического вкуса среди нуворишей и к большей или меньшей деградации прочих духовных критериев поведения людей из самых разных социальных слоев.

Безусловно, в наиболее глубинных своих пластах – социальном и экономическом – французская революция 1789–1794 гг. так же, как и другие, более ранние европейские революции в Англии и Голландии, явилась огромным скачком вперёд в истории развития человечества. Но, во-первых, для того, чтобы осознать этот факт во всей его конкретной полноте, а главное, его исторической необратимости, нужны были целые десятилетия функционирования общественной практики и общественной мысли в условиях нового порядка. Во-вторых, сам этот новый порядок таил в себе серьёзные, глубокие социальные противоречия, которые, хотя и постепенно, но также становились все более очевидными для всех

участников процесса. В-третьих, издержки самого установления этого нового порядка и его внешние, т. е. лежащие на поверхности явлений и потому доступные восприятию простых людей недостатки слишком «резали глаз», чтобы остаться незамеченными сразу и не повредить в общественном мнении масс утопическому, как оказалось, идеалу «линейного» и «автоматического» прогресса общественного развития на основах Разума и Просвещения. Так что в реальной истории, равно как и в эпистемологических концептуальных построениях, появились серьёзные возражения против признания логики исторического существования в качестве объективных гарантий совершенствования человека, общества, культуры.

Романтики, немецкая классическая философия и прогресс

Именно эта тема стала ведущей в философском и художественном творчестве романтиков в конце XVIII – начале XIX в. на всем европейском континенте, переживавшем в это время надежды и разочарования, связанные с Великой французской революцией. Особенно интересными были творческие искания немецких романтиков – от Шиллера, братьев Шлегелей и Шлейермахера до Гёльдерлина, Новалиса, Гофмана и др. В своей ментальной работе они не только постоянно удалялись от оптимистического прогрессизма просветителей, но и опирались в этом движении на солидную философско-теоретическую базу. Содержательная схема «предвосхищения отрицания прогресса»³⁹ фактически была уже имплицитно заложена в повороте немецкого классического идеализма от Фихте к Шеллингу. Переворачивая фихтеанскую идею бесконечного поступательного движения от расколотой духовной реальности «эмпирических Я» к будущему совершенству и гармонии человеческого духа как целого, Шеллинг указывает на изначальное тождество бытия и мышления, которое разрушается впоследствии, порождая противоречащие друг другу составляющие, и потому остается лишь духовным идеалом «золотого века», целиком принадлежащего прошлому. Правда, кульминацией немецкой классики стала модернистская установ-

ка Гегеля (1770–1831) на историю развития Абсолютного духа, которая возвращала мысль к принятию позитивных перспектив прогресса. Однако, во-первых, прогресс был при этом понят уже нелинейным (по форме) и противоречивым (по содержанию), а, во-вторых, сам Гегель признавался, что его философская система стоила ему долгого и тяжелого труда, и, в-третьих, представление о саморазвитии Абсолютного духа на самом деле было чревато выводом о неизбежности прекращения развития в момент его окончательного самоосознания.

Означало ли описанное выше состояние теории и практики просветительского прогрессизма неизбежность отказа от его программной методологической базы? Как показывает история философии XIX–XX вв., вовсе нет. Напротив, кризис наивного, первоначального прогрессизма разрешился вскоре проникновением в более глубокие истины, связанные с условиями продвижения общественной жизни к намеченным этим учением человеческим идеалам. Осмысление диалектических закономерностей функционирования разума как в его божественно-величественном – в немецком идеализме Фихте, Шеллинга и Гегеля, так и в его приземленно-практическом в марксистском историческом материализме вариантах сквозь призму революционной (у Маркса) или нравственно-духовной (у Гегеля) деятельности общественного субъекта привело к выяснению сложной социальной природы разумной способности человека. Была осознана историческая обусловленность её содержания множеством объективных факторов, в том числе и тем проблемным полем, на котором разворачивались упомянутые преобразования. Модель автоматически и неизбежно осуществляющегося прогресса в исторической деятельности людей окончательно возродилась к концу XIX столетия и приобрела ещё большую силу, свойственную, по верному замечанию К.Маркса, тем идеям, которые овладевают массами. Такие перемены произошли, в конечном счете, именно благодаря более или менее удачным попыткам, с одной стороны, считать противоречие полноправным конститутивным элементом всякого позитивного развития, а с другой стороны, построить новую, более глубокую и адекватную концепцию детерминаций социальной жизни в целом, противостоящую господствовавшим до тех пор волюнтаризму и фатализму.

Маркс и концепция прогресса

Дело в том, что между Сциллой и Харибдой этих двух смертельно опасных для истины методологических установок не мог оставаться «невредимым» никто из философов истории и культуры прошлых веков. Даже такой гигант, как Карл Маркс, предложивший человечеству абсолютно новое для своего времени понимание общественного развития как «естественно-исторического процесса», всё же не сумел преодолеть взаимоисключающего понимания фатализма и волюнтаризма. Это произошло, несмотря на то, что он ставил одной из важнейших задач своей теоретико-методологической работы преодоление крайностей одного и другого подходов к истории и доказательство их взаимопроникновения. Стремясь поставить во главу угла трактовки сущности исторической деятельности людей совместимость таких детерминант общественного развития, как объективные законы и свобода человеческого выбора, Маркс, обнаруживая при этом «родимые пятна» своего гегельянского происхождения, всё же, сам того не сознавая, отдал предпочтение фаталистической ориентации. Этот факт выглядит парадоксальным для «отца» мировой пролетарской революции, сделавшего в социально-политической практике ставку на решающее значение активной деятельности людей, осуществляющих свой свободный выбор.

В самом деле, марксизм совершенно справедливо указал на ту особенность исторической деятельности массового субъекта, что её результирующей всегда оказывается не вполне предсказуемый ход событий (или, точнее, не вполне ожидаемый этим субъектом). Он определяется, во-первых, свершениями, направленными на реализацию воли противоположных социальных слоёв (и в том числе отдельных личностей-лидеров, её выражающих); во-вторых, уровнем их сознательности, талантливости, организованности и прочей специальной подготовки; наконец, в-третьих, различными не способными быть заранее учтёнными конкретными историческими обстоятельствами, которые в целом можно охарактеризовать в данном случае как случайные факторы. И тем не менее сам К.Маркс особенно настаивает на том, что исторический ход событий в общем вполне предсказуем, потому что, во-первых, так называемая воля общественного субъекта определяется его

объективными социальными (и, в первую очередь, экономическими) потребностями, которые складываются закономерно и по этой причине вполне поддаются научному анализу так же, как и многие другие особенности субъекта исторического действия. Во-вторых, социально-экономические отношения являются базовыми в общественной жизни, в отличие от «надстроечных» отношений, по общему выражению самого автора этой теории, т. е. в отличие от отношений, складывающихся в «практически-духовной» сфере (тоже его собственный термин), а именно нравственных, правовых, эстетических, религиозных и т. п. В-третьих (и здесь в наибольшей степени заметно сказалось влияние гегелевского телеологизма), ввиду всего вышесказанного, история развития общества, в конечном счете, представлена в качестве предзаданного магистрального пути, воспроизводящего материалистически истолкованную гегелевскую диалектическую триаду.

Этот путь виделся Марксу как неизбежное последовательное восхождение от первобытных «личных» связей между людьми (при передаче культуры от отца к сыну, от мастера к ученику, от предков к потомкам в ходе непосредственного общения) к превращению этих связей в «вещные», а значит, «отчужденные» отношения (порождающие фантомы иллюзорного, превращенного сознания) во всеобщем товарном, капиталистическом производстве и переходе последних к апофеозу общественного прогресса, осуществленному в будущем коммунистическом обществе как «ассоциации свободных производителей». Последняя имеет своей предпосылкой и одновременно своим следствием универсальное, творческое и, следовательно, преодолевшее отчуждение общение и развитие людей на основе ликвидации частной собственности на средства производства, а тем самым и общественного разделения труда как такового. Это мыслится возможным лишь в отдаленную эпоху механизации и автоматизации не только физического, но и рутинного умственного труда. Так, по мнению Маркса, заканчивается «предыстория» общества, управляемая преимущественно стихийно проявляющимися, но строго необходимыми законами его развития, познание которых только и может составить содержание творческой свободы его дальнейшего прогрессивного движения, точнее, самодвижения – уже в рамках перехода из «царства необходимости» в «царство свободы»⁴⁰. Именно здесь деятельность

людей будет полностью освобождена от всякой «естественной» зависимости, т. к. коммунизм, с Марксовой точки зрения, есть «творение самих форм общения»⁴¹.

Отметим здесь, прежде всего, ту слабость этой концепции, которая существенно сближает его с фатализмом. Она состоит в том, что намеченная реализация свободы отодвигается в обществе в не вполне определённое будущее, а значит, не вполне контролируется сознательной творческой энергией человечества. Добавим к этому несколько утопический характер этого прогноза, связанный с тем, что в развитом обществе, как показала реальная история, идея общественной собственности так или иначе воспринимается как наихудший вид отчуждения, ибо в лучшем случае «общее» трактуется индивидами как «ничьё», т. е. не обременённое ничьей ответственностью (а значит, не являющееся объектом ничьей свободы), кроме разве что государственной. Но ведь и государство, по справедливому замечанию самого же К.Маркса в подготовительных рукописях к написанию «Капитала» (1856–1858), – это тот же частный собственник, противостоящий, как доказывает общественная практика, массе индивидов в своих корпоративных, как правило, бюрократических интересах. В худшем же случае «общее» означает для индивидов «и моё тоже», а значит, я им распоряжаюсь по своему собственному, частному усмотрению, не корреспондируя своей воли с соображениями других людей. В результате оказывается, что прогрессивное движение к совершенству общественной жизни либо вовсе не реализуемо в силу принципиальной несбыточности коммунистических идеалов, либо оно реализуется исключительно через посредство некой, почти мистической, стоящей над индивидами и их свободой «общественной воли», проявления которой именно по этой причине никак не связаны с волей единичных субъектов исторического прогресса, воспринимаемых Марксом как свободные и творческие.

Главная же существенная непоследовательность марксистского учения об общественном развитии как естественно-историческом процессе, сводящая на нет все действительно способные быть плодотворными в других теоретических построениях методологические «вводные» в классические философские размышления об общественном прогрессе, состоит в том, что на деле в этой парадигме в целом возможность творчества массового

субъекта по-прежнему ограничивается пределами спинозистско-гегельянского тезиса о том, что свобода есть осознанная необходимость. В таких категориальных рамках нет места актуальному выбору, ибо отсутствует даже намёк на самоё альтернативу, точнее, она превращается в дилемму истинного (эффективного) и ложного (ведущего в тупик) способов действия. Не оспаривая серьезной практической значимости мнения Спинозы и Гегеля, следует всё же подчеркнуть, что как минимум последние два столетия человеческой истории всё более и более убедительно демонстрируют, что, даже зная возможные дурные последствия своих поступков, человечество продолжает осуществлять эгоистический выбор, чреватый вредом, иногда катастрофическим, для последующих поколений. Как известно, Рим погиб под ударами варварского нашествия. И никто не может гарантировать нам сегодня, что, следуя за римлянами в их ценностных ориентациях, мы не последуем за ними в реальных исторических итогах. Только на этот раз дело может коснуться не отдельной цивилизации, а всего человечества, глобального его существования, как и существования самой нашей планеты. А потому понятие прогресса превращается, в конечном счете, в вероятностную категорию.

Именно с этим обстоятельством связана, скорее всего, столь часто и серьёзно обсуждаемая сегодня философами, учёными и политиками тема глобальных проблем современности, подробное обращение к исследованию которой содержится в других разделах настоящей публикации. Что же касается общего вывода специалистов о том, что само наличие в будущем прогрессивных тенденций общественного развития, как, впрочем, и более или менее стабильное состояние планетарной природы в целом, зависит как раз от сегодняшнего массового выбора субъекта общественной практики, то это положение в целом никем не оспаривается. Однако Марксов исторический оптимизм, порождённый классическим предпочтением исключительной рациональности не только мышления, но и практической деятельности людей, на самом деле не способен в современных условиях существования человечества послужить достаточным теоретическим основанием для указанного выше общефилософского вывода, ибо как раз в этом методологическом направлении он даёт колоссальную логическую «нестыковку». Ведь, с одной стороны, как и любая другая вера, эта убеждённость

в разумности человека может полагаться лишь на иррациональные аргументы, что, по сути дела, для марксистского материализма означает *contradictio in ajecto*. И, следовательно, все претензии на абсолютную научность и законосообразность подобных выкладок оказываются несостоятельными. С другой же стороны, представления марксизма о сути и мере человеческой свободы, аналогично всем ранее проанализированным просветительским заявкам, сводятся к большему или меньшему акцентированию обязательных для будущего реальных возможностей человечества контролировать именно позитивные перспективы своего развития.

Марксисты и сегодня продолжают утверждать, что познание существующих независимо от человека объективных законов исторического движения общества само по себе достаточно гарантирует положительную направленность этого движения. Причём действительная свобода общественного субъекта как в его индивидуальном, так и в коллективном варианте проявляется, по их мнению, фактически лишь в решении и умении ускорить (или притормозить) в соответствии с учётом познанных закономерностей действующий в истории прогресс, а также облечь его осуществление в ту или иную конкретно-событийную форму, в то время как само существование и, что самое важное, его «заданное», по определению, социально-экономическое содержание остаётся неизменным и неизбежным. И в этом качестве, хотим мы того или не хотим, именно «фатальный» прогресс фактически ограничивает человеческую свободу в процессе выбора исторических альтернатив.

Описанная выше ограниченность просветительского прогрессизма всё чаще вызывала протестную интеллектуальную реакцию со стороны тех философских школ, которые в своих методологических предпосылках исходили не столько из необходимости изучения трудностей и противоречий рационально оформленного коллективного бытия социальных групп, слоёв населения, фиксировавшихся в марксизме в качестве каст, сословий и, наконец, классов и прослоек, сколько из требования анализа типологически осмысленных индивидуальных особенностей человеческого существования, связанных, в первую очередь, с нерациональностями, внерациональными или иррациональными характеристиками. Такие методологические установки провозгласили уже в конце

XIX – начале XX в. прежде всего те течения мысли, которые современные историки философии относят к неклассическому периоду развития последней.

Неклассические философские концепции и прогресс

Философия жизни, философия культуры, экзистенциализм, персонализм и прочие направления «неклассической» философии в разной степени, с разных сторон и с разнообразной аргументацией стремились так или иначе внести поправки в просветительский прогрессизм XVIII–XIX вв., дискредитировавший себя чем дальше, тем больше на фоне двух (а позднее и под угрозой третьей) мировых войн. В связи с этим представляется наиболее интересным творчество таких «властителей дум» своего времени, как Фридрих Ницше, в особенности его парадоксальные заметки «О пользе и вреде истории для жизни» (1874), и Георг Зиммель (1858–1918) – автор статей «Индивид и свобода», «Проблема судьбы», косвенно методологически причастных к проблематике прогресса в человеческом бытии, и в гораздо большей мере важных в этом отношении статей «Понятие и трагедия культуры», «Кризис культуры» и «Проблема исторического времени». Последнее из указанных его произведений наиболее примечательно явно существующим, но до сих пор не вполне осознанным генетическим родством между рефлексирующими экзерсисами философии жизни и культуры, на одном полюсе интеллектуальной альтернативы и вольно или невольно спровоцированной этим выбором будущей, постмодернистской озабоченности по поводу соотносённости (или, напротив, несоотносённости) духовных ценностей определённой культуры с породившим их временем, на другом полюсе. При этом самым главным является то обстоятельство, что Зиммель стремится методологически укоренить необходимость временной осмысленности содержания ценностей, тогда как постмодернизм целенаправленно её разрушает.

К этому же ряду, исключительно симптоматичному с точки зрения анализируемых здесь вопросов, принадлежат и труды следующего поколения мыслителей, например, таких, как Хосе Ортега-и-Гассет (1883–1955), который выступил против «натура-

лизма» гегелевской философии. Последняя, по его мнению, хотя и выдвинула в качестве субстанции активность духа, однако воспринимала её как одну и ту же, фиксированную, предписанную онтологическую неподвижность, исключаящую право человека на внезапную инициативу изменения. Глубочайшей ошибкой такого подхода, вытекающего в конце концов из вполне определённого, более или менее статичного понимания временной координаты общественного развития, испанский философ считал тот историко-философский факт, что вся немецкая классика рассматривала реальности – как телесные, так и духовные – в качестве абсолютных идентичностей. Сам Ортега подарил миру целую серию книг и статей о современной истории и культуре, начиная с «Размышлений о «Дон Кихоте» (1914) и кончая замечательным, поистине эпохальным исследованием причин, особенностей и тенденций кризиса рационалистической культуры в XX в., которое по-испански называется «Обращаясь к Галилею», а в американском издании 1958 г. переименовано в «Человек и кризис». В этой книге одной из основных причин трагических коллизий двадцатого столетия автор считает унаследованное от прошлого бездумное упование на безусловный, бесконечный и автоматический прогресс человечества.

Не менее значимо в данной связи и творчество Мартина Хайдеггера с его опубликованными в 1950 г. статьями в сборнике с характерным, но трудно переводимым названием «Holzwege» («Неторные тропы») и Альбера Камю с его не менее трагичным «Мифом о Сизифе», вышедшем в свет в том же году. Обобщённый смысл перечисленных выше философских работ заключается в том, что человеческое существование вообще не обязательно или, по крайней мере, не всегда несёт в себе разумное начало; что уроки прошлого мало чему учат (либо вовсе ничему не научают), потому что люди не желают учиться на чужих ошибках и предпочитают делать свои; что корыстное своеволие сводит на нет подлинную свободу человека, которая всегда обременена ответственностью за тот или иной индивидуальный – равно как и исторический – выбор; что открытие невозможности быть адекватно понятым до конца в творчестве и осознание принципиальной неосуществимости «прорыва» за пределы фундаментального одиночества в окружении чуждых «не-Я» обрекает и индивида, и человечество в целом

на бессмысленное в социальном аспекте существование. В конечном итоге пессимистическая интенция в рамках эмоционального осознания индивидуальной экзистенции как таковой неизбежно становится знаком и предпосылкой рационального осмысления общесоциальной обречённости прогрессистских устремлений, казавшихся в XIX в. такими надёжными и воодушевляющими.

Весьма актуальными в обозначенном выше проблемном поле изучения соотношения человеческой истории, судьбы человека и его свободы оказываются и работы Карла Ясперса, прежде всего его «Психология мировоззрений» (1919), «Духовная ситуация времени» (1932) и особенно «Истоки истории и ее цель» (1949). В них чрезвычайно ярко проявилась противоречивость соединения рационального и иррационального моментов в подходе к пониманию будущего исторического развития человечества и, в частности, при попытке уйти от уже обнаруженного методологического конфликта. Ясперовская концепция «осевого времени» как эпохи преодоления мифологического мирозерцания, составлявшего духовную основу «доосевых культур», с выходом к рефлексии, на фундаменте которой и возникнет впервые в истории новый тип сознания, получивший отныне название «философия», т. е. любовь к мудрости – это одновременно и постулат веры, и резюме разума, поскольку вера человека в способность превозмочь ущербность своего бытия обладает особым аксиологическим статусом. Ясперс противопоставляет эту свою специфическую философскую веру не только претензиям научного рассудка, отталкивающегося в своих выводах исключительно от наблюдений за каузальными связями. Он отличает её и от религиозной, мистической веры, опирающейся на откровение как единственный источник аутентичного знания. Его разумная философская вера – это мудрые ценности, порожденные не столько индивидуальным, сколько общественно-историческим культурным опытом, так или иначе всё-таки усваиваемым сменяющимися друг друга поколениями, а потому скорее объединяющим людей, как наука, чем разделяющим их, как религиозный фанатизм. Весьма характерно, что в такой вере с самого начала в «снятом» виде присутствует некий рациональный скептицизм. В результате Ясперс отвергает возможность научного предсказания будущего и, тем не менее, считает не только вполне допустимым, но и абсолютно необходимым строить в этом на-

правлении оптимистические логические допущения, вытекающие из конечной, по его мнению, социальной общности «последних установок сознания».

На пороге современного экологического кризиса, а тем более в условиях массового распространения организованной преступности, локальных войн и международного терроризма человеческий выбор – в противоположность заданной неким роком преопределённости существования – всё громче и всё категоричнее заявляет о себе, свидетельствуя, скорее, в пользу волюнтаристической, чем фаталистической трактовки детерминации исторического процесса. Однако, как уже было сказано, безответственность социального выбора, его стохастическая результативность могут свести на нет его творческую свободу, а значит, и разумность. Всё это объективно приводит к ситуации, когда само существование прогресса становится проблематичным. В общественном сознании происходит антипрогрессистская переориентация, что немедленно находит своё отражение в соответствующих философских обобщениях. Подобные методологические «диверсии», разрушающие абсолютную уверенность в общественном прогрессе, а тем более в его непогрешимости, достигли своего апогея в постмодернистской и неоконструктивистской философии второй половины XX столетия. Эти течения связаны с именами Р.Барта, Ж.Дерриды, К.Касториадиса и др., кто способствовал окончательной концептуализации антипрогрессистских представлений в значительной части общества за счёт устранения отмеченной несколько выше непоследовательности теоретиков культуры предшествующего периода.

Исходной посылкой указанного поворота в мышлении о прогрессе общества и его культуры послужило акцентирование абсолютной неповторимости субъекта производства общественных связей в каждую эпоху, точнее, в любой точке пространственно-временного континуума. Этот подход казался особенно убедительным в обстоятельствах фактической дискредитации догматической идеологии коммунистического строительства в СССР, а затем и краха не только самой этой идеологии, но и её практического воплощения в советской социалистической системе. Итогом поисков этих «постнерационалистов» явилась обновлённая парадигма постэволюционизма, сутью которой стало доведённое до

абсурда «равноправие» исторических «времен» и вырастающих в них культур, разрушившее не только поступательные схемы конкретно-исторического развития человечества, но и самоё возможность разговора на эти темы. Полное торжество бесконтрольного волюнтаризма превратилось здесь в отождествление человеческого творчества с интеллектуально-художественным преобразованием действительности, не только не подчиняющимся никаким законам и правилам, но, по сути дела, протекающему вне времени и пространственных рамок конкретной истории. Главное в этом самоутверждающемся культуротворчестве – это абсолютная текучесть, изменчивость материала и исходных принципов деятельности, принципиальная пластичность и вечное хаотическое движение духовных образований, состоящих, если можно так выразиться, из отдельных взаимозаменяемых «культурных атомов». Прогресса в таком культуротворчестве нет и быть не может, поскольку отсутствует система координат, структурирующая этот процесс, а следовательно, нет ни критерия прогресса, ни точки его отсчёта. «Вдруг» возникающие и «вдруг» исчезающие продукты творческой деятельности в каждый отдельно взятый момент в ходе своего взаимодействия образуют «мозаику» неких многозначных содержательных формализмов, которая и выступает всякий раз специфической, сиюминутной картиной бытия человеческой культуры, которая в этой методологической ситуации не может быть предсказуемой.

Однако подобный методологический подход к пониманию прогресса не даёт никаких перспектив рационально осмысленному творчеству в истории, поскольку исключает свободный выбор, т. е. *ответственное*, а не произвольное решение субъекта или субъектов исторического действия, ориентирующееся на гуманистические идеалы всеобщего, точнее сказать, общечеловеческого блага. «Раздробление» социальной картины мира на моментальное воплощение частных интересов субъектов исторического действия, обязательно и всегда якобы противоречащих друг другу, на самом деле не доказывает невозможность или неосуществимость этого общечеловеческого блага как такового, т. е. понятного, скажем, как естественное право на жизнь, ответственно реализуемую свободу выбора и прочие, так называемые права человека, отстаиваемые всё-таки сегодня мировым сообществом,

несмотря ни на конфликтные ситуации современного состояния общественного развития, ни на мрачные прогнозы антипрогрессистов. Прогресс сегодня – это не реальный факт, но реальная необходимость для человечества, но этот процесс предполагает более сложное содержание, чем казалось прежде, даже в середине XX в., когда человечество уже в принципе рассталось с эволюционистскими, механистическими, автоматическими концепциями линейного движения общества к совершенству исключительно благодаря знаниям, разуму человечества. Кроме того, современные представления об общественном прогрессе включают в своё содержание присутствие активной воли человечества в его борьбе за реализацию прогрессивных идеалов и целей с силами, враждебными этим идеалам и целям.

Глава 4. Индивидуализация и рефлексивная модернизация: вызовы, теоретические модели, возможные сценарии прогресса

Понятия современности, модернизации, рефлексивной модернизации, индивидуализации используются для анализа динамики социальных изменений, которые имеют этапы исторического развития. Чаще всего модернизацию определяют как приближение общества через осознанное изменение целей и планов к признанной модели современности. Само же понятие современности не определяется однозначно, но трактуется в целом как переход от традиционного общества к иному типу социального порядка, в основе которого, по мнению различных исследователей, лежат разные специфические признаки. Среди них нас прежде всего интересуют те, которые связаны с человеком, с его способностью изменяться на разных этапах современного общества. Наиболее часто к таким этапам относят предсовременность, на основе которой вырастает современность – эпоха буржуазных революций и индустриализма, и поздняя современность, связанная с формированием массового общества и развитым научно-техническим прогрессом.

О важности «самосбывающихся пророчеств»

Именно к этой фазе существования современного общества относится понятие «рефлексивной самоорганизации» в наибольшей степени. Это понятие активно используется в работах У.Бека, Э.Гидденса, П.Штомпки, З.Баумана и К.Лэша⁴². У.Бек пишет о рефлексивной социологии, связывая ее с генерализацией науки и политикой, с анализом рисков, возникающих в современном обществе, о соотношении политического управления и технико-экономического изменения в обществе риска. Э.Гидденс считает, что мы живем в мире, которых называется «убегающим» (runawayworld) – в русском переводе «ускользающим», определяя рефлексивность как то, что связывает знание и социальную жизнь. Знание, полученное нами об обществе, может влиять на то, как мы ведем себя внутри него⁴³. Э.Гидденс выводит упоминание о характере современности из самой современности, имеющей тенденцию к торможению присущих ей негативных последствий. Характерное для современности развитие научных знаний, широко распространенное образование, растущее влияние СМИ и возможность интенсивного информационного обмена ведут к появлению в общественном сознании «любых общественных компетенций рефлексивности». П.Штомпка определяет феномен рефлексивности следующим образом: «Рефлексивность – это способность общества критически мыслить о самом себе, видеть и распознавать негативные, патологические явления, представляющие собой угрозу для будущего, и, опираясь на такой диагноз, предпринимать превентивные действия и мобилизовать средства, способные предотвратить или свести до минимума некоторые опасные тенденции»⁴⁴. Способы, какими возможно оказывать воздействие на проблемы социального развития, могут выражаться в давлении общественного мнения, например, по вопросу об ограничении экономического развития в связи с воздействием на климат, в мобилизации новых социальных движений, в политических действиях правительств даже вопреки узкоэгоистическим национальным интересам.

Оценивая концепцию социальной рефлексивности Э.Гидденса, П.Штомпка обращает внимание на следующее: «В концепции Гидденса можно обнаружить четко прослеживаемую параллель с

идеей “самосбывающихся пророчеств” Роберта Мертона, которая заключается в том, что осознанные коллективами в данный момент прогнозы чаще всего не исполняются, ибо люди предпринимают для этого соответствующие меры»⁴⁵.

Критики современности, показывая, до чего она может довести человечество при спонтанном развитии, формулируют таким образом «*предостерегающие прогнозы*», мобилизуя людей на противодействие возникающим угрозам, тем самым прикладывая силы к тому, чтобы не сбылись их собственные прогнозы и черные картины будущего⁴⁶. Таким образом, в обобщенном виде рефлексивность представляет собой знание и проводимую интерпретацию действий людей или общественных ситуаций, в которые они втянуты, существенным образом влияющую на принимаемые ими решения, на способ их поведения и на характер общества, в котором они живут. Рефлексивная модернизация складывается постепенно, по мере осознания противоречий социального развития, в том числе и посредством социально-философского и социологического дискурса. Ее истоком можно считать теоретические концептуализации современности. Их динамика показывает степень осознанности обществом и его теоретиками амбивалентного характера прогресса, который реализуется как естественно-историческое развитие.

Принцип индивидуализации в аналитических моделях современности

Аналитические трактовки современности выделяют типичные и определяющие черты. К ним О.Конт, первый систематизатор таких черт, предлагал отнести: концентрацию рабочей силы в городах; организацию труда с ориентацией на эффективность и эксплуатацию; использование науки и новейшей технологии в производственном процессе; появление явного и скрытого антагонизма между работодателями и работниками; растущие контрасты и социальное неравенство; экономическую систему, опирающуюся на индивидуальное предпринимательство и свободную конкуренцию. В данной классификации доминирует экономическая характеристика нового способа производства, основанная на использо-

вании позитивного знания. Индивидуальное акцентируют в связи со значимостью предпринимателя в организации нового типа производственных отношений.

Последующие систематизации признаков современности основываются главным образом на сравнительном типологизирующем подходе относительно традиционного общества. Макс Вебер противопоставляет капитализм традиционному обществу на основе следующих критериев.

Характер собственности. В традиционном обществе собственность связана с унаследованным статусом (аристократ, дворянин-помещик). В капиталистическом обществе собственность находится в руках индивидуально действующего на рынке предпринимателя.

Организация труда и производства. В традиционном обществе сельскохозяйственное производство основано на обычаях и лишено механизации. В капиталистическом обществе массовое промышленное производство опирается на механизацию, что обеспечивает эффективность и производительность труда, расчет прибыли и рациональную координацию производственного процесса.

Характер рабочей силы. В традиционном обществе работники находятся в личной зависимости (рабы, крепостные крестьяне). В капиталистическом обществе работники имеют личную свободу и продают свою рабочую силу на рынке труда в соответствии с предложением и спросом.

Характер рынка. Обмен и торговля в традиционном обществе обременены множеством ограничений (протекционизм, таможенные барьеры, транспорт, родовые монополии). Отсюда возникают только локальные рынки или избранные, торгующие предметами роскошью. В капиталистическом обществе рынок становится неограниченной территорией обмена, регулирующейся спросом и предложением.

Характер обязательных законов. В традиционном обществе имеют партикулярный характер, т. е. по-разному применяются к социальным группам и классам. В капиталистическом обществе законы имеют универсальный характер, применимы ко всем членам общества одинаково, реализуются при необходимости через независимый суд, что обеспечивает гарантию контрактов.

Господствующие мотивации. В традиционном обществе люди стремятся удовлетворить свои потребности. Как отмечает М.Вебер, «возможность заработать больше была бы для них менее привлекательна, чем возможность работать меньше»⁴⁷ В капиталистическом обществе появляется неограниченное стремление к прибыли, потребность в материальном успехе становится распространенной мотивацией к интенсивной экономической деятельности. Индивидуальная составляющая в новом капиталистическом обществе связывается Вебером, прежде всего, с ростом мотивации индивида, «трудовой аскезой», которая в случае успеха свидетельствует об избранности человека. Вебер в своих произведениях уделяет значительное внимание вопросу о профессии как призвании, как делу, направленному не просто на экономический успех, а направленному через экономическую деятельность на спасение души. Сопрягая аскезу и капиталистический дух, Вебер обращает внимание на примеры из пуританской литературы, сочувственно ее цитируя: «Морального осуждения достойны *успокоенность* и довольство достигнутым, *наслаждение* богатством и вытекающие из этого последствия – бездействие и плотские утехи, и, прежде всего, ослабление стремления к “святой жизни”. ... Не бездействие и наслаждение, а *лишь деятельность* служит приумножению славы Господней, следовательно, главным и самым тяжким грехом является *бесполезная трата времени*. Жизнь человека чрезвычайно коротка и драгоценна, и она должна быть использована для “подтверждения” своего призвания»⁴⁸.

Таким образом, труд трактуется как испытанное аскетическое средство, он выходит по своему значению за рамки только повседневной экономической деятельности и понимается как поставленная Богом **цель** всей жизни человека, а профессиональная деятельность человека представляла собой последовательное аскетическое воспитание добродетели, испытание его избранности. Общая оценка пуританской этики такова: 1) пуританизм способствовал тому, что его сторонники создавали демократические институты и одновременно превращали свою страну (т. е. Англию. – *Авт.*) в мировую державу; 2) он преобразовал эту «расчетливость», как Зомбарт именуется названный дух, в самом деле являющийся важным компонентом капитализма, из средства ведения хозяйства в *принцип всего жизненного поведения*⁴⁹. Именно «пуританизм стоял у колыбели современного экономического человека»⁵⁰.

Отход от доминирующих экономических характеристик современности к структурным и культурным особенностям дает американский социолог XX в. Т.Парсонс. Его систематизацию признаков современности и оценку ее дает П.Штомпка⁵¹. Парсонс выделяет следующие типовые переменные, на основе которых в сравнении с традиционным обществом характеризуется современность.

Диффузность-специфичность по отношению к социальной структуре. В традиционном обществе структуры – роли, группы, социальные отношения – имеют свободный, без жесткой специализации, емкий характер, включающий гетерогенные проявления человеческой активности. В современном обществе доминирует высокая специализация ролей, групп и социальных отношений, в рамках которой деятельность людей в значительной степени является гомогенной, сконцентрированной. (Влияние идеи Э.Дюркгейма о постепенном прогрессивном разделении труда как решающем факторе социальной эволюции.)

Предписанное–достижимое как основание социального статуса. В традиционном обществе допуск к исполнению роли, к членству в группе, к участию в социальных отношениях основывается на наследственных факторах, на том, что люди приобретают в силу своего рождения, особенно, когда дело касается унаследованной социальной ситуации, «предписанной роли». В современном обществе статус человека зависит от его личных усилий и заслуг, предопределяющих социальное положение отдельного человека и достигнутый им статус.

Партикуляризм–универсализм как основа рекрутирования кадров, предназначенных для исполнения определенных ролей, пополняющих социальные группы, партнеров, участвующих в социальных отношениях.

В традиционном обществе при выборе претендентов для исполнения роли руководствуются особыми факторами, которые могут быть никак не связанными с выполнением роли, с характером деятельности группы, с содержанием социальных отношений. В современном обществе, как правило, решающее значение имеют компетенция, или предпосылки, необходимые для успешного выполнения задач, независимо от того, кто эти действия совершает. Доступ к ролям, к группам, к социальным отношениям открыт для всех, кто способен такие роли исполнять или участвовать в группах и социальных отношениях.

Коллективизм–индивидуализм как основание идентичности отдельных людей. В традиционном обществе решающую роль в формировании идентичности отдельного человека и в том, как воспринимают его, как относятся к нему другие, играет его групповая принадлежность – к определенному роду, племени, к общине, этнической группе, к народу, нации и т. д. В современном обществе гораздо важнее то, что делает отдельный человек, т. е. его индивидуальные действия и их результаты. Не то, к кому я принадлежу, а то, что я сам делаю, определяет то, кто я есть, кто я.

Аффективность–нейтральность как противопоставление, касающееся роли эмоций в социальной жизни. В традиционном обществе допускается свободное, публичное выражение эмоций: гнева, печали, радости, отчаяния и т. д. В современном обществе существуют правила, обязывающие к сдержанности, к тому, чтобы скрывать, не проявлять открыто свои чувства, действовать с объективностью и рациональностью.

Таким образом, в типологии признаков современности, предложенной Парсонсом, доминирует значимость индивидуального начала, индивидуальной человеческой деятельной активности во всех сферах общественных взаимоотношений. Хотя концепция Парсонса дает многомерную шкалу, где на противоположных полюсах можно расположить условные модели традиционного и современного общества, она показывает динамику социального прогресса применительно к роли и месту индивидуального человека в ходе самого естественно-исторического процесса. Упреки Парсонсу в этноцентризме в контексте социальной ситуации на рубеже XX–XXI вв. кажутся несостоятельными. «Даже если бы этот упрек был справедливым в середине XX в., когда Парсонс сформулировал свою теорию, сегодня он явно неактуален. Распространение “западной”, или “американской” “формулы социальной жизни” на широкие ареалы всего мира, осуществленное в ходе процесса глобализации, приводит к тому, что характеристика “современности”, данная Парсонсом, оказывается ныне адекватной по отношению не только к американскому обществу, но и к множеству других обществ»⁵².

Сам Парсонс высоко оценивает возможности, предоставляемые индивидуальному человеку новым, современным типом общества. Ранний и развитой этап современного общества оцени-

вается как более прогрессивный по отношению к традиционному. «Основой адаптивной способности личности к реалиям нового общества стал протестантский аскетизм. Он усилил мотивацию на достижение в “земных призваниях”. Ситуация, наделяющая смыслом такое достижение, “определялась” с точки зрения культуры не как “потусторонняя”, а как “посюсторонняя”, ориентированная на построение достойного общества, а не только на спасение души по окончании земной жизни. Это была универсалистская и новаторская ориентация в том смысле, что *мандат на достижение представлялся каждому человеку и выдавался не для увековечения традиции, а для построения нового царства*»⁵³ (курсив наш. – Авт.).

Мандат на достижение, выдаваемый каждому, мог реализоваться не только вследствие культивирования индивидуальной активности и определенной культуры жизненного поведения, опирающейся на рациональность, но прежде всего благодаря одновременно становлению институциональной основы. «Рыночный механизм впервые создал широкий институциональный контекст, в рамках которого оказалось возможным высвободить индивидуальные достижения и заслуги из некой диффузной сети не имеющих отношение к делу связей. Рынок довел дифференциацию социальной структуры до такого предела, когда в значительно большей степени, чем когда-либо прежде, оказались возможными широкий выбор способов действия, оценка индивидуальных успехов и в каком-то смысле пропорциональное их вознаграждение. Эта возможность и представляется нам наиболее значимой в той связке, которая образовалась из протестантской этики индивидуального достижения и ее воплощения в рыночной деятельности»⁵⁴.

Дискуссии по проблемам перехода от традиционного к современному обществу ведутся постоянно, и различные авторы по-разному описывают признаки современности, называя этот процесс модернизацией. В самом общем виде «*модернизацию* можно определить как приближение общества через осознанное осуществление определенных изменений, целей и планов к признанной модели современности, чаще всего к образцу какого-нибудь существующего общества, признанного современным»⁵⁵. Консенсус относительно «признанной модели современности» в конце XX в. предлагает английский исследователь Кришан Кумар⁵⁶. Он принимает попытку выделения признаков «современности», опи-

раясь на соединение идей О.Конта, М.Вебера с идеями Т.Парсонса и современных социологов. Им выделены пять основных принципов, характеризующих своеобразие современности.

1. *Принцип индивидуализма.* Человек освобождается от групповых судеб и зависимостей, обладает широкими правами – не только как гражданин, член общества, но и как личность, которая сама решает, каким образом формировать свою биографию, имея в своем распоряжении множество образцов устройства жизни и карьеры, а также лично несет ответственность за все свои успехи и поражения.

2. *Принцип дифференциации.* Он характеризует многообразие возможных вариантов во всех сферах жизни. В трудовой деятельности прослеживается все большая специализация, существует огромное разнообразие профессий, требующих от человека различной компетенции, образования, навыков. Сфера потребления дает такое изобилие возможностей выбора товаров и услуг, что может стать проблемой для индивида. Виды образования дают множество вариантов для формирования жизненного пути и карьеры. Человек вынужден выбирать из множества идеологических и политических программ, общественных движений, конфессий, научных и мировоззренческих концепций. В культуре – многообразие стилей и вкусов, жизненных образцов и образов и стилей жизни. Комментируя принципы современности, выделяемые Кумаром, специалисты справедливо обращают внимание на дополнительную дифференциацию принципа индивидуализма: «Принцип дифференциации логично дополняет со своей стороны принцип индивидуализма. Фактически речь идет о том же самом, только с другой точки зрения – не отдельного человека, а того общества, в котором этому человеку приходится жить и действовать. Экзистенциальное положение человека в современном обществе, определяемое обоими вышеназванными принципами в их взаимосвязи друг с другом, дает человеку свободу, автономию, богатые жизненные шансы, однако ценой постоянной необходимости принимать решения, делать выбор и нести за все это полную ответственность»⁵⁷.

3. *Принцип рациональности.* Он связан с верховенством разума, расчета, логики, объективности, эффективности. Он находит свое выражение в «верховенстве закона», в роли науки как наибо-

лее совершенной формы познания мира и различного обоснования человеческих действий, в секуляризации и отходе от магического и религиозного мышления.

4. *Экономизм* как доминирующий принцип организации человеческой жизни и общества, в которых главным является сфера экономики, производства и потребления. Деньги и товары становятся доминирующим мотивом жизни людей. Такой акцент на экономической стороне является характерной особенностью современного общества, в отличие от традиционного, где доминировали иные мотивы: семейная жизнь, религиозная жизнь, войны, рыцарские подвиги и т. п.

5. *Принцип экспансивности*, суть которого в расширении в пространстве современного образа социальной жизни, что связано с процессом глобализации. Она изменяет и преобразует нравы, вкусы и обычаи, нормы морали, художественные стили, массовую культуру, создает новые формы семейной жизни, определяет характер образования, формы отдыха и развлечений.

Аналитическая модель Кумара носит интегративный характер. Перечисленные принципы и признаки современности позволяют сделать вывод: во-первых, во всех аналитических моделях современности принцип индивидуализации занимает важнейшее место, т. к. отдельный автономный индивид становится определяющим актором социальной жизни, а социальные институты (рынок, законодательство) дают ему возможность реализовать индивидуальную деятельную активность. Во-вторых, сама индивидуализация понимается как освобождение от ограниченного коллектива, и свобода во всех ее проявлениях становится определяющим концептом социальной жизни. Такая трактовка социальных изменений ассоциируется с прогрессом, т. к. он открыл возможности для ускоренного развития. Модерн, современность ведет отсчет с Нового времени, возникая под воздействием Ренессанса, Реформации, Просвещения, которые несли преобразованную культуру античности, дух капитализма, культ разума. Но уже с самого начала исследователи этого феномена подчеркивали его амбивалентный характер и даже особенности, которые вряд ли можно назвать прогрессом. «Характеризуя современность, выделяют разные ее параметры. К ним относят, прежде всего, изменения, которые являются амбивалентными по

своей значимости, – они, с одной стороны, порывают со старыми отношениями, создавая немалые трудности, и, с другой, открывают перспективу новых отношений, которым принадлежит будущее. К их числу обычно относят индивидуализм, который включает право на выбор своего образа жизни, но не атомизирует индивидов и не делает их ни экономическими, ни эгоистическими, ни нарциссическими, ни анархическими, вполне вписывая в общество. Кроме того, происходит исчезновение старого порядка, закат его сакральности, и появляется возможность творения людьми нового порядка. А следовательно, появление свободы, которая, с одной стороны, трудна для непривыкших к ней людей, а с другой стороны, плодотворна и становится витальной потребностью современности. Свобода отменяет деспотизм традиционных обществ, но посредством воплощения в социальную форму демократии не ведет к вседозволенности и фрагментации общества. И, наконец, она осуществляет формирование политического измерения, подготовку сознания для политической жизни индивидов и развития в них инструментального разума и склонности к самоуправлению через институт гражданского общества»⁵⁸. Такую характеристику современности можно считать и содержательной, и интегральной, имея, конечно, в виду, что «современность» не носит гомогенного характера и на разных этапах ее существования ее особенности подвергаются трансформации. Если считать вызов Запада, ассоциирующийся с главенством культуры, духовного контекста, творящим «посюсторонний» мир (В.Г.Федотова), то этот период, период его вызова и называется современным обществом («modern society»). Периодизация, рассматривающая эпоху меркантилизма как предсовременность, период революций, период индустриализма как современность, а переход к массовому обществу и времени научно-технической революции как поздней современности с появлением центров развития, способных соперничать с Западом, вполне приемлема и может быть рационально обоснована как множественность современностей, и вместе с тем такой принцип современности, как индивидуализация, на каждом из этапов приобретает свое особое, специфическое содержание и применительно к этому процессу вопрос о прогрессе несет в себе не только амбивалентные тенденции, но и предполагает проблематизацию самой идеи прогресса.

Человек, труд и свобода в «Великой трансформации» К.Поланьи⁵⁹

В отличие от аналитических моделей современности, где принцип индивидуализации играет ключевую роль, К.Поланьи дал описание и объяснение содержательных процессов перехода в ранней, а затем зрелой фазе капитализма. Именно по отношению к человеку, его трудовой деятельности проявляется вся палитра амбивалентностей прогресса. Одна из таких амбивалентностей: человеческий труд – товар и человеческий труд – не товар (фиктивный товар). В отличие от предшествующего этапа исторического развития, капитализм сформировал рынок факторов производства, что способствовало промышленной революции и становлению индустриального общества, а затем, впоследствии, и общества массового, общества потребления. Эти процессы – универсализации рыночного механизма – имели в себе опасности для общества. Если Поланьи формулирует проблему, связанную с трудом, как возможную тенденцию негативного характера, то И.Валлерстайн в работе «Исторический капитализм» подводит баланс побед и поражений капитализма на грани XX–XXI вв. и показывает, как эта тенденция – превращения всего в товар – исторически реализовывалась.

Аргументы Поланьи следующие: ключевым моментом является то, что основные факторы промышленности – это труд, земля и деньги, но труд и земля представляют собой не что иное, как сами человеческие существа, из которых состоит всякое общество и естественная среда, в которой они живут. Включить их в рыночный механизм – значит подчинить законам рынка саму субстанцию общества. Характеристика труда, земли и денег как товаров есть полнейшая фикция. Это фиктивные товары. Каждый фактор промышленности считается произведенным для продажи, т. к. в этом и только в этом случае его можно подчинить механизму спроса и предложения, взаимодействующему с ценой. Совершенно очевидно, что труд, земля, деньги – это отнюдь не товары, и применительно к ним принцип «продаваемое и покупаемое производится для продажи» он считает ложными. Труд – это лишь другое название для определенной человеческой деятельности, которая связана с самим процессом жизни, которая «производится» не для прода-

жи, а имеет иной смысл; деятельность эту невозможно отделить от остальных проявлений жизни, сдать на хранение или пустить в оборот. К.Поланьи пишет: «Позволить рыночному механизму быть единственным вершителем судеб людей и их природного окружения или хотя бы даже единственным судьей надлежащего объема и методов использования покупательной способности значило бы, в конечном счете, уничтожить человеческое общество. Ибо мнимый товар под названием “рабочая сила” невозможно передвигать с места на место, использовать, как кому заблагорассудится, или даже просто оставить без употребления, не затронув тем самым конкретную человеческую личность, которая является носителем этого весьма своеобразного товара. Распоряжаясь “рабочей силой” человека, рыночная система, в то же самое время, распоряжается неотделимым от этого ярлыка существом, именуемым “человек”, существом, которое обладает телом, душой и нравственным сознанием. Лишенные предохраняющего заслона в виде системы культурных институтов, люди будут погибать вследствие своей социальной незащищенности; они станут жертвами порока, разврата, преступности и голода, порожденными резкими и мучительными социальными сдвигами»⁶⁰, – отмечает К.Поланьи.

Но, с другой стороны, на ранних этапах развития капитализма общество противилось любым попыткам превратить его в простой довесок рынку, но рыночная экономика без рынка труда немыслима. Например, в самый бурный период промышленной революции в Англии был принят закон Спинеленда (1795–1834), или «система денежной помощи» бедным, которая выдавалась к зарплате в соответствии со специальной шкалой. Эта шкала вводила такое социально-экономическое новшество, как «право на жизнь», и до 1834 г. успешно противодействовала созданию конкурентного рынка труда и была препятствием капиталистической экономике. «Право на жизнь» оказалось смирительной рубашкой, хотя ни одна социальная мера не встречала столь всеобщего одобрения. Родители были избавлены от заботы о детях, а дети больше не зависели от родителей; хозяева могли сколь угодно понижать зарплату, а их работникам, как усердным, так и нерадивым, уже не грозил голод. «Конечный результат оказался ужасающим. Хотя прошло известное время, прежде чем простой человек утратил чувство собственного достоинства настолько, чтобы сознательно предпо-

читать пособие для бедных заработной плате, его заработная плата, субсидируемая обществом, не могла падать до бесконечности, обрекая его тем самым на судьбу получателя пособия. Английская деревня постепенно пауперизировалась, и поговорка “сел на пособие раз – не слезешь с него никогда” вполне соответствовала действительности. Не учитывая долговременных последствий денежной помощи, невозможно объяснить всю нравственную и социальную деградацию эпохи раннего капитализма⁶¹.

Поланьи отмечает, что все наше социальное сознание формировалось по модели, заданной Спинелендом. Фигура паупера была в центре дискуссий, а в спорах вокруг закона о бедных формировались взгляды Бентама и Берка, Годвина и Мальтуса, Рикардо и Маркса, Оуэна и Милля, Дарвина и Спенсера, которые и были духовными родителями цивилизации XIX в. вместе с Французской революцией. Именно тогда открылась новая реальность – общество, где социальная связь и социальное взаимодействие составляют его суть. Родилась вдохновляющая концепция прогресса, которая, как казалось, оправдывала грандиозные и мучительные потрясения, ожидавшие человека в будущем. Пауперизм, политическая экономия и открытие общества находились между собой в теснейшей связи. Пауперизм привлек внимание к тому непостижимому факту, что бедность растет вместе с богатством, но это был первый из обескураживающих парадоксов, перед которыми поставило индустриальное общество современного человека. Экономический и материалистический дух господствовал. Для Рикардо и Мальтуса он означал предел человеческих возможностей, Годвин верил в безграничные возможности человека и поэтому отвергал законы рынка. Лишь Р.Оуэн отметил, что человеческие возможности ограничены не законами рынка, а законами самого общества, он сумел за покровом рынка разглядеть нарождающуюся реальность общества, и хотя это прозрение оказалось исторически несвоевременным, однако его теоретические постулаты могут быть актуальны для стран, находящихся на этапе индустриального становления. Ни один мыслитель, считает Поланьи, не постигал феномен индустриального общества глубже, чем Оуэн. «Он ясно сознавал различие между обществом и государством; не имея предубеждения против государства, он ожидал от него только то, что оно могло свершить – разумное вмешательство с целью предотвратить ущерб

для граждан, а вовсе не с намерением определять внутреннюю организацию общества; точно так же он не питал никакой враждебности по отношению к машине, нейтральный характер которой был для него очевиден. Ни политический механизм государства, ни технологический аппарат машинного производства не заслонял от него главного – феномен общества. В основе его мышления лежал отход от христианства, которому он ставил в вину “индивидуализацию”, иначе говоря, возложение ответственности за характер на самого индивида, что, по мнению Оуэна, означало отрицание реальности общества и его могущественного формирующего воздействия на человеческий характер. Подлинный смысл критики «индивидуализации» заключается в настойчиво проводимой Оуэном идее социальной обусловленности мотивов поведения: «Индивидуализированный человек и все то, что является в христианстве действительно ценным, разделены глубочайшей пропастью, которую им не преодолеть во веки веков»⁶².

Именно открытие общества заставило его перешагнуть духовные горизонты христианства и понять истину: поскольку общество реально, человек должен ему в конце концов подчиниться. Он также обратил внимание на неустрашимые границы свободы, и то, что освобождение общества от зла имеет свои неизбежные пределы. Эта граница станет очевидной лишь после того, как человек, пользуясь своими новыми возможностями, в корне преобразует общество.

Фактически Р.Оуэн описал пути, на которые вступило западное человечество, и те громадные последствия, которые влечет за собой фабричное производство. Главные тезисы, формулирующие эти последствия, таковы.

1. Распространение промышленности коренным образом изменит характер жителей. Новый характер формируется принципом, глубоко враждебным индивидуальному и всеобщему счастью, и поэтому породит самые страшные и постоянные бедствия, если только ему не воспрепятствует законодательное вмешательство и регулирование.

2. Организация всего общества на принципах прибыли и личной выгоды имеет далеко идущие последствия, что было описано им в психологических терминах. Наиболее очевидным результатом новой институциональной системы явилось разрушение традици-

онного характера оседлого населения и превращение его в новый человеческий тип, в племя вечных мигрантов и бродяг, лишенных нравственной дисциплины и чувства собственного достоинства, в грубые, вульгарные и бессердечные существа.

3. Действующие принципы нового порядка враждебны счастью индивида и благополучию общества, и это непременно приводит к величайшим бедствиям, если присущие рыночным институтам тенденции не будут сдержаны сознательным целенаправленным регулированием, эффективность которого должен обеспечить закон, т. е. то, что, на первый взгляд кажется экономической проблемой, является, по существу, проблемой социальной. Должен быть создан механизм социальной защиты человека от рынка и выведения человеческого труда из сферы рыночных отношений – выделение его «как фиктивного товара» и признание его в качестве самоценного, выражающего суть человеческой природы.

Модель современного человека

Синдром *«современной индивидуальности»* складывается из таких моментов, как: независимость от традиционных авторитетов, антидогматическая и скептическая установка; заинтересованность общественными делами; открытость по отношению к своему опыту; вера в силу разума и успехи науки, т. е. рационалистическая ориентация; предвосхищение и планирование будущих начинаний, а также способность отказаться от выгоды или удовольствия текущего момента ради будущих выгод; высокие требования образовательного, культурного, профессионального уровня; стремление к самосовершенствованию и самореализации посредством успеха. Данная концептуальная модель современного человека разработана на основе большого эмпирического социологического материала А.Инкелесом и Д.Смитом⁶³.

*«Блеск и нищета «Ното economicus»:
теоретическая модель и ее онтологический статус»⁶⁴*

Переход России в число стран, идущих по пути капиталистического развития, разразившийся мировой финансовый кризис, затрагивающий во взаимозависимом глобализирующемся мире как

развитые, так и развивающиеся страны и оказывающий на экономику этих стран и ее население негативное влияние, сохранение бедности как мировой и национальной проблемы и рост социального и экономического неравенства, поставившего под сомнение тезис этики утилитаризма о пользе «приносящей наибольшее счастье наибольшему числу людей» (И.Бентам) – всё это составляет сейчас исторический контекст нашей жизни. Этот современный социокультурный и исторический контекст жизни общества в настоящее время особенно актуализирует проблематику человека в экономической сфере. Среди этой проблематики можно выделить ряд возможных ракурсов анализа:

качества человека влияющие на экономическую деятельность в условиях становления капитализма, их адекватность духу капитализма;

исторические и современные модели человека в экономике и других социальных науках, их связь и возможности междисциплинарного влияния;

роль знаний философской антропологии, исследующей природу человека, для экономического дискурса;

возможное влияние этики и нравственности, духовных оснований на экономическую деятельность. Каково влияние социально-культурного контекста, в котором она реализуется;

роль человеческих качеств, востребованных постиндустриальным информационным обществом: человек как ресурс экономики и как ценность и цель развития. Трансцендентные цели в самореализации человека;

Не претендуя на охват в рамках данного исследования всех возможных ракурсов анализа, наметим лишь возможные подходы к некоторым обозначенным проблемам.

*Экономический человек в трактовке В.Зомбарта*⁶⁵

Становление капитализма как определенного типа социального порядка требовало и определенных, отличных от традиционного общества, мировоззренческих ориентаций и определенных типов человеческой личности, способных действовать на свой страх и риск, не полагаясь на блага, которые дает индивиду принадлежность к той или иной корпоративной структуре. Индивидуализм

и антропоцентризм становятся императивами нового социального порядка. Вместе с тем истолковываться они могут по-разному. В.Зомбарт, видный социолог и историк становления капитализма, пишет об этом так: «Торгаш и герой – они образуют два великих тезиса, как бы два полюса ориентации человека на Земле. Торгаш... подходит к жизни с вопросом: что ты, жизнь, можешь мне дать? Он хочет брать, хочет за счет по возможности наименьшего действия со своей стороны выменять для себя по возможности больше, хочет заключить с жизнью приносящую выгоду сделку; это означает, что он беден. Герой вступает в жизнь с вопросом: жизнь, что я могу дать тебе? Он хочет дарить, хочет себя растратить, пожертвовать собой без какого-либо ответного дара; это значит, что он богат. Торгаш говорит только о правах», герой – только о лежащем на нем долге; и даже выполнив все свои обязанности, он все еще «чувствует в себе склонность отдавать...»⁶⁶

Торгашеский дух и дух героический как мировоззренческие ориентации имеют разные интенции. В.Зомбарт критикует нищету торгашеского мировоззрения и исповедующего его адепта – торгаша по всем социальным направлениям деятельности: хозяйственной, научной, государственной, военной. Торгашеский дух характеризуется направленностью всего мышления на практические цели, ему соответствует ярко выраженная тяга к телесным удобствам, материальному благополучию, комфорту; выгода, связанная с наибольшим удобством и соответствующим набором материальных благ является важнейшим критерием состоявшейся успешной индивидуальной жизни. «С точки зрения утилитарно-эвдемонической этики это отдельное существо, этот человечиска заключает с жизнью своего рода пакт, по которому он обязуется совершать определенные действия, но только ввиду получения прибыльной оплаты (на этом свете или на том – все равно). Самый гнустный клич, который когда-либо издавала торгашеская душа: поступай “хорошо”, “чтобы все у тебя было благополучно и ты долго жил на этой земле”, – стал девизом всех учений английской этики. “Счастье” есть высшая цель человеческих стремлений»⁶⁷. Упомянутый принцип Бентама о наибольшем счастье для наибольшего числа людей Зомбарт назвал подлым «идеалом» на вечные времена. Именно потому, что «счастье» отождествляется с удобством, взятом совместно с благопристойностью и респектабельно-

стью, зарабатыванием денег и досугом с каким-нибудь хобби. Это негативные добродетели, поскольку все они сводятся к тому, чтобы *не* делать, к чему мы были бы склонны, повинувшись влечению: умеренность, скромность, прилежание, искренность, справедливость, воздержание во всем, покорность, терпение. В.Зомбарт критикует так же и социологические взгляды торгашеского духа на примере Г.Спенсера как его выразителя, который хвалит «истинно человеческие чувства»: уважение к праву собственности других людей, пунктуальность и порядочность, верность супружескому долгу, уважение к чужой индивидуальности, чувство независимости. «В этих низинах этики социальной взаимности рождаются и представления торгаша о “справедливости” и “свободе”... Формула справедливости звучит так: «каждый свободен делать что захочет, пока он не наносит этим вреда такой же свободе всякого другого»⁶⁸. Таким образом, отмечает В.Зомбарт, свобода уравнивается с произволом (в позитивном) и независимостью (в негативном) смысле и выглядит как подведение баланса торговых сделок, а торгашество и респектабельность, выхолащивающие и принижающие человеческий дух и культуру, считаются следствием «естественного» развития, естественное истолковывается как нравственное, выживает сильнейший и наиболее приспособленный к капиталистическому типу общества.

Противоположностью торгашескому является героический дух. (Зомбартом он идентифицируется, прежде всего, с духом немецким.) Его представляют люди долга. Немецкие философы – Шопенгауэр, Гегель, Кант, Фихте, Ницше, Гёте во все времена с решимостью отвергали утилитаризм, эвдемонизм, т. е. философию выгоды, счастья и наслаждения, отвергая идеал мелких лавочников, видели «низость» в том, чтобы любить свое эмпирическое благополучие и побуждаться только страхом перед его утратой или надеждой на обретение в нынешней или грядущей жизни (Фихте), воспринимать жизнь не как подарок, предназначенный для наслаждения, а как задачу, над которой нужно потрудиться (Шопенгауэр), восходить из нижней, чувственной жизни к высшей, духовной, что составляет смысл земных скитаний (Ницше), следовать долгу как категорическому нравственному императиву и относиться к собственному существу, которое есть не что иное, как личность, т. е. свобода и независимость от всего природного механизма, не ина-

че как с почтением, а к его законам – с высочайшим вниманием (И.Кант). «Добродетели героя противоположны добродетелям торгаша: “все они позитивны, все будят жизнь”; это “дарящие добродетели”: готовность к самопожертвованию, верность, простодушие, почтительность, храбрость, благочестие, послушание, доброта...»⁶⁹ Героическое понимание жизни связано с патриотической настроенностью, служением какому-то делу, чему-то надындивидуальному, например идее народа, отечества. Оно связано с культивированием «внутреннего человека», с достоинством человека как его нравственной величиной, его творческим служением делу. Ясно, что симпатии В.Зомбарта на стороне героя и героического мировоззрения, но в массе своей на современном этапе развития капитализма доминируют торгаш и его торгашеское миропонимание.

Этот анализ важен тем, что показывает неустрашимость антитезы ценностных мировоззренческих ориентаций человека на Земле, с одной стороны, и введением мировоззренческой составляющей в качестве важнейшего компонента в трактовке типа экономического человека времен его становления – с другой. Экономический человек, занятый хозяйственной и другими видами деятельности, еще не превратился в одномерного *Homo economicus* как инструментальную модель экономической науки с ограниченным и абстрактным набором качеств, на основе которых возможна калькуляция эффективности производства материальных благ и прибыли.

Человеческое измерение динамики капитализма предпринято В.Зомбартом помимо анализа глобальных мировоззренческих ориентаций экономического человека, посредством описания душевных качеств предпринимателя как главной фигуры капиталистического производства, типов капиталистических предпринимателей, сравнительных характеристик буржуа старого и нового стиля, характеристик предпринимательских и мещанских буржуазных натур. Каждое из этих оставляющих человеческое измерение динамики капитализма можно подробно анализировать, мы лишь ограничимся отдельными сюжетами, которые могут представлять интерес для понимания возможности трансформации в буржуа человека нашего недавнего социалистического прошлого.

Существует ли некая предрасположенность «по природе» в качестве определенных душевных свойств к предпринимательской деятельности? Да, «в каждом законченном буржуа обитают, как

нам известно, две души: душа предпринимателя и душа мещанина, которые только в соединении обе образуют капиталистический дух»⁷⁰. Духовная предрасположенность в предпринимательской натуре – быть толковым, умным и одаренным человеком, имеющим желание, охоту к деятельности. Толковым, т. е. быстрым в схватывании, понимании, острым в суждении, основательным в обдумывании и одаренным надлежащим «чутьем существенно-го». Умным – т. е. способным «узнать свет и людей», уверенным в суждении о людях, уверенным в обращении с ними; уверенным в оценке любого положения вещей; хорошо знакомым прежде всего со слабостями и пороками своих окружающих. Это духовное свойство называют как выдающуюся черту больших коммерсантов. Одаренным – т. е. богатым «идеями», «выдумками», сопряженными с полнотой «жизненной энергии». Перед глазами встает образ человека, которого мы называем предприимчивым. Все те свойства предпринимателя, с которыми мы ознакомились как с необходимыми условиями успеха, – решительность, постоянство, упорство, неутомимость, стремительность к цели, отвага идти на риск, смелость – коренятся в мощной жизненной силе, стоящей выше среднего уровня жизненности или «витальности». Резюмируя, можно сказать, что предпринимательские натуры – это люди с ярко выраженной интеллектуально-волево-характеристической одаренностью, которой они должны обладать сверх обычной степени, чтобы совершить великое, и с зачехнувшей чувственной и душевной жизнью.

Зомбарт подчеркивает, что отличие мещанина от немещанина выражает глубокое различие существа двух человеческих типов. Можно сказать, что люди бывают либо отдающими, либо берущими, либо расточительными, либо экономными во всем своем поведении. Оба типа – отдающие и берущие люди, сеньориальные и мещанские натуры – различно оценивают мир и жизнь. «У тех верховные ситуации, субъективные, личные, у этих объективные, вещные; те от природы – люди наслаждения жизнью, эти – прирожденные люди долга, те – единичные личности, эти – стадные люди; те – люди личности, эти – люди вещей...»⁷¹. Вывод таков: противоположная предрасположенность находит выражение и в оценке деятельности человека. Одни признают только такую деятельность, которая делает высоким и достойным человека как лич-

ность. Другие объявляют все занятия равноценными, т. к. они полезны. Это различие жизнепонимания отделяет культурные миры друг от друга в зависимости от того, какого рода воззрения преобладают. Из соединения качеств предпринимательской и мещанской натур возникает образ буржуа и степень массовости у разных народов подобного типа людей различается.

Из страсти к наживе и предпринимательского духа, из мещанства и отчетности строится сложная психика буржуа, которая при этом эволюционирует от раннекапиталистического к современному этапу развития. Сравним характерные черты буржуа старого стиля и современного экономического человека по В.Зомбарту⁷².

Буржуа старого стиля	Современный экономический человек
<p>Воззрение на смысл богатства и внутреннее отношение к собственной наживе: богатство ценится, нажить его – горячо желаемая цель, но оно не должно быть самоцелью; оно должно только служить к тому, чтобы создавать или сохранять жизненные ценности.</p>	<p>Идеал и центральные неизменные ценности, на которые он ориентируется: живой человек с его счастьем и горем, с его потребностями вытеснен из центра круга интересов и место его заняли две абстракции: нажива и дело. Человек перестал быть тем, чем оставался до конца раннекапиталистической эпохи – мерой всех вещей.</p>
<p>Отношение к самой деловой жизни: отношение, аналогичное отношению к смыслу наживы. Темп деятельности спокойный.</p>	<p>Скорость какого-нибудь события и чего-нибудь предпринятого интересуется современного человека также, как и массовый характер. Скорость и величина соединяются в понятии рекорда.</p>
<p>Отношение к конкуренции: соответствует характеру спокойного ведения дела, «ловля клиентов» считается безнравственной, «нехристианской».</p>	<p>Новое возбуждает любопытство, потому что оно ново. Новизна, сенсация, мода – важное стремление современного человека.</p>
<p>Отношение к технике: прогресс в технике желателен только тогда, когда он не разрушает человеческого счастья.</p>	<p>Позыв, к могуществу как признак современного духа, радость от того, что имеешь возможность показать свое превосходство над другими.</p>

Подводя итог, оценивающий вклад В.Зомбарта, можно выделить следующее. В его концепции модель экономического человека представлена в дискриптивной и типологизирующей форме, вырастающей из многокрасочности исторической картины трансформации общества и человека, связанной со сменой ментальности, стержень которой – отход от заданных традицией образцов, индивидуализм и стремление к обогащению. Палитра человеческих типажей создает многообразие «homo capitalismus»: это не только благочестивые трудоголики-протестанты, но и маргиналы – грабители, откупщики, авантюристы, собирательный образ которых несет в себе такие человеческие качества, как изобретательность, организаторские способности, пренебрежение христианскими заповедями, решимость в достижении цели, невзирая на средства. «Это образ человека, рациональный душевный механизм которого должен был постепенно перевернуть все жизненные ценности. “Homo capitalismus” представляет собой искусственное и искусное образование, являющееся следствием такого переворота»⁷³. Будучи наследником исторической школы, Зомбарт не принимал тезисы классической политэкономии, провозгласившей «естественным» поведение «разумного эгоиста», рационально подбирающего средства для достижения своих целей. Homo economicus в экономических теориях XIX в., а также и современных теориях стремится к выгоде, тем самым способствуя общему благу, поскольку из эгоистических устремлений частных лиц «невидимая рука рынка» создает гармонию, именуемую равновесием спроса и предложения.

Можно солидаризироваться с оценкой Зомбарта, данной ему как теоретику⁷⁴. Его можно считать одним из тех авторов, которые подготовили современный институционализм, для которого сами технические изобретения и инновации являются следствием стимулов, приходящих не от экономики как таковой, но от многообразных социальных подсистем. Без юридической системы контроля за выполнением контрактов, без защиты прав собственности технические новшества не внедряются; без системы образования, без заботы о культуре и искусстве чахнет и инженерная мысль. Нам в России все это хорошо знакомо на практике последних десятилетий: *никакая «невидимая рука» не работает, пока нет тех людей, которые хотят и умеют действовать как рациональные*

производители (выделено нами. – *Авт.*), пока проще заниматься захватом и переделом, никто не пользуется знаниями, почерпнутыми из самых лучших учебников. Социологи написали множество исследований о тех институтах азиатских «драконов», которые способствовали десятилетиям быстрого роста, включая и исследования, опровергающие взгляды Вебера на конфуцианство и буддизм. Социальная реальность не делится по факультетам, а потому серьезным экономистом можно стать лишь тот, кто знаком с социологией и психологией, использует ее научный потенциал. Поэтому логично посмотреть на те модели человека, которые используются в экономической и других социальных науках.

***Исторические и современные модели человека
в экономике и других социальных науках. Возможности
их междисциплинарного взаимодействия***⁷⁵

Как для исторических, так и для современных подходов к анализу экономической деятельности характерно обращение к антропологической проблематике, попыткам объяснить ее, опираясь на понятие «человеческой природы».

Уже Аристотель, автор термина «антропология», при объяснении меновой стоимости товаров обращался к «природе человека», связывая ее с потребностями. Обращение к естеству человека, его природным особенностям было основой сравнимости потребностей. В XVII–XVIII вв. при создании экономической науки явно прослеживается влияние биологических аналогий. У В.Петти, создавшего предпосылки трудовой теории стоимости, в работе «Анатомия человеческого общества» использованы аналогии функционирования человеческого и экономического организма, в частности, посредством понятий энергетических, ресурсных затрат, меры их ценности в условиях ограниченности. У Ф.Кэне в «Экономической таблице» изложены основы народнохозяйственного баланса, где используется биологическая аналогия обмена веществ у человека – ассимиляция и диссимиляция. Так возникла основа для анализа оборота и воспроизводства капитала. А.Смит – основатель классической английской школы политэкономии, был профессором нравственной философии, на которого оказали влияние взгляды Гельвеция. Гельвеций считал эгоизм естественным

свойством человека и фактором общественного прогресса. Эти идеи А.Смит применил для объяснения экономических явлений. Согласно А.Смиту, главным мотивом хозяйственной деятельности является эгоистическое стремление человека к удовлетворению своекорыстного интереса, он не думает об общественной выгоде. Стремление к собственной выгоде, взаимодействуя с аналогичным движением каждого, способно привести общество к благосостоянию, направляемое «невидимой рукой» рынка, которая выступает как объективный закон. Состояние успешного взаимодействия своекорыстного интереса и законов экономического развития А.Смит считал естественным порядком, обусловленным «природой человека». Именно взгляды А.Смита на природу человека и влияние ее на экономические отношения общества легли в основу понятия «человек экономический» – Homo economicus, возникшего у его последователей.

Антропологическая проблематика и различные свойства и параметры «человеческой природы» присутствуют у многих видных экономистов. Подробный историко-антропологический экскурс в экономической мысли сам может стать предметом специального анализа. Обратим внимание на предельно общие констатации. А.Маршал исходил в своих экономических изысканиях из толкования «человеческой природы» и эволюции, связывая экономическую динамику с изменением вкусов, взглядов и психологии людей. Он осуществил синтез традиционалистских и маржиналистических подходов в экономической науке. Дж.С. Милль утилитаризм и принцип полезности дополнял необходимостью компромисса ввиду склонности людей к взаимным уступкам и терпимости.

Мальтус обращается к понятию «природы человека», способной изобрести способы предотвращения глобальной катастрофы, возникающей из-за несоответствия темпов роста народонаселения и средств для его существования. Это такие средства, как войны, болезни, голод, с одной стороны, а с другой – ограничение рождаемости, половое воздержание, безбрачие и т. п. Антропологические мотивы заметны и у представителей институционалистского направления в экономике – Т.Веблена, У.К.Митчела, Дж. А. Гобсона, а также в концепции экономического равновесия Л.Вальраса, в концепции Дж. М. Кейнса. Современные представители экономических школ Запада Д.К.Гелбрейт, М.Фридмен, П.А.Самуэльсон,

Ф.Хайек продолжают обращаться к антропологии, психологии, антропобиологии. «Внимание к природе человека в западной экономической науке скорее правило, чем исключение, стало устойчивой традицией, основанной преимущественно на эмпирических наблюдениях, на интуиции авторов. В настоящее время можно попытаться, пользуясь достижениями антропологии, психологии, экспериментальной нейропсихологии, генетики, этологии найти аргументы в пользу влияния особенностей природы человека на экономическое поведение»⁷⁶. Можно добавить, что данное взаимодействие наук, естественных и общественных, создает предпосылки для возникновения нового типа знания и демонстрирует теоретическую установку современной философии науки на междисциплинарность в исследованиях одного и того же объекта.

Вместе с тем «экономический человек» – *Homo economicus* – достаточно специфическая конструкция. Экономическое поведение реальных экономических индивидов в определенной социокультурной среде, на определенном этапе исторического развития общества, индивидов, обремененных специфическими свойствами и общими качествами, характерными для биосоциальной природы человека, имеет онтологический статус. Для исследования этой социальной реальности наука, в данном случае экономика, предлагает свою модель человека, которая является инструментом исследования, элементом метода соответствующей теории. «Термину «экономический человек» (*homo economicus*) отдельные авторы придают разные значения... Хорошее определение дает известный экономист и методолог Ф.Махлуп: «*Homo economicus* – это метафорическое или образное выражение, обозначающее предпосылку гипотетико-дедуктивной системы экономической теории»⁷⁷. Место обитания нашего экономического человека – это прежде всего теоретические труды ученых-экономистов. В этом смысле в параллель «экономическому человеку» можно поставить «социологического», «психологического», «политологического» и др. «Отношение между экономическим человеком и человеком, участвующим в реальной хозяйственной жизни, – это отношение даже не между теорией и практикой, а между предпосылками теории и практикой. Это отношение представляет собой серьезную методологическую проблему»⁷⁸. Прежде чем обсуждать эту проблему, обратимся к характеристикам самой модели.

Единого, классического определения модели Homo economicus в современной экономической науке не существует. В общем виде она содержит три группы факторов, представляющих *цели* человека, *средства* для их достижения, как вещественные, так и идеальные, и *информацию*, знание о процессах, посредством которых средства, ведут к достижению целей. Большинство исследователей принимают следующую схему модели экономического человека⁷⁹.

1. Экономический человек находится в ситуации, когда количество доступных ему ресурсов в целом *ограничено*. Он не может одновременно удовлетворять все свои потребности и поэтому вынужден делать *выбор*.

2. Факторы, обуславливающие этот выбор, делятся на две строго различающиеся группы: *предпочтения* и *ограничения*. Предпочтения характеризуют субъективные потребности и желания индивида, ограничения – его объективные возможности. Предпочтения экономического человека являются всеохватывающими и непротиворечивыми. Главными ограничениями экономического человека можно считать величину его дохода и цены отдельных благ и услуг. Предпочтения экономического человека являются *более устойчивыми*, чем его ограничения. Поэтому экономическая наука рассматривает их как величины постоянные, абстрагируется от процесса их формирования и изучает реакцию индивида на изменение ограничений.

3. Экономический человек наделен способностью оценивать возможные для него варианты выбора с точки зрения того, насколько их результаты соответствуют его предпочтениям. Другими словами, альтернативы всегда должны быть *сравнимы между собой*.

4. Делая выбор, экономический человек руководствуется собственными интересами и, возможно, интересами семьи. Важно то, что действия индивида определяются *его собственными предпочтениями*, а не предпочтениями его контрагентов по сделке, и не принятыми в обществе нормами, традициями и т. д.

Эти свойства позволяют человеку давать оценку своим будущим поступкам исключительно по их последствиям, как предполагает утилитаристская этика, а не по исходному замыслу, как предполагает этика деонтологическая. В этом смысле экономический

человек и по сей день остается утилитаристом. Благодаря предпосылке собственного интереса всякое взаимодействие между экономическими субъектами принимает форму *обмена*.

5. Находящаяся в распоряжении экономического человека информация, как правило, *ограничена*. Приобретение дополнительной информации *требует издержек*. Один из доступных ему вариантов выбора состоит в том, чтобы отложить решение на потом и заняться поиском новой информации. Время, в течение которого необходимо принять решение, является, наряду с доходом, одним из ресурсных ограничений, а издержки поиска – одним из ценовых ограничений.

6. Выбор экономического человека рационален в том смысле, что из известных вариантов выбирается тот, который, согласно его мнению или ожиданиям, в наибольшей степени будет отвечать его предпочтениям или, что то же самое, максимизировать его целевую функцию.

Эта модель экономического человека сложилась в ходе более чем двухвековой эволюции экономической науки. За это время некоторые признаки экономического человека, такие как неприменимый эгоизм, полнота информации, мгновенная реакция, считающиеся основополагающими, отпали как необязательные. Главная характеристика современного экономического человека заключается в максимизации целевой функции. Это свойство, которое можно назвать экономической рациональностью. Главным признаком экономических явлений, по мнению Роббинса⁸⁰, определение которого до сих пор считается классическим в экономической науке, называют рациональный выбор, соизмерение целей и ограниченных ресурсов для их достижения в какой бы то сфере деятельности этот выбор ни осуществлялся.

Ното есопомісус – это абстрактная инструментальная модель, которая носит редуционистский характер, поскольку не учитывает множество социокультурных и исторических переменных, в которых реализуется ранее выделенные признаки. Именно поэтому отношение между Ното есопомісус и человеком, участвующим в реальной хозяйственной жизни, не изоморфное отношение между теорией и практикой, а отношение между предпосылками теории и практикой. Расширение предпосылочной базы теории за счет, например, воздействия на выделенные параметры Ното

economicus социокультурной среды, социальных ценностей, принятых в данном историческом сообществе, особенностей национального характера, характеристик человеческого и социального капитала, может обогатить образ экономического человека, повысить эффективность его экономической деятельности и, возможно, улучшить, его социальное самочувствие. Культуры, в которых модернизация соединяется с нравственным потенциалом человека и народа, дают значительный экономический прогресс. Примером может служить Япония. Тезис «этика и экономика должны составлять одно целое» принадлежит Сибусаве Эйти, повлиявшего во многом на облик модернизации Японии и заслужившего звание «отца японского капитализма». «Сибусава предвидел возможные гуманитарные последствия модернизации, предостерегал от опасности развития экономики с упором только на технические достижения и при ориентации только на правовое регулирование экономических отношений. Он одним из первых поставил вопрос об ответственности предпринимательства перед обществом и государством. Экономика должна строиться на основе нравственности, иначе она обречена на самоуничтожение»⁸¹.

*Дискуссии о моделях человека в социальных науках*⁸²

Среди современных социальных теоретиков ведутся дискуссии относительно возможностей моделей человека, используемых в социальных науках, объяснять социальную жизнь. Одни считают редуccionистские модели человека – Homo economicus, Homo sociologicus недостаточными для объяснения социальных процессов в нестабильном мире и объявляют их «монстрами социальных наук»; другие ищут универсальную модель человека социальных наук, опираясь на образ экономического человека. Социальные нормы и рынок трактуются как различные координирующие механизмы. Социологи оперируют понятиями «норма, санкции, роли», экономисты – «рынок, цена, предпочтения», и характерные черты моделей человека этих наук имеют различные интенции.

Обратимся к интересному методологическому подходу: «Homo economicus как бы изолирован от остальных людей, поддерживает с ними только отношения обмена и располагает совер-

шенно независимой от других людей функцией полезности, все ограничительные моменты сводятся для него к издержкам, которые он сравнивает со своей личной выгодой. Он подсчитывает ожидаемые стоимостные значения соответствующих показателей и принимает рациональные решения: совершать или не совершать такие действия, как нарушение обязательств, обман, воровство, развод, уклонение от налогов, оскорбление, убийство и т. д. На его взгляд, это совершенно корректно, поскольку он не имеет никаких внутренних оценок, возникающих из социальной взаимозависимости: чувства стыда и сострадания чужды ему. Мораль – фетиш, проповедуемый философами; этика – ограничение, налагаемое на простофиль; социализация в детстве – осталась в далеком прошлом; мир – огромный универмаг... Однако как оценивает Номо эгоистические действия других людей? «Все наносящие ущерб действия других людей не должны иметь место!»»

Иначе обстоит дело с Номо социологическим: его личность совершенно «засоциализирована», перегружена и придавлена социальными требованиями, которые он полностью интернализировал, зависив тем самым их ценностью. Он вращается в мире добра, нравя, морального долга, пристойности, добродетели, ожиданий, предъявляемых окружающими, запросов общественной системы, стыда и страданий и знает только санкции за нарушение норм: эндогенно-психические и экзогенно-штрафные. На призыв действовать согласно собственным представлениям о пользе при условии возмещения ущерба другим он отвечает: «Кто я такой, чтобы свободно действовать?» После такой реакции проникнутые сочувствием социологи вообще выпускают этого субъекта из поля зрения теории – они вполне обходятся и без него»⁸³.

Таким образом, экономический анализ основанный на модели Номо эгоистического и социологический, исходящий из существования Номо социологического действительно является противоположными точками зрения. Первая позиция сводит все социальные явления к действиям как бы изолированных индивидов и не учитывает других социальных взаимосвязей, вторая позиция объясняет индивидуальные действия давлением социальной взаимозависимости и не допускает, что, последняя в свою очередь, возникает из общения между отдельными людьми. Автор данной точки зрения П.Вайзе осознает редукционистский характер этих моделей, и как

следствие – их ограниченные эпистемологические возможности и фактически предлагает идти по пути интеграции, создавая единую «модель человека социальных наук».

Предлагается новый образ – *Homo socioeconomicus* в роли координатора, в отличие только от социальных норм и рынка, как координирующих механизмов. *Homo socioeconomicus* как теоретическая модель индивида должна обладать свойствами, адекватными как для экономистов, так и социологов. Ответы на эту проблему сводятся к наделению «человека социальных наук» психологическими чертами, тем самым социальные взаимодействия и их координация отчасти переносятся внутрь индивида, и сложность межчеловеческого общения объясняется сложностью внутренней жизни человека⁸⁴. Однако для понимания социальных взаимодействий это имеет значение лишь в том случае, если «человек социальных наук» обладает способностью согласовывать свои действия с другими людьми.

Следование по этому пути анализа приводит не только к учету психологических черт человека, но и актуализирует проблематику философской антропологии, предметом которой является анализ сущностных параметров «природы человека», исследования их трансформации в определенных социокультурных контекстах. Теоретические достижения философской антропологии, особенно XX в., представленные именами М.Шелера, Х.Плеснера, Э.Кассирера, Н.А.Бердяева, проблематизирующие саму сущность человека, могут иметь важное методологическое звучание для построения синтезирующих моделей «человека социальных наук».

Сама новая модель «человека социальных наук», *Homo socioeconomicus* – представляется в следующем виде⁸⁵: он имеет внутренние и усвоенные (интернализированные предпочтения). Внутренние предпочтения связаны с нейрофизиологическими свойствами организма; усвоенные предпочтения отражают опыт в обращении с благами и последствия предпринятых действий, наблюдения за образом действий других людей, а так же влияние норм. Благодаря этим предпочтения *Homo socioeconomicus* становится зависимым от того, что делают другие люди. Он уже больше не *Homo clausus* (человек замкнутый): усвоенные предпочтения опираются на социальную взаимозависимость. *Homo socioeconomicus* имеет измерения отсутствующие у *Homo*

economicus и Homo sociologicus: он говорит, завидует, любит, ненавидит, клеветает, обескураживает; он может действовать по усвоенным нормам, которые не закрепляются никакими внешними санкциями; он вырабатывает характер, т. е. прочную систему интернализированных норм, он приобретает привычки, которые внутренне упорядочивают его действия; он преступает некоторые нормы, устанавливающие внешний порядок в деловых отношениях между людьми, поскольку цена этих нарушений меньше, чем цена отказа от определенных убеждений; он идентифицирует себя с определенными ценностями и пренебрегает другими; его реакции уже не настолько жестко заданы, как у Homo economicus и Homo sociologicus. То есть человек значителен сам по себе, он теперь действительно социальное существо.

Если данная точка зрения нацелена на синтез знаний, представленных от различных социальных наук, и формирование модели «человека социальных наук» способную более адекватно описывать социальную реальность, то другая точка зрения, обосновывает позицию, согласно которой по-новому сформированная экономическая модель человека может открывать перспективы выработки единого подхода в социальных науках. Этот подход также выступает против того, что социальные науки представляют собой набор отдельных ящиков, ассоциирующих с отдельными сферами нашей жизни. «Экономический человек» владеет ящиком с ярлыком «экономика», «социологический человек» ящиком под названием «социология», «политический» и «антропологический» представляет особые случаи «социологического», а принимающие схему А. Маслоу говорят о «психологическом человеке». Развиваемая в данном подходе концепция также исходит из основополагающей роли определенной гипотезы о «человеческой природе», т. к. именно она в значительной мере формирует представление о ценностях и социальном порядке. Усеченная модель «экономического человека», ограничивающая сферу его действия только экономическими мотивами, обедняла экономический анализ и оправдывала применение «социологического человека» при анализе преобладающей части социальной реальности. Наблюдаемое в реальности поведение человека всегда свидетельствует о наличии не экономических мотивов, имеет очевидное проявление озабоченности и внимания по отношению

к другим людям и ставит под сомнение трактовку человека как эгоиста. Модель человека, обеспечивающая широкие перспективы для выработки единого подхода в социальных науках, ведет свое начало от шотландской школы философов-моралистов, работ А.Смита⁸⁶.

Биотехнологии и проблема антропологической идентичности

Проблематика человеческой жизни в современном мире актуализируется с совершенно непредвиденной ранее стороны – в связи с успехами биотехнологий, расшифровкой генома человека и амбициями геной инженерии. Радикальность вопроса состоит в следующем: как повлияет необратимое вмешательство в человеческий генофонд на этическое самопонимание человеческого вида, какова будет его антропологическая идентичность и, главное, в какой степени человек сохранит свободу быть автономным автором своей собственной жизни?

Прогресс биологических наук и биотехнологий позволяет осуществлять новый тип вмешательства в человеческую жизнь, который ставит под угрозу с таким усилием завоёванный исторически в ходе социальных трансформаций образ человека, который имеет «возможность быть самим собой». В связи с этим сценарий свободной реализации жизненного проекта деформируется с далеко идущими последствиями как на уровне индивидуальной жизни, так и на уровне жизни человеческого рода. Эту ситуацию можно обозначить как инструментализацию и овеществление человеческой природы.

Во-первых, изначально до сих пор генофонд новорожденного как исходные органические условия его будущей истории жизни исключался из сферы программирования и манипулирования другими лицами. Теперь в результате генетической манипуляции возникнет такой «тип управления, который вторгнется в соматические основы спонтанного отношения к себе и этической свободы другой личности; этот тип управления, как представлялось прежде, допустим лишь по отношению к вещам, но не по отношению к другим людям»⁸⁷. Вследствие этого может возник-

нуть совершенно другая структура ответственности, например, за неудавшуюся жизнь, когда потомки всегда могут возложить ответственность за реализацию истории своей жизни на создателей своих геномов.

Во-вторых, может измениться характер межличностных отношений. На место эгалитарного типа отношений, описанного в работах Ж.-Ж. Руссо «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» и «Эмиле», а в современных исследованиях у Ф.Фукуямы в работе «Конец истории и последний человек», приходит ситуация доминирования одного индивида над другим вследствие принятия относительно его жизни необратимого решения. Если ранее в истории несвобода связывалась прежде всего с несправедливыми социально-экономическими условиями жизни людей и всегда инициировала теоретические проекты лучшего переустройства общества, что в действительности приводило к расширению границ свободы, то теперь эта «несвобода» может появиться на органическом уровне, а последствия могут оказаться фатальными.

В-третьих, необходимость «морализации человеческой природы», т. е. признание особенной важности проблемы этического самопонимания человеческого рода; её суть формулируется следующим образом: сможем ли мы рассматривать себя как ответственных авторов истории своей жизни и уважать других лиц, считая их равными. Это зависит от того, как мы понимаем себя в качестве видовых существ. Сможем ли мы рассматривать генетическую самотрансформацию вида как путь к росту автономии отдельного человека или подорвем нормативное самопонимание личностей⁸⁸.

Реализация второй альтернативы основывается на сохранении человеческой природы и основанного на ней достоинства, она требует распространения императивов экологической этики и на саму человеческую жизнь. «Хотим ли мы по-прежнему осознавать и понимать самих себя нормативными существами, то есть существами, которые ждут друг от друга взаимной солидарной ответственности и равного уважения? Какую ценность должны представлять мораль и право для социальной среды, если её можно перестроить на основании свободных от норм функционалистских понятий?»⁸⁹. В современном контексте ответы на эти вопросы связаны с поисками универсальных ценностей и норм социального взаимодействия.

Следует также подчеркнуть, что этическое понимание человека как видового существа образует контекст наших правовых и моральных воззрений. В итоге следует согласиться с тем, что «изначальный философский вопрос о “правильной жизни” сегодня, по-видимому, обновляется в своей антропологической всеобщности. Новые технологии вынуждают нас вести публичный дискурс о правильном понимании культурной формы жизни как таковой. И у философов больше нет никаких благовидных предлогов отдавать предмет этой дискуссии на откуп представителям биологических наук и вдохновленным научной фантастикой инженеров»⁹⁰.

Современная наука и философия накопила обширные знания о человеке. Человек изучается как объект с присущими ему свойствами и качествами, как динамическая открытая система, способная к развитию и самоорганизации, как исторически эволюционирующее существо. Все это важные и необходимые исследовательские программы, воссоздающие полноту феномена человеческой реальности. Но вместе с тем в них не акцентируется нечто важное, суть, которая как бы ускользает. Речь идет о нормативном, этическом самосознании, «морализации человеческой природы», о понимании связи между видовым основанием нашего существования с нашим моральным самопониманием. Концепт «жизни» поэтому является более широким основанием для понимания человеческой ситуации, т. к. он рассматривает суть человека не только с сугубо рационального основания (*Homo sapiens*), но и эмоционального, чувствующего начала, а также и волевого, желающего. Антропологическая идентичность – это те основания, на которых «мы идентифицируем себя в качестве людей и отличаем себя от других живых существ. Иначе говоря, они затрагивают проблему самопонимания нами самих себя как видовых существ. Речь идет не о культуре, повсюду разной, но об образе человека, рисующего себя для различных культур, человека, который в своей антропологической всеобщности везде является одним и тем же»⁹¹. Именно ответ на этот вопрос, вопрос о том, с чем мы себя идентифицируем в качестве людей, как нам представляется, дал Ж.-Ж. Руссо, которого выдающийся ученый К.Леви-Строс назвал совсем не случайно отцом антропологии. Этот ответ был в силу определенных причин смещен на периферию антропологической мысли. Руссо связывал антропологическую идентичность человека как видового

существа со способностью к отождествлению с другим, способностью к состраданию. «Эта способность, как неоднократно указывал Руссо, есть сострадание, вытекающее из отождествления себя с другим – не родственным, не близким, не соотечественником, а просто с любым человеком, поскольку тот является человеком, более того, с любым живым существом, поскольку оно живое»⁹².

К.Леви-Строс считал, что именно Руссо дал теоретическое обоснование антропологии, определил точное её место в комплексе человеческих знаний, сформулировал основополагающие методологические принципы, а единение чувственного и разумного в человеке считал естественным состоянием человека. «Для того, чтобы человек снова увидел свой собственный образ, отраженный в других людях – это и составляет единственную задачу антропологии при изучении человека, – ему необходимо сначала отделиться от своего собственного представления о самом себе... Именно Руссо мы обязаны открытием этого основополагающего принципа – единственного принципа, на который смогла бы опираться наука о человеке. Однако этот принцип оставался недостаточным и непонятным, поскольку общепринятая философия основывалась на декартовской доктрине... за счет отрицания социологии и даже биологии»⁹³. Между внутренним миром человека и внешним миром стоят общество, цивилизация, миры, состоящие из людей. Забвение участи Другого, подавление естественного состояния – отождествления себя с Другим – оказывается тем открытым пространством, через которое уходит человечность. Уважение к другим возникает в человеке произвольно, и доказательство присущей человеку отзывчивости Руссо находит «во врожденном отвращении к виду страдания себе подобного». Это открытие заставляет видеть в каждом страждущем существе подобное себе и наделенное, следовательно, неотъемлемым правом на сострадание. Без этой особенности, без воспитания способности к состраданию в обществе не может быть ни закона, ни нравственности, ни добродетели.

Этическое самопонимание человеческого рода, за которое сегодня предлагает бороться Ю.Хабермас, актуализирует эти идеи Руссо, т. к. они указывают на неоправданно забытые (или сознательно игнорируемые) основы уважения к жизни другого человека, чувствующего так же, как и ты, боль и страдание, имеющего

право быть защищенным нормами права, морали, коллективными представлениями о достойном и недостойном, допустимом или неоправданно лишаящем его возможности быть автономным, свободным автором своего жизненного проекта. Технизация и инструментализация человеческой природы – это логически последовательный шаг господства над природой, который столь дальновидно критиковал уже Руссо, указывая на пороки, которые мы можем видеть в самих себе. «Мы начали с того, что отделили человека от природы и поставили его над ней. Таким образом мы думали уничтожить самое неотъемлемое свойство человека, а именно то, что он прежде всего является живым существом. Тем же, что мы закрывали глаза на это общее свойство, дана была свобода для всяких злоупотреблений.

Никогда на протяжении последних четырех веков своего существования западный человек не имел лучшей возможности, чем сейчас, чтобы понять, что присваивая себе право устанавливать преграды между человеческим и животным миром, представляя первому все то, что отнимает у второго, – он опускается в некий адский круг. Ибо эта преграда становится все более непроницаемой, используется для отделения одних людей от других и для оправдания в глазах все более сокращающегося меньшинства его претензии быть единственной человеческой цивилизацией»⁹⁴.

Таким образом, из принципа отождествления со всеми формами жизни, природными и человеческими, вызывающими сочувствие, сострадание, вытекает и важнейшая, как нам представляется, идея. Во-первых, способность на основе моральных норм и этического самопонимания быть автономными авторами собственного жизненного проекта и допускать подобную позицию признания по отношению к другим. Во-вторых, отождествление с другим в различных формах своей репрезентации есть основа жизни социальности, социальной связи между Я и Ты, основа сохранения жизнеспособности полного противоречий мира. «Конец социального» (Ж.Бодрийяр) – это синдром нарушенной способности к идентификации с другим, одной части людей с другими. Поэтому роль социально-философского и философско-антропологического дискурса о человеке, поставленного сегодня в ситуацию жизни в глобализирующемся мире, где все связаны друг с другом и одновременно в определенном отношении разобщены, возрастает, при-

знание ценности жизни и развития человека становится условием динамического равновесия, безопасности и относительной стабильности всех. «Качество социальности», т. е. взаимной связи и взаимного признания, взаимного уважения начинает играть все более важную роль, позволяющую людям жить вместе и строить гармоничное будущее. Поэтому не случайно проблемы социальной философии, философии совместной жизни стали предметом анализа и решений, предложенных к обсуждению в работах Э.Гидденса, У.Бека, З.Баумана, Ж.Бодрийера.

Отход от абстрактных универсалистских схем, объясняющих специфику человеческой природы, и конкретный анализ проблем человеческой жизни в определенном социальном, культурном и историческом контексте выражает историческую логику познания и развития человеческой природы как процесса. На современном этапе открытия и достижения науки позволяют лучше понять природу человека как вида и индивидуальную человеческую жизнь.

РАЗДЕЛ II. ПРОГРЕСС, РЕСУРСЫ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Глава 5. Глобализация и концепция устойчивого развития

В современную эпоху в условиях глобализации и обострения всего комплекса общечеловеческих проблем мирового развития все большую остроту, теоретическую и практическую важность приобретает проблема соотношения социального прогресса и глобальной опасности. Во второй половине XX в. мировая цивилизация столкнулась с кризисом, который поставил под вопрос существование всего мирового сообщества как целого.

Кризис цивилизации имеет многоплановые проявления и порождает чрезвычайно сложную ситуацию. Он исключает возможность дальнейшего мирового развития по тем направлениям, по которым оно шло до настоящего времени, ибо то, что представлялось вполне естественным и закономерным еще недавно, в новых условиях обнаруживает перспективы общепланетарной климатической и экологической катастрофы. В то же время согласие на статус-кво во имя простого выживания человечества также не может дать конструктивного решения стоящих перед цивилизацией проблем в условиях глобализации. Выход может заключаться лишь в том, чтобы демонтировать все стереотипы и старые механизмы и найти совершенно новые – альтернативные пути общественного прогресса мира как целого в рамках жестких экологических ограничений. «Критерием и индикатором успешности социально-экономического развития в рамках экологических ограничений должны выступать показатели здоровья населения и продолжительности его жизни, а также природные предпосылки обе-

спечения этих показателей, – писал Н.Ф.Реймерс. – Экономическое богатство как таковое следует считать устаревшим мерилom национального достояния. Богатство страны прежде всего в здоровье населения, в интеллектуальном потенциале людей и в достаточном природно-ресурсном потенциале для их сохранения и развития»⁹⁵. Поэтому нецеленаправленное и неконтролируемое развитие человечества в XXI в. делается опасным.

Приходится констатировать, что в советской философской литературе долгое время доминировало фактически одностороннее понимание вероятных перспектив развития мировой цивилизации в современную эпоху. При этом переход от одной общественно-экономической формации к другой рассматривался как бы аксиоматически, как неизбежный, обусловленный действием объективных законов экономики. Общественный прогресс представлялся в сущности predetermined и одновариантным для каждого данного отрезка современной истории. Альтернативы признавались лишь на уровне средств, форм, последовательности стадий реализации данной линии прогресса. Повторялась, в конечном счете, одна и та же аргументация – о восходящем характере всякого развития, о неодолимости нового прогрессивного в любых условиях. В настоящее время классическая теория прогресса (как и модернизации) подвергается серьезной критике. В условиях глобализации меняется само представление о прогрессе как поступательном развитии, создаются концепции многофакторного прогресса в зависимости от социокультурной реальности многообразных обществ. Более того, перед переменами глобального характера прогресс становится неясным процессом, неспособным быть воспринятым ни как проект, ни как объективный ход истории. Становится очевидным, что мир нелинеен. А это предполагает неясные возможности развития, регресса и даже гибели.

Фактически после столкновения с природными ограничениями прогресса в XX в. закончился период стихийного развития цивилизации. Отныне все, что не согласуется с требованиями законов устойчивости биосферы, неизбежно ведет к усилению глобальных угроз и повышению риска общепланетарной климатической и экологической катастрофы. Поэтому глобальные цивилизационные процессы: политический, социальный, экономический, технологический, демографический, культурный и др. должны быть со-

гласованы с требованиями этих законов в пределах коридора хозяйственной емкости биосферы, а в локальном и региональном случаях – хозяйственной емкости соответствующих экосистем. А в тех направлениях, которые не соответствуют им – кардинально изменены⁹⁶. Общей целью мирового сообщества должно стать сохранение стабильности биосферы.

Разумеется, чтобы иметь возможность целенаправленно влиять на судьбы человечества, необходимо, прежде всего, уметь предвидеть те опасности, которые ожидают его в ближайшем и отдаленном будущем. В связи с этим резко возрастает потребность не только в эвристических оценках, но особенно в научно обоснованных прогнозах возможных событий в сфере взаимоотношений общества и природы. Все это диктует необходимость в правильном философском осмыслении возникших проблем, связанных с нарастанием угрозы общепланетарной климатической и экологической катастрофы и поиском путей обеспечения дальнейшего безопасного развития цивилизации.

Возникает закономерный вопрос: возможен ли в XXI в. прогресс и устойчивое развитие мирового сообщества в условиях глобализации и в рамках жестких экологических ограничений?

Надо сказать, что феномен глобализации, как и концепция устойчивого развития в последние десятилетия стал предметом исследования специалистов различного профиля, в первую очередь философов, политологов, экономистов и социологов. Другое дело, что воспринимаются и оцениваются они по-разному, вплоть до взаимоисключающих характеристик и выводов.

Глобализация: трактовки отечественных ученых

Так, отношение к глобализации весьма неоднозначно. В изучении и трактовке процессов глобализации в конце XX – начале XXI в. выделяют два основных подхода. «Первый характеризуется методологическим разрывом общества и земной биосферной природы, которая рассматривается как природное окружение общества; и глобализация в связи с этим трактуется как сугубо общественное явление, – считает Е.А.Дергачева. – Второй включает единство природного и социального в их поступательном эволю-

ционном развитии»⁹⁷. То есть существует фактически два понимания глобализационных процессов: социально-экономическая глобализация и эволюционная социо-природная глобализация.

Причем в литературе по глобализации представлено широкое и узкое толкование этого понятия. Некоторые отечественные исследователи весьма расширенно понимают «глобализацию», применяя это понятие для описания процессов, которые фактически не связаны с реальной глобализацией (В.И.Пантин, Э.А.Азроянц, А.П.Назаретян и др.)⁹⁸.

В отечественной литературе встречается и узкое понимание глобализации. Так, термин «глобализация» употребляется для обозначения свободного перемещения капитала и фактического подчинения национальных экономик глобальным финансовым рынкам и ТНК (Н.Н.Моисеев, А.И.Уткин и др.). В частности, академик Н.Н.Моисеев, отмечая, что за последние десятилетия возникло 37 тыс. ТНК, имеющих около 200 тыс. филиалов, которые образуют фактически единую сеть на всей планете, писал: «Локальные, национальные экономики постепенно стали терять потенцию саморазвития. Они стали интегрироваться в единый общепланетарный экономический организм с универсальной системой регулирования... Решающую роль в определении характера дальнейшего развития стали играть транснациональные корпорации (ТНК): произошла транснационализация капитализма»⁹⁹.

По определению А.И.Уткина, глобализация – это «слияние национальных экономик в единую, общемировую систему, основанную на быстром перемещении капитала, новой информационной открытости миру, технологической революции, приверженности развитых индустриальных стран либерализации движения товаров и капитала, коммуникационном сближении, планетарной научной революции; для нее характерны межнациональные движения, новые виды транспорта, телекоммуникационные технологии, интернациональная система образования»¹⁰⁰. Термин «глобализация», считает автор, является метафорой придуманной для выяснения смысла и понимания природы современного капитализма. Глобализация это в возрастающей степени интенсивная интеграция как рынков товаров и услуг, так и капиталов¹⁰¹. А.И.Уткин пишет о двух глобализациях: «первой» (1885–1914),

опорой которой была Британская империя (ее промышленная база, финансы и военно-морской флот), и «второй», современной, за которой стоят США¹⁰².

Ряд отечественных ученых выступает против этой точки зрения (В.И.Данилов-Данильян, Э.В.Гирусов, А.С.Кацура, В.И.Толстых и др.), считая, что при таком понимании не учитываются другие аспекты (социальный, политологический, социально-психологический, экологический, демографический, социокультурный, геополитический и др.) происходящих в современном мире процессов глобализации¹⁰³.

Кроме того, глобализация понимается, в частности М.Г.Делягиным, как «процесс стремительного формирования единого общемирового финансово-информационного пространства на базе новых, преимущественно компьютерных технологий. В этом ее отличие от интеграции, высшей стадией которой она является»¹⁰⁴. При этом основными атрибутами глобализации, по мнению автора, являются глобальное телевидение, «финансовые цунами» спекулятивных капиталов, сметающие и воздвигающие национальные экономики, первый кризис глобальной экономики в 1997–1999 гг., Интернет, виртуальная реальность, интерактивность. Главное же – влияние новых, информационных технологий на общество, а шире, на человечество в целом.

Многие исследователи подчеркивают, что глобализация представляет собой естественно-историческое явление, отражающее определенный уровень развития современной цивилизации. Так, А.Н.Чумаков считает, что глобализация – «это многоаспектный естественно-исторический процесс становления в масштабах планеты целостных структур и связей...»¹⁰⁵.

Некоторые философы, в частности В.И.Толстых, в понимании глобализации в концептуально-философском плане отдают предпочтение идее единства мира, рассматривая ее в качестве глубинного принципа построения будущего глобального общества. По мнению Толстых глобализация, будучи символом всеобщего в ее гуманистическом смысле и толковании, не имеет ничего общего с унификацией, стандартизацией и обезличиванием. Глобализация – это то, что свойственно и принадлежит всем, не требуя ни от кого отказа от своей индивидуальности и своеобразия. «В отличие от расхожей идеи неизбежности столкновения цивилизаций, – пишет

В.И.Толстых, – мы исходим из того, что существующее многообразие культур и цивилизаций есть исторически сложившийся способ существования сожительства людей, народов, наций и стран с природой и друг с другом. Акцент делается на единстве в многообразии. Такой подход и взгляд представляется наиболее плодотворным для осмысления феномена глобализации. Научиться жить самим, давая жить другим, – в этом и заключается основная идея глобализации (в ее гуманистическом истолковании)¹⁰⁶. Иначе говоря, эпоха глобального мира – это время и шанс претворить идею глобального всеединства в реальность.

И.А.Гобозов, напротив, подчеркивает, что до наступления глобализации в мире всегда имели место интеграционные процессы, когда народы и государства сотрудничали между собой, обменивались материальными и духовными ценностями, широко использовались торговые связи и т. д. Все это можно обозначить термином «*интернационализм*». При этом в эпоху интернационализма каждое государство защищало в первую очередь свои национальные интересы, способствовало сохранению национальных традиций, обычаев, национального языка, вообще национальной идентичности. То есть всеми доступными ему средствами защищало свой национальный суверенитет. Глобализация же, представляя резкий рост интегративных процессов, охватывающих все сферы общественной жизни: экономику, политику, культуру, информацию и др. в мировом масштабе, имея объективный характер «прежде всего, связана с тем, что по мере продвижения общества по пути социального прогресса человечество все больше и больше обобществляется. Но в отличие от интернационализации глобализация не признает никаких национальных границ, никакого права народа на самоопределение. Вместо этого предлагаются наднациональные формы правления и принципы прав защиты человека. В этом глобализационном котле исчезают национальные культуры, национальные традиции, национальная идентичность, словом, все национальное. Глобализация приобретает *космополитический* характер»¹⁰⁷.

Глобализация понимается и как универсализация западных неолиберальных ценностей (С.Глазьев, А.А.Зиновьев, А.С.Панарин и др.). В этом случае глобализация оценивается как разрушительная сила, свидетельствующая о формировании некоего глобаль-

ного «сверхобщества», которое существует практически за счет всего остального человечества. Она осуществляется, по мнению С.Глазьева, в интересах представителей «золотого миллиарда» во главе с США для «контроля над природными, демографическими и экономическими ресурсами других стран, ... через закрепление исключительной монополии на применение силы в международных делах за американской военно-дипломатической машиной...»¹⁰⁸.

Согласно А.А.Зиновьеву, глобализация «есть лишь идеологическая замаскированная установка западного мира, возглавляемого США, на покорение всей планеты и на установление своего господства над всем прочим человечеством»¹⁰⁹.

Наиболее ярко эта позиция представлена в работах известного российского социального философа и политолога А.С.Панарина, который фактически отрицал объективный характер процессов глобализации¹¹⁰, утверждая, что «воспеваемый либеральными адептами открытого общества глобальный мир стал на глазах превращаться в систему глобального геноцида»¹¹¹.

И, наконец, существует точка зрения, согласно которой процессу глобализации вообще нельзя дать четкого определения. «На наш взгляд, – пишет В.Л.Иноземцев, – тот факт, что этого до сих пор не сделано, подчеркивает не столько сложность задачи, сколько то, что решение ее просто не представляется необходимым»¹¹².

В.Г.Федотова считает, что глобализация и модернизация – это процессы современных социальных трансформаций. По ее мнению, в условиях глобализации, представляющей новый всемирный процесс социальной трансформации, появились новые неклассические теории модернизации. В частности, теория устойчивого развития, согласно которой «перед опасностью всемирной катастрофы страны должны признать успешным только то развитие, которое считается с необходимостью устойчивости, уменьшения экологических и прочих рисков»¹¹³. Другое дело, что сама концепция устойчивого развития в условиях глобализации претерпела значительные изменения и понимается различными исследователями по-разному.

Генезис концепции устойчивого развития

Как известно, в 1987 г. был опубликован доклад международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее», в котором центральным стало понятие «устойчивое развитие» (т. е. такая будущая форма взаимодействия общества и природы, которая обеспечивает сохранение биосферы и неопределенно долгое прогрессивное развитие рода человеческого).

В 1992 г. в Рио-де-Жанейро состоялась конференция ООН по окружающей среде и развитию (которая была приурочена к двадцатилетию Стокгольмской конференции)¹¹⁴, на которой лидерами 179 государств была принята стратегия устойчивого развития цивилизации, ориентированная на первые десятилетия нового столетия. Исходя из необходимости сохранения определенной меры устойчивости планетарного развития, на конференции был провозглашен новый принцип существования человеческой цивилизации – sustainable development. Иначе говоря, такое развитие, которое обеспечивало бы необходимый баланс между рациональным удовлетворением основных материальных и духовных потребностей как ныне живущих людей, так и будущих поколений при сохранении равновесия исторически сложившихся экосистем.

В результате с середины 90-х гг. XX в. на основе данной концепции стали разрабатываться национальные стратегии устойчивого развития, в том числе и в нашей стране. Наряду с этим значительно активизировались философские исследования по различным аспектам устойчивого развития¹¹⁵.

В то же время следует констатировать, что отношение к концепции «устойчивого развития» неоднозначно¹¹⁶. Многие отечественные философы и ученые считают идею устойчивого развития – утопической в условиях глобализации. «Призыв к устойчивому развитию, – по словам В.И.Толстых, – это даже не утопия, не иллюзия, а какая-то убаюкивающая химера, которой человечество утешается, пытаясь тем самым уйти от признания тупика, из которого не знает выхода. Вот и крутится оно вокруг этого якобы “спасительного понятия”»¹¹⁷. Однако как показывает практика, глобализация не способствует устойчивому развитию.

Думается, что глобализация как идея глобального использования всем человечеством того, что создано локально, возможно продуктивна, если, конечно, под человечеством не подразумеваются ТНК. Глобализация в самом общем виде может быть охарактеризована как совокупность процессов, ведущих к слиянию хозяйств отдельных стран в единое целое. Глобализация имеет объективный характер и отражает естественный процесс эволюции мирового общества. «Она порождена тем, – пишет Л.И.Шершневу, – что преобразующая жизнедеятельность человека в природной, социальной и техногенной средах вышла за пределы национальных государств и достигла мощности планетарных масштабов. Свидетельством тому являются результаты повсеместной индустриализации, создания сети транснациональных магистралей, развития средств связи, особенно Интернет и электронной почты, существования глобальной рыночной экономики и международного разделения труда, роста инвестиций на финансовых рынках, увеличения взаимозависимости государств и народов»¹¹⁸. То есть глобализация представляет собой объективную тенденцию, обусловленную достигнутым уровнем экономического и научно-технического развития.

Однако глобализация осуществляется ныне, по существу, по нормам так называемого «золотого миллиарда», усиливая тем самым неустойчивость и нестабильность развития в современном мире.

Объективный характер глобализации отнюдь не означает, что возможен лишь один-единственный вариант ее конкретного осуществления, а именно, тот вариант, который предлагается сегодня всем странам мира Соединенными Штатами Америки, которые стремятся к «мировому лидерству» в новом столетии. Данный вариант перехода мира к глобальной экономике, по мнению Р.Фарамазяна и В.Борисова, «предусматривает повсеместное утверждение принципов ультралиберализации и безраздельного произвола ТНК под флагом свободы и рыночных отношений. Между тем и мировая экономика, и мировая политика приносят все более свидетельств того, что американская модель глобализации не обеспечивает решения проблем, стоящих перед человечеством. Зато она в состоянии породить и уже порождает острейшие противоречия»¹¹⁹. К наиболее серьезным последствиям глобализации «по-американски» следует отнести стремительное нарастание в последние десятилетия экономического и социального неравенства.

Таким образом, в нынешних формах глобализация фактически способствует росту неустойчивости в мире, о чем свидетельствует нынешний мировой финансовый и экономический кризис. Более того, представляет собой основное препятствие для реализации программ устойчивого развития на всех уровнях: глобальном, региональном, национальном. Поэтому в свете стоящих перед человечеством острейших глобальных проблем, от решения которых зависит его выживание, концепция «устойчивого развития» выглядит нереальной, оторванной от практики. С этим вынуждены согласиться и сами авторы этой концепции, тем более, когда речь идет о России¹²⁰.

Для обеспечения устойчивого развития цивилизации требуется изменить не только мировую экономику, демографическую политику, но и переосмыслить многие ценности, а главное, отказаться от привычного образа жизни, что часто отождествляют с экологической революцией, цель которой – восстановление равновесия между «потребностями населения Земли и природными ресурсами, между социально-экономическим и экологическим развитием, обучением населения основам общения с внешним миром для гармонизации своей жизни и окружающей среды»¹²¹. В противном случае общепланетарная климатическая и экологическая катастрофа неизбежна.

Некоторые философы видят принципиальное значение саммита в Рио именно в том, что он предложил как общую для современной цивилизации саму идею «устойчивого развития». «Несмотря на многочисленную и во многом справедливую критику принятых там документов, их значительную расплывчатость, декларативность и т. д., – считает И.К.Лисеев, – в Рио было четко отмечено, что экономические, социальные, экологические и прочие факторы современного общественного бытия нельзя рассматривать отдельно, независимо друг от друга»¹²². Речь идет о том, что они должны быть связаны общей стратегией, соединяющей в единое целое политику в социальной, экономической, культурной, экологической, демографической и других сферах.

В то же время многие специалисты справедливо считают, что глобальный форум «Рио-92» завершился лишь общей декларацией «Повестка дня на XXI век» и не принес значительных практических результатов¹²³. То есть на практике глобальная программа

устойчивого развития остается до сих пор лишь благим пожеланием, чем реальностью. И это несмотря на то, что мировое сообщество в принципе признает необходимость новой экологически безопасной модели социально-экономического развития для сохранения цивилизации.

Некоторые исследователи полагают, что концепция устойчивого развития «не работает» потому, что не опирается на количественные критерии, которые позволили бы измерять степень устойчивости развития, а значит, конструктивно направлять движение мира именно в направлении устойчивого развития. В частности, по мнению В.В.Оленьева и А.П.Федотова, лишь глобалистика (новая наука о современном мире)¹²⁴ «впервые в концепцию (определение) устойчивого развития человечества (страны) вводит количественные критерии, устанавливающие допустимую антропогенную нагрузку на Землю при взаимодействии человечества и биосферы и допустимую социально-экономическую дисгармонию внутри самого общества, не выходя за пределы которых только и можно гармонизировать взаимодействие между человечеством и биосферой»¹²⁵. Это позволит, считают авторы, перейти от множества общих идей к рабочей, научно-конструктивной концепции, без которой в принципе невозможно рассчитать и организовать устойчивое развитие и разработать стратегию устойчивого развития страны или человечества в целом. Причем «в качестве первого эффективного механизма разумного управления Земной цивилизацией предлагается “рентное управление”, т. е. введение рентной платы для стран мира за пользование биосферой, которое лучше всего организовать под эгидой ООН на основе ее институтов с использованием принципа права вето. Вариант управления посредством мирового правительства в современном его понимании должен быть полностью исключен»¹²⁶. По мнению авторов, в конечном счете, жизнеспособное мироустройство возможно лишь на основе управляемой, плановой социально-экономической системы типа «экологического социализма». Иначе говоря, по мнению авторов, когда говорят об устойчивом развитии, подразумевают «необходимость перехода к развитию неантогонистическому, антикризисному, сбалансированному, системному, справедливому»¹²⁷.

Ю.К.Плетников, понимающий под устойчивым развитием «самодостаточное развитие», считает, что здесь речь может идти о выработке миросистемных преобразований. Это, во-первых, о прекращении бессмысленной гонки вооружений и использовании связанного с ней огромного материального и духовного потенциала в интересах самодостаточного развития человеческой цивилизации, полного искоренения всех форм нищеты и бедности. Во-вторых, об изменении жизненных стандартов или иначе устоявшейся модели жизни «золотого миллиарда», т. е. ограничении стихийного роста материальных и особенно престижных материальных потребностей, сопряженных с индексом самодостаточного развития системы общество-природа применительно к отдельной стране и мира в целом. В-четвертых, об экологизации технологических процессов (т. е. подключении их к естественному круговороту вещества и энергии в приповерхностной оболочке Земли) и экологическом производстве (т. е. производстве и воспроизводстве природных условий человеческой жизнедеятельности, например, очищении от антропогенного загрязнения внутренних водоемов и вод Мирового океана, рекультивации горных отвалов, восстановлении плодородия почвы и т. д.). В-пятых, о создании совершенных и доступных для населения всех стран здравоохранения и образования. И, наконец, о регулировании демографических процессов¹²⁸.

По мнению А.Б.Вебера, устойчивое развитие – это прежде всего социальная проблема, «а если конкретнее – проблема самоизменения общества в направлении, задаваемом императивом устойчивости»¹²⁹. Поэтому переход к модели устойчивого развития представляет собой фактически социальную задачу, относящуюся к сфере общественных отношений и политики. Отсюда вытекает необходимость разработки концепции устойчивого развития общества, которая «должна разрабатываться и, конечно, будет разрабатываться дальше представителями различных направлений общественных наук – социологами, экономистами, социопсихологами, политологами»¹³⁰.

С точки зрения экологов под устойчивым развитием следует понимать такое развитие, при котором не превышаетея предел допустимого антропогенного воздействия на биосферу. В.И.Данилов-Динильян предлагает такое определение: «Устойчивое развитие – это такое общественное развитие, при котором не разрушается его

природная основа, создаваемые условия жизни не влекут деградации человека и социально-деструктивные процессы не развиваются до масштабов, угрожающих безопасности общества»¹³¹. Причем это определение имеет три аспекта – экологический, социомедицинский и социогуманитарный. Отвечая на вопрос, движется ли мир к устойчивости, автор считает, что он движется в обратном направлении. Причем это справедливо в отношении всех трех указанных аспектов устойчивого развития, а не только экологического.

Некоторые исследователи продолжают утверждать, что процессы глобализации в XXI в. во все большей степени будут ориентироваться на цели стратегии устойчивого развития. Показательно, что в последние годы отечественные разработчики концепции «устойчивого развития» рассматривают устойчивое развитие в неразрывной связи с безопасностью¹³², что представляется более продуктивным (поскольку позволяет выявить основные угрозы экологической безопасности как внутреннего, так и внешнего характера). Так, в частности, А.Д.Урсулом устойчивое развитие рассматривается как «новый, социоприродный тип развития, при котором глобальные цивилизационные процессы принимают биосферосовместимую и безопасную форму. Наступает этап “глобализации через устойчивое развитие”, открывающий возможности совместного, эффективного решения социально-экономических и экологических проблем, минимизации их негативных последствий, способствуя выживанию человечества и сохранению биосферы»¹³³. Понятие устойчивое развитие фактически выступает синонимом безопасного развития, где достигается такой уровень безопасности, который обеспечивает выживание человечества и его неопределенно долгое развитие на нашей планете. При этом устойчивое развитие определяется «как такое социоприродное развитие, которое осуществляется в пределах несущей емкости экосистемы (а главное – биосферы в целом), то есть безопасное развитие, обеспечивающее выживание как нынешних, так и будущих поколений людей в условиях сохранения биосферы»¹³⁴.

По мнению В.И.Данилова-Данильяна, обеспечение устойчивого развития, а значит, экологической безопасности (как на глобальном, так и на региональном и на национальном уровнях) от антропогенных угроз требуют усилий мирового сообщества в

четырёх направлениях. Во-первых, сохранения имеющихся здоровых, восстановления деградировавших и частичное возобновление уничтоженных экосистем. При этом предполагается восстановление экологического потенциала биоты до уровня, необходимого для гарантированной устойчивости биосферы в ориентации на достижимую величину антропогенного давления. Во-вторых, экологизации производства, т. е. перехода к использованию экологически безопасных технологий, обеспечивающих существенное снижение объема используемых ресурсов и выбросов загрязнений в расчете на единицу производимой продукции. В-третьих, нормализации демографического процесса через планирование семьи; при этом абсолютно незыблемыми остаются основные гуманистические императивы: каждый родившийся имеет право на достойную человека жизнь, каждый народ имеет право на место в семье народов. В-четвертых, рационализации потребления, прекращения производства продуктов, обязанных своим появлением навязанным рынком потребностям человека, не только не содействующим его развитию, но и способствующим его духовной и физической деградации¹³⁵. В противном случае угроза глобальной нестабильности и общепланетарной катастрофы будет только нарастать.

В.А.Лось рассматривает устойчивое развитие как одну из форм «поиска взаимосвязи теорий экоразвития, экологической безопасности, риска и глобализации. Если глобализация – неуклонный, сравнительно неограниченный в пространственно-временном отношении процесс, имманентный цивилизации, то представления о риске и безопасности – мера ограничения неуправляемой экспансии глобализации»¹³⁶. С точки зрения автора, устойчивое развитие – это принципиально новый тип развития цивилизации, соединяющей принципы экономизма, экологизма и социологизма. Стратегия же устойчивого развития представляет собой форму национального (государственного) управления процессом глобализации, обеспечивающая снятие риска и повышение степени безопасности развития социоприродных систем различного уровня.

Отечественные разработчики концепции устойчивого развития убеждены, что будущее человечества самым существенным образом зависит от того, будет или не будет воспринят императив «устойчивого развития» и реализован на практике. Современная действительность, однако, свидетельствует о том, что мировое со-

общество в условиях глобализации до сих пор должным образом не воспринимает его, и более того, некоторые страны не собираются заниматься его реализацией (примером могут служить США, которые вышли из Киотского протокола).

Фиаско концепции устойчивого развития в условиях глобализации

Представляется, что в условиях глобализации, утверждения «нового мирового порядка» и действия в практике международных отношений принципа золотого миллиарда, согласно которому «всего на всех не хватит», концепция «устойчивого развития» фактически лишена всяких реальных оснований, а значит, не способна осуществиться на практике. Иначе говоря, эта концепция в условиях глобализации потерпела фиаско, о чем свидетельствует нынешний мировой кризис.

Дело в том, что в обстановке нарастания экологического, сырьевого, энергетического кризисов, демографической напряженности и других явлений общепланетарного характера международная финансовая олигархия и транснациональный капитал, представляя собой мощную экономическую силу, стремятся не только к созданию условий для извлечения сверхприбылей и тотальному контролю над мировым рынком, но главное – к упрочению глобального господства.

Следует учитывать также, что глобализация в нынешнем виде может привести к кардинальному переосмыслению статуса национальных государств в мире, норм международного права, содержания демократии, будущего культурных традиций и т. д.

Более того, глобализация в новом столетии влечет за собой негативные последствия для развития человечества: чревата новыми катаклизмами и конфликтами, а потому представляет опасность для мира в целом, для слаборазвитых стран и непосредственно – для самих ведущих государств, принадлежащих к так называемому «золотому миллиарду».

Это связано, прежде всего, с так называемыми «пределами роста», а именно экологической перегрузкой планеты, что требует смены самой парадигмы прогресса, развития современной технической цивилизации и существующих форм ее отношения с природой.

Кроме того, приходится считаться с опасными тенденциями нравственного вырождения, которое проявляется как в катастрофическом ухудшении моральной статистики, касающейся массового поведения, так и в существенном ухудшении принимаемых современными элитами решений – политических, экономических, административно-управленческих, в результате чего возникает необходимость смены социокультурной парадигмы, формирующей нравственный и поведенческий код современного человечества.

И, наконец, с процессом углубления социального неравенства между странами разного уровня развития. «Сегодня мы стоим перед угрозой раскола человеческого рода на приспособленную культурную расу (золотой миллиард) и неприспособленную, к которой, как оказалось, – писал А.С.Панарин, – принадлежит большинство населения планеты. Этот раскол уже действует и ведет от отношений солидарности и доверия к безжалостному социал-дарвинистскому отбору, войне всех против всех. На такой основе человечество долго не продержится»¹³⁷. Это чревато возможными международными конфликтами, не исключено, что и военного характера. Отсюда закономерно следует вывод о необходимости смены самой парадигмы отношений между Западом и Востоком, Севером и Югом, Морем и Континентом, ведущими и отсталыми странами.

Глобализация в форме вестернизации американского типа опасна и для самих передовых стран. Во-первых, глобализация ведет к универсализации ценности техногенной цивилизации, которая вносила и продолжает вносить основной вклад в разрушение естественных основ существования человечества. В то же время допустимый уровень воздействия на биосферу человек превысил, по оценке, в частности, В.И.Данилова-Данильяна, примерно десятикратно¹³⁸. То есть человечество впервые в своей истории перешагнуло порог самовоспроизводимых возможностей биосферы, которая находится в состоянии кризиса, угрожающего перерасти уже в первые десятилетия нового столетия в общепланетарную экологическую катастрофу.

Во-вторых, глобализация ускоряет темпы общественного развития в одном направлении, способствуя, тем самым, распространению «болезней» западного мира по всей планете. «Новый миропорядок» предполагает переход мирового сообщества к «но-

вой глобальной цивилизации» с единым центром – Америкой, где жизнь будет построена по единым меркам: рыночная экономика, либерально-демократические институты, коммерциализированная культура и т. д. В этом и заключается “глобализация”¹³⁹. Речь идет фактически о распространении в мире евроамериканской модели развития. Вместе с тем очевидно, что модель развития, которую использует десяток западных стран и идея «американского мира», направленная на безудержный рост и максимальное потребление природных ресурсов планеты, полностью исчерпала себя в конце XX в. «Процессы экономического роста, которые порождают беспрецедентный уровень благополучия и мощи богатого меньшинства, ведут одновременно к рискам и дисбалансам, которые в одинаковой мере угрожают и богатым и бедным. Такая модель развития и соответствующий ей характер производства и потребления не являются устойчивым для богатых и не могут быть повторены бедными»¹⁴⁰. Более того, следование по этому пути может привести современную цивилизацию к катастрофе.

В-третьих, в том случае, если остальная часть мира будет вынуждена согласиться на предлагаемую «американскую модель» развития, то это лишь ускорит приближение экологической катастрофы на планете. С китайским подъемом термин «устойчивое развитие» окончательно завершил свое существование, потерпел крах.

Как писал немецкий философ В.Хесле, катастрофа, к которой мировое сообщество медленно приближается, «давно бы уже наступила, если бы жители планеты потребляли столько же энергии, сколько жители развитых стран Запада, а в атмосферу выбрасывалось столько же вредных веществ. Вряд ли кто ныне решится спорить о том, что западные индустриальные общества таким образом далее развиваться не могут. Иначе мы провалимся в бездну»¹⁴¹. Речь идет, по существу, о необходимости значительных изменений в ценностных ориентациях, сфере потребления, стиле жизни не только развитых, но и развивающихся стран, без которых вряд ли будет достигнута мировая стабильность, в том числе между богатыми странами и людьми.

Поскольку ведущим требованием глобальной цивилизации является стабильность – причем любой ценой, постольку в ней особого акцента на материальные блага и потребление ожидать не приходится. Рубеж перенасыщения развитые страны перешагнули

уже давно, поэтому идея «устойчивого развития» подразумевает лишь сохранение статус-кво, т. е. существующего баланса бедных и богатых стран и регионов. В то время как в развитых странах существует высокий уровень потребления, основные потребности другой, гораздо более значительной части населения мира, не удовлетворяются. Развитые страны могут обеспечить высокий уровень потребления жизни своего населения (составляет 20 % от мирового) фактически за счет населения отсталых стран (составляет 80 % от мирового). В результате каждый человек в ведущих странах потребляет в 20–30 раз больше ресурсов планеты, чем житель тех стран, где около 1,5 млрд. человек постоянно страдают от голода. Поэтому вряд ли можно согласиться с утверждением некоторых авторов о том, что за последние десятилетия удалось смягчить противоречия в сфере экологии между развитыми и развивающимися странами.

Продолжающееся в мире несправедливое распределение доходов и богатств обуславливает чрезмерный спрос и нерациональный образ жизни в развитых странах, и нищету в отсталых регионах планеты. Причем с окончанием «холодной войны» наметился резкий поворот политической и теоретической мысли Запада в сторону постановки под вопрос необходимости дальнейшей «модернизации» и перехода в разряд «развитых» тех стран, которые отстали по тем или иным причинам в своем развитии.

Поскольку в условиях нарастания угрозы глобальной экологической катастрофы и роста численности населения на планете трудно надеяться на возможность обеспечения «устойчивого развития» для всех, можно прогнозировать, что в дальнейшем стратификация государств будет все более углубляться. Поэтому прав был Н.Н.Моисеев, когда писал, что если 20–40 лет назад отсталые страны можно было называть «развивающимися», ибо они имели «определенные шансы на развитие и сокращение разрыва с передовыми странами, то теперь отсталые страны “отстали навсегда”, то есть, они навсегда остались отсталыми»¹⁴². Такая опасность существует и для России.

Дальнейшее развитие и прогресс человечества возможны при условии либо резкого снижения потребления, либо численности населения, либо кардинального изменения жизнедеятельности людей. Однако бесперспективно надеяться на то, что в обозримом

будущем передовые страны Запада, и особенно США, сократят темпы потребления, а слаборазвитые страны – прироста населения. В этих условиях провозглашение «устойчивого развития», то есть обещание и в дальнейшем благополучия ныне развитым странам, а всем остальным – реального улучшения жизни, можно оценить как умышленную дезинформацию. Как справедливо отмечает В.Г.Федотова, глобализация все более концентрируется «не на многообразии мира, а на удовлетворении статус-кво в западном мире. Этот путь все более ведет к тому, чтобы отказаться даже от декларации общности судьбы человечества и жить в благополучной части – на Западе»¹⁴³.

Таким образом, в действительности, устойчивое развитие предполагается не для всех, а лишь для избранных народов, принадлежащих к так называемому золотому миллиарду, а устанавливаемый ими новый мировой порядок направлен фактически на еще большую дискриминацию государств, не входящих в его состав. Другими словами, глобализация в ее нынешнем варианте направлена фактически на сохранение статус-кво, т. е. на поддержание существующего баланса бедных и богатых стран в мире.

Глобализация несет особую угрозу для слаборазвитых стран, поскольку проблему выбора за другие народы, независимо от их исторического прошлого, наличия природных ресурсов и интеллектуального потенциала решает рынок, и для каждой отдельно взятой страны, т. к. делает национальную экономику открытой, что объективно ведет к размыванию регулирующих функций национального государства.

Развитые страны (под влиянием США) стремятся глобализировать не только мировую экономику, но и ценностные отношения, не считаясь с унификацией культур, с теми конкретными культурными реалиями, в которых живут народы России, Индии, Китая, Ирана и т. д. А это приводит к игнорированию конкретной ткани социокультурной жизни других народов – их истории, религии, традиции, морали. Как писал А.С.Панарин, «глобальное открытое общество означает беспрепятственный естественный рыночный отбор, при котором не народы сами по себе, а безликий механизм рынка определяет, кому хозяйничать на тех или иных территориях, кто обладает правом иметь собственную обрабатывающую и сопутствующую ей интеллектуально-образовательную инфраструктуру».

туру, а кто не имеет и должен понизить качество своего человеческого фактора до роли мировой услуги или даже вообще сузить объем человеческой массы, ибо рынок ее не терпит»¹⁴⁴. Так рыночные отношения выполняют по сути дела роль дарвиновского естественного отбора, и согласно этой логике в условиях глобализации должны выжить только сильнейшие, т. е. наиболее приспособленные. А часть неприспособленных, неконкурентноспособных народов должна просто уйти с исторической арены, что будет способствовать решению ряда глобальных проблем, с которыми столкнулась современная цивилизация.

Чтобы обеспечить дальнейшее благополучие стран «золотого миллиарда» и продлить существование «общества потребления», архитекторы «нового мирового порядка» призывают бедные страны (являющиеся по существу объектом неокOLONиальной эксплуатации) во имя некоего глобального процветания «отказаться» от «суверенитета» (считая это понятие устаревшим) и права использовать принадлежащие им естественные ресурсы в интересах собственного развития. Для сохранения достигнутого благосостояния и социальной стабильности Запад «вынуждается» на то, чтобы установить «новый мировой порядок».

Фактически «золотой миллиард» во главе с США стремится решить свои социальные, экономические, экологические проблемы не за счет кардинальных изменений своей стратегии в области экономики, социальной сферы и экологии, а за счет стран, оставшихся за бортом так называемой глобальной цивилизации, и в первую очередь, России¹⁴⁵.

Дело в том, что в то время как общественное развитие в ведущих странах идет в направлении всеобщей экологизации, поспешное вступление России в мировую экономическую систему не только предоставило возможность «выкачивать» все ценное из нашей страны, но и породило кризисные процессы в различных областях жизнедеятельности общества, в частности в сфере экологии. В условиях глобализации и нарастания угрозы общепланетарной экологической катастрофы развитые страны, исходя из долговременных стратегических целей, некоторые свои собственные природные ресурсы приберегают для будущего. У нас же иностранным капиталом выкачиваются невозполнимые «кладовые» природных богатств, без учета национальных интересов России.

В результате природные богатства бывшего «советского пространства» становятся новым мощным источником жизнеобеспечения развитых стран. Опасность состоит в том, что в результате недальновидной экологической политики Россия может не только стать периферийным «государством-донором», мировым сырьевым приложением развитых стран, но и потерять некоторые «перспективные» территории, что повлечет за собой утрату нашей страной своего суверенитета и национальной безопасности.

Следует учитывать, что по демографическим прогнозам Россия в результате катастрофической потери населения уже «в первой четверти нового столетия окажется неспособной контролировать свои обширные территории»¹⁴⁶. В то же время хорошо известны претензии Китая на российские территории, которые относятся не к заполярным, а к южным регионам Дальнего Востока и являются наиболее перспективными сельскохозяйственными районами с богатыми природными ресурсами.

В XXI в. особый интерес для стран «золотого миллиарда», и особенно США, представляют неиспользованные до сих пор ресурсы Сибири и Дальнего Востока – уникальные территории, которые являются фактически резервом страны. Надо сказать, что в американской печати многократно публиковались взгляды З.Бжезинского и М.Олбрайт по расчленению современной России, согласно которым «России одной слишком много, например, Сибири. Надо ее оторвать от России, создать там ряд карликовых государств, тогда мол, сибирские республики замкнут пресловутые “клещи вокруг Китая (чтобы он не превратился в могучую державу. – *Авт.*)»¹⁴⁷. Известные отечественные исследователи данной проблемы считают, что в новом столетии в территориальном плане действительно существует реальная опасность ослабления суверенитета России над отдельными территориями Сибири и Дальнего Востока¹⁴⁸. Поэтому в XXI в., несмотря на кардинальные изменения международных отношений, при сохранении существующих кризисных демографических тенденций в России не следует забывать исторический опыт – страна не может сохранить свои территории, если они слабо заселены и не защищены.

Неудивительно, что глобализация как стремление навязать миру западные нормы и образцы и перевести планету на западную систему отсчета вызывает такое серьезное противодействие

во всех странах мира, что проявляет себя, в частности, в движении антиглобалистов. Свободный мировой обмен товарами и услугами наталкивается на культурную автономию и суверенность различных народов и этносов. Речь идет не об органичном, свободном и взаимозаинтересованном сближении партнеров, а о насилии вестернизацией, которая воспринимается как искусственный процесс, в результате стимулируя антиглобализм¹⁴⁹. Поэтому антиглобалисты воспринимают глобализацию лишь как негативное явление, с которым необходимо бороться¹⁵⁰. И эти процессы в мире будут нарастать, угрожая новыми потрясениями и конфликтами в XXI столетии.

Таким образом, для обеспечения дальнейшего прогресса человечества требуется ускоренная выработка экологически обоснованной стратегии социально-экономического и научно-технического развития и разумной концепции потребления современной цивилизации; приспособления нужд человечества к быстро изменяющимся условиям жизни на планете; поддержания целесообразного экологического равновесия и таких параметров окружающей среды, в рамках которых может быть обеспечено существование мирового сообщества, нормальная жизнедеятельность и здоровье людей. А для этого, в свою очередь, необходимы коэволюция общества и природы, всесторонний учет экологической перспективы как в повседневной жизни и поведении людей, так и во всех видах человеческой деятельности – политике, экономике, производстве, науке, образовании и т. д.

Естественно, это предполагает формирование планетарного экологического сознания, а также становление «нового» экологически воспитанного и образованного человека, для «производства» которого требуется создание соответствующих институтов, способных вырабатывать новые ориентиры и нравственные критерии экологически ответственного отношения к окружающему миру, а главное, решать эколого-ориентированные воспитательно-образовательные задачи. То есть, в конечном счете, речь идет об обеспечении тех требований к деятельности людей, которые налагаются экологическим императивом.

Вместе с тем дальнейший прогресс цивилизации может быть достигнут лишь на основе выработки и реализации новой стратегии мира и решения глобальных проблем, опирающейся на идею

взаимозависимости и взаимодействия, на понимание мирового развития как сосуществования в условиях глобализации в рамках жестких экологических ограничений. Человечество вступает в новую эру своей истории, характерным признаком которой является возникновение глобальных проблем в условиях глобализации, которые требуют «перехода от стихийного в основном способа развития человечества к сознательно управляемому на основе правильно понятой людьми необходимости соблюдать законы глобального единства человеческого общежития... Впервые в истории возникла ситуация, когда человечество может сплотиться на такой общей и тем самым предельно демократической основе как обеспечение глобальной безопасности современной цивилизации»¹⁵¹.

Разумеется, во многом это будет зависеть от политической воли и коллективной деятельности мирового сообщества. Как писал Н.Н.Моисеев, «общей целью человечества вне зависимости от социального строя государств, их географического положения, исторических традиций является сохранение стабильности биосферы, ее основных свойств. Существование общих целей может оказаться причиной, которая побудит народы искать приемлемые компромиссы в стратегии своего развития, во взаимоотношениях между народами»¹⁵². В противном случае все другие цели и стремления окажутся просто бессмысленными.

К сожалению, мировое сообщество до сих пор так и не сделало реальных практических шагов по преодолению угрозы общепланетарной климатической и экологической катастрофы, поскольку не готово к усилиям, обеспечивающим переход цивилизации к устойчивости. «Устойчивое развитие подчеркивает то обстоятельство, – пишет В.И.Данилов-Данильян, – что продолжение нынешних тенденций развития несовместимо с выживанием. Императив, который выдвигается этим понятием, должен быть выполнен не для “увеличения количества общего счастья”, а для выживания человечества. Иначе оно будет разрушено...»¹⁵³.

В то же время, перестраивая свою экономику, стремясь перевести «грязные» производства, экологически опасные технологии, опасные отходы и антиэкологичные товары в отсталые страны (а ныне и в Россию), в развитых странах как будто забывают, что человечество – это открытая система, элементы которой влияют друг на друга независимо от их территориальной принадлежности.

Поэтому загрязнение «неразвитых» стран рано или поздно коснется и развитых, а затем и всего остального мира, что, в конечном счете, приведет к общей катастрофе. «К сожалению, в умонастроении определенной части власть имущих слоев преобладает мнение, – отмечает А.И.Муравых, – что сильные мира сего выживут при любых катаклизмах. Это опасное заблуждение объясняется недостаточным пониманием сути современной проблемы экологической безопасности. Необходимо со всей ясностью осознать невозможность организации “спецжизни” для избранных. В лучшем случае можно остаться свидетелем крушения цивилизации с потерей, в итоге, всех благ и привилегий ею даваемых»¹⁵⁴.

Глобальные потрясения и катаклизмы (а в последние десятилетия грозным предупреждением уже являются многочисленные природные и техногенные катастрофы в различных странах мира, в частности, в связи с изменением климата на планете), должны привести к осознанию необходимости коллективных совместных действий по обеспечению дальнейшего прогрессивного развития цивилизации в условиях глобализации в рамках жестких экологических ограничений, пока у человечества еще есть время.

Глава 6. Эколого-политический и эколого-социологический дискурсы

Данная глава посвящена коренному экологическому перелому, который сегодня затрагивает все человечество. Речь идет, как уже было отмечено, о нехватке ресурсов для бурного экономического роста, к которому, помимо Запада, подключился ряд западных – азиатских, латиноамериканских государств, стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай). Рост среднего класса в этих странах, который сегодня превратился в потребительский класс, не может быть обеспечен убывающими ресурсами Земли и негативным влиянием усилившейся нагрузки экономического роста большего числа стран на климат. В связи с этим экологические проблемы тесно сращиваются с политическими, в коллективной рефлексии ученых и общества формируя эколого-политический и эколого-социологический дискурсы. Оба эти дискурса рассмотрены в данной главе.

Новая эпоха

Изменение мирового порядка и мировой политики в связи с возрастанием проблемы ресурсов, энергии и изменения климата характеризуется сегодня как новая эпоха. Обсуждавшаяся прежде роль ресурсов в изменении мирового порядка и мировой политики сегодня *изменяет свою направленность в связи с подключением к высокому экономическому росту и новым, в перспективе ориентированным на уровень Запада, стандартам потребления многих незападных стран.* Доминирование проблем энергии и изменения климата затрагивает весь мир, все человечество. Чрезвычайно актуальным становится проблема выхода из тупика на уровне мировой политики

Геополитика и ее измерение тесно связывались с нехваткой традиционных природных ресурсов. До недавнего времени основное внимание привлекали конфликты по поводу натурального сырья – нефти, газа, минералов, полезных ископаемых, пресной воды. Уже давно обсуждается проблема убывания ресурсов – нефти, газа, меди, цинка, пресной воды. По оценкам специалистов, в том числе экспертов ООН, запасы нефти могут быть исчерпаны в течение 40–70 лет, медь может закончиться через 14 лет, цинк – через 8. Говорят, что если китайцы решат дать каждому гражданину своей страны по автомобилю (а сейчас они планируют произвести 10 млн. автомобилей, 40 % которых пойдет на экспорт), то потребление нефти увеличится в мире на 40 %. Индия также выдвинула амбициозный план создания 3 млн. автомобилей, что непредвиденно увеличит расход нефти. Убывающим источником является питьевая вода. Не только Африка, но Германия уже сейчас испытывает большую нехватку пресной воды. Таяние айсбергов сократило количество пресной воды в мире на 10 %. Тяжелее всего обстоит дело с питьевой водой в африканских государствах южнее Сахары. Нехватку чистой воды испытывают 65 государств планеты. Наиболее трагично положение Китая и Индии. Из десяти самых полноводных рек мира существуют уже такие, вода которых едва добегают до океана.

Эти проблемы, еще вчера казавшиеся катастрофическими, сегодня не являются самыми страшными. Так, бурение нефти на глубину до 200 м, возможное технически, дает шанс найти нетрону-

тые месторождения. Это позволит, возможно, сохранить прежний геополитический подход к нефтедобывающим странам и странам-потребителям нефти. Появились надежды на замещение других уменьшающихся ресурсов искусственными. В отношении воды строятся проекты опреснения океанской воды.

Однако возникли новые проблемы, прежде всего – нехватки энергии и изменения климата, которые рождают новый экологополитический и эколого-социологический дискурсы и меняют перспективы формирования нового мирового порядка. Как уже отмечено выше, *произошло усложнение проблемы в связи с активной потребностью в ресурсах новых стран индустриального развития в Азии, Латинской Америке и посткоммунистическом мире. Это поднимает проблему убывания ресурсов до уровня угрозы человечеству.* Речь идет уже не только об убывании ресурсов и конкуренции в сфере обеспечения ресурсами, которое усилилось активной устремленностью не только западных, но и незападных стран к экономическому процветанию. Некоторые исследователи говорят о начале *новой эры – «эры энергии и климата».* Так, Т.Фридман предлагает ввести в мировоззрение и поведение людей новый «зеленый код», который заставил бы взглянуть на все человеческие проекты с учетом не только защиты природы с позиций «зеленого» движения, но обозначить этим именем те необходимые изменения в человеческом поведении и мотивациях, которые остановят общечеловеческие угрозы новой эры в нехватке энергии и в изменениях климата. «Зеленый код» – это все то, что позволит сберечь природу посредством изменения общества и человека.

Угрозы и вызовы человечеству в целом требуют глобальных решений, которые не исчерпываются необходимостью опреснения соленой воды, использования всех видов энергии, использованием машина, работающих не на бензине, а на электроэнергии, переходом к неживотным видам мяса, уменьшением производства оружия и усилением защиты окружающей среды и здоровья. Авторы в подготовленном трем авторами докладе ООН выделяют пятнадцать глобальных вызовов: необходимость устойчивого развития, направленного на недопущение изменения климата; потребность в бесконфликтном обеспечении каждого чистой водой; нужда в балансе роста населения и обеспечения его необходимыми ресурсами; задача поддержания преобладания демократии над авто-

ритарными режимами; необходимость увеличения чувствительности тех, кто принимает политические решения, к глобальным долговременным перспективам; задача глобальной конвергенции информации и коммуникационных технологий, обеспечивающих каждого; этические аспекты рыночной экономики, помогающие уменьшить различия между богатыми и бедными; необходимость уменьшения новых и заново появившихся заболеваний и опасных микроорганизмов; нахождение возможности для принятия лучших решений ввиду изменения природы труда и институтов; опора на ценности и новые стратегии безопасности, уменьшающие этнические конфликты, терроризм и оружие массового уничтожения; нужда в изменении положения женщин и улучшении условий существования людей; подавление транснациональной криминальной сети для создания более успешного и разумного глобального предпринимательства; потребность в наиболее безопасном и эффективном обеспечении требуемого объема энергии; задача поставить науку и технологии на службу улучшению условий существования человека; потребность укоренить этические соображения в глобальные решения¹⁵⁵.

Выделяя эколого-политический и социолого-политический дискурсы, мы пытаемся расчленить весь этот гигантский объем проблем по сферам ответственности ученых и общественности в разных областях познания и практики.

Эколого-политический дискурс

Связь экологии и политики в настоящее время обнаруживается совершенно очевидным образом. Термин «дискурс», который здесь применен, отвечает своему определению: широкому обсуждению проблемы не только учеными, но и общественностью, ее важностью для каждого человека и человечества, дискурс как форма коммуникации, обеспечивающая коллективную рефлексию.

Д.В.Ефременко выделил четыре типа экологополитических дискурсов: алармистский (1960-е – середина 1980-х гг.); мегадискурс устойчивого развития; исследование климата и международная климатическая политика; модель глобального политического управления. Он показывал, что с начала 1960-х гг. экологические

проблемы (заметим, поначалу казавшиеся даже надуманными) принимают остроту, выходя за пределы защиты природы и охватывая взаимодействие социальных и природных систем. Экологическая проблематика становится областью политической деятельности – экологической политики, отражающей на разных этапах основные угрозы. Нарастание этих угроз, по его мнению, ведет к формированию новой научной дисциплины – экологополитологии, становящейся все более признанной и институционализирующейся не только через организацию исследовательских коллективов, но и посредством превращения в университетскую дисциплину, которая преподается в ряде университетов мира¹⁵⁶.

Однако степень вовлеченности экологических проблем «большую политику» при обсуждении «пределов роста», породившем алармистский пафос, или при выдвигании концепции устойчивого развития, оказавшейся на деле эвфемизмом, который не допускал «пролиферации» развития с Запада на западные страны, была небольшой. Тревоги по поводу возможных климатических изменений и необходимости глобальных экологических решений еще не возникало. Теперь же проблемы экологии относятся не только и не столько к экологической политике, сколько входят в сферу геополитики, международных отношений.

Невосполнимость ресурсов Земли, их недостаточность для всех стран и народов мира привели к разработке экологополитического дискурса, который позволил бы обсудить проблемы мировой политики в связи с нехваткой ресурсов, энергии и изменением климата, *вызванных нынешним подключением к высокому экономическому росту западных стран, наступлением «новой эры энергии и климата»*¹⁵⁷. Проблема энергии сегодня становится очень острой. Уже сейчас вид с самолета показывает разительный контраст между освещенной и неосвещенной частью Земли. Африка выглядит черной в ночное время, Сибирь прорезается светом отдельных участков, но мало освещена. Запад, европейские страны, европейская часть России, некоторые части Китая светятся в темноте.

Новая эра порождает и новые дискурсы, связанные с теми изменениями, которые произошли. Среди них – соперничество западного мира с западным по поводу ресурсов и возможностей развития, образование новых союзов и блоков, возможная борьба за ресурсы и среди союзников, стремление к новому мировому порядку.

Американское разведывательное сообщество, предоставляя к выборам нового президента Барака Обамы прогнозы на будущее до 2025 г. и анализ текущей ситуации, предлагает четыре последовательно сменяющих друг друга сценария.

Первый из них «Мир без Запада»¹⁵⁸ характеризует подъем новых индустриальных стран (БРИК или союза азиатских стран), которые выступают решительным конкурентом всем западным институтам (типа НАТО), основанным на союзе Северной Америки и Западной Европы. Оканчивается пятисотлетнее господство Запада, миру предлагается новый лидер. Аналитики в Вашингтоне прибегают к следующему «полухудожественному» приему: выдуманной выдержке из письма главы ШОС (Шанхайской организации сотрудничества) генеральному секретарю НАТО, датированному 15-м июня 2015 г. В письме признается, что 15–20 лет назад поставить знак равенства между Организацией Североатлантического союза и Шанхайской организацией сотрудничества было невозможно. А в наступившие дни ШОС даже несколько более важная организация, чем НАТО.

Однако именно проблема нарастания экологических проблем обрывает это развитие. В *глобальном сценарии II «Октябрьские сюрпризы»* описывается, что период перехода к новому типу развития придется на следующие 15–20 лет¹⁵⁹. В данном сценарии сообщается об изменении климата. Оно сопровождается уменьшением объемов питьевой воды, сокращением доступной населению пищи. Это вызывает кризис глобального масштаба. Данный сценарий реализуется при условии, что нации имеют менталитет – «экономический рост любой ценой», что ведет к игнорированию проблем безопасности окружающей среды и деградации. Правительства теряют свою легитимность ввиду неэффективности своих методов борьбы с экологическими катастрофами. Несмотря на значительный технологический прогресс, не найдено средств контроля за эффектом изменения климата. Сугубо национальные решения экологических проблем краткосрочны и неадекватны. Сценарий представляет воображаемую выдержку из дневника американского президента от 1 октября 2020 г: «Очередная сессия Генеральной Ассамблеи ООН совпала с невиданным наводнением на Манхэттене. Я думаю, что проблема заключается в том, что мы не верили в то, что подобное может

случиться. Ученые полагали, что эффект изменения климата будет ощутим только в конце века, а он показал свою силу вчерашней ночью. Должен сказать, что нам советовали рассредоточить источники энергии... Трагическим образом мы фактически игнорировали эти предупреждения. К сожалению, мы думали прежде всего об экономическом росте. Но волна залила Уолл-стрит, нарушая работу Фондовой биржи Нью-Йорка. Проблема в глобализации. Мы слишком увлеклись взаимным ростом и забыли о своем воздействии на планету... Мы обсуждали все эти проблемы на сессии организации G-14 и стали приходить к общему мнению. Но сочетание природных несчастий, необходимых восстановительных работ, таяние вечной мерзлоты, низких сельскохозяйственных урожаев, растущих проблем со здоровьем населения и тому подобного создает ужасную повестку дня, худшую, чем мы предполагали видеть 20 лет назад»¹⁶⁰.

В результате этого возникает *глобальный сценарий III: «БРИК подорван»*. Вместо прежнего сценария объединения БРИК ради многополярного мира и конкуренции его с Западом, возникающего при этом сближения Индии и Китая, начинается их внутренняя борьба за ресурсы. «Борьба за ресурсы по мере приближения к 2025 г. становится причиной ухудшения международных отношений. Чувство зависимости погружает в конфликт по мере уменьшения числа стран-источников сырья. В мире появляется все больше барьеров на пути торговли, и это тоже грозит международными конфликтами»¹⁶¹. Длительный период роста начинает ослабевать по мере уменьшения потока экспортной энергии. Растут националистические чувства на основе соперничества по поводу ресурсов и энергии. Создается система баланса сил, напоминающая мир до 1914 г.

В итоге возникает *глобальный сценарий IV «Политика не всегда имеет локальный характер»*. В нем говорится: «Растущая общественная обеспокоенность относительно экологической деградации из-за неспособного объединить данную нацию правительства придает силу созданным политическими активистами сетям, которые начинают бороться за контроль над решением главных вопросов в национальных столицах. Технология глобальных коммуникаций, делающая бессмысленными национальные границы, позволяет даже отдельным индивидуумам непосредственно воз-

главить группы заинтересованных лиц. Защита окружающей среды становится проблемой, в решении которой объединяются самые разные интересы»¹⁶².

Данный прогноз является типичным примером современного эколого-политического дискурса, который ставит вопрос о практической политике, направленной на предотвращение развития указанных сценариев. Но подобная политика не может полагаться на имеющуюся ситуацию без ценностного переосмысления многих вопросов в эколого-социологическом дискурсе.

Эколого-социологический дискурс

Одной из проблем экологосоциологического дискурса становится проблема среднего класса, на который недавно возлагались самые большие надежды и как на основу статус-кво, и как на опору демократии, и как на символ созидательной энергии.

Действительно, главным социальным результатом быстрого развития и экономического роста во многих странах нового капитализма в Азии, в Индии, в России, в Латинской Америке, а также в странах хозяйственной демократии, сохранивших социалистические политические установки – в Китае и Вьетнаме стало возникновение среднего класса. Еще в 2001 г., когда нынешние тенденции еще не проявились в полной мере, Л.А.Беляева выдвинула очень важный тезис о том, что средний класс выступает как «социальный феномен современных обществ»¹⁶³ и также, добавим, тех обществ, которые пытаются стать современными, т. е. модернизированными или модернизирующимися обществ. Сегодня после завершения первой и второй современности стартует третья, характеризующаяся тем, что наступило новое Новое время для незападных стран, которые либо разовьют сценарий незападной современности, либо рано или поздно пойдут по стопам Запада, становящегося в результате этой трансформации незападных стран одним из регионов новой современности¹⁶⁴.

Хотя размер и характеристики среднего класса в различных странах отличаются друг от друга, средний класс любой страны представлялся, как мы уже отметили, опорой демократии, источником доходов государства, социальной стабильности, ибо этому классу есть что терять.

В многолетнем исследовании, проведенном журналом «Эксперт», средний класс характеризовался как социальный слой, обладающий энергией, волей, дисциплиной. Он и был таким. Но в условиях новых капитализмов и хозяйственных демократий средний класс быстро превращался в класс-потребитель, который хотел бы все новых и новых благ, недоступных ему прежде, равнялся бы как в России, так и в других странах мира на американский потребительский стандарт. Средний класс Китая, Индии и других стран быстрого экономического роста сделался опасным своими потребительскими интенциями, которые и создали чрезвычайную нагрузку на природу и в перспективе все более очевидную неспособность убывающих ресурсов Земли удовлетворить потребности растущего мирового среднего класса, слагаемого из средних классов национальных государств. Перенапряжение природы и стало причиной экологических катастроф и климатических изменений, описанных в вышеприведенных сценариях.

Концепция устойчивого развития, призывавшая к разумным и соотнесенным с задачами экологии темпам развития, на деле оказалась, как мы уже отметили, эвфемизмом неразвития для незападных стран, который они больше не приемлют, стремлением сохранить привилегированные условия для развития Запада. Как отмечает Т.Фридман, потребовать устойчивого развития значит предложить незападным странам оставаться бедными, как и прежде¹⁶⁵. Хотя эти страны были раньше бедными, окружающая среда деградировала от сверхпроизводства и сверхэксплуатации ресурсов развитыми странами, в том числе и от их хозяйственной активности в бедных странах как в период колониализма, так и после него.

Фридман говорит, что «надо переопределить жизненные стили среднего класса»¹⁶⁶. Самое трудное – ответить на вопрос, как это сделать. Литература полна предложениями перейти к разумному потреблению и изменить человека. Но как сделать это?

Общества потребления на Западе возникли в 50-е гг. XX в. Благодаря этому переходу капитализмом была решена задача, куда деть часть работающих на производстве людей, чья квалификация перестала представлять интерес в связи с высоким уровнем развития техники. Общество потребления предоставило этим людям возможность делать для производства свои интересы к потреблению больше, чем они могли бы будучи работниками само-

го производства. Совсем не просто ответить на вопрос, была ли в этом процессе сознательная проектная функция, ориентирующая на создание общества потребления или оно возникло вследствие саморазвития капитализма. В любом случае, сегодняшние процессы должны быть направлены социально-конструктивно или повернуты естественно-исторически в связи с множеством экологических проблем к отказу от общества потребления. Одна из альтернатив намечается в полемике Ж. Бодрийяра с Д.К.Гэлбрейтом. По мнению Бодрийяра, общества потребления закрепляют неравенства: сегодня афроамериканка из Бронкса может купить шубу, как у кинодивы, но от этого они не становятся равными или имеющим равные возможности¹⁶⁷. Бодрийяр не приемлет термина Гэлбрайта об обществе изобилия, имеющего эгалитарные функции. По мнению Бодрийяра, идеалисты благосостояния, в частности, Гэлбрейт считают бедность остаточной, преодолеваемой по мере роста экономики. Но Гэлбрейт был крупным деятелем техноструктур, связанных с организованным капитализмом, где преодоление остаточной бедности как второстепенного следствия экономического роста могло осуществиться и во многом осуществлялось политикой государства, социал-демократическими мерами. Сегодня это не возникнет естественно-исторически вследствие самоорганизации капитализма, как бы ни велики были риски, и, скорее всего, может быть разработано как основа нового проекта. Главными его чертами могли бы стать отказ от признания экономического роста в качестве главного показателя прогресса, невозможность делать экономический рост единственным критерием прогресса. Решение социальных проблем, сохранность природы, здоровье населения, воспитание детей, состояние молодежи, образование, благосостояние могли бы стать в этом проекте факторами, не уступающими экономическому росту.

«Другой человек» мог явиться следствием реализации социальной технологии в этом направлении. «Другие механизмы» связаны с социальными движениями, ориентированными на утверждение этических или религиозных ценностей. Духовные революции были одним из движущих сил социальных изменений, трудовой этики, этического кода и религиозного благочестия в истории капитализма. Реконвенциализации ценностей, разрушенных кризисом, также должен соответствовать механизм становления новых ценностей.

Фридман считает, что народам стоит ориентироваться на более традиционные стандарты потребления, не подражать американскому стандарту. Но и американцам следует уменьшить потребление, изменить его стиль. Возможно, какие-то образцы потребления в условиях экономического роста могут стать примерами. Так, Япония не перешла к консьюмеристскому обществу, сохраняет традиционное отношение к потреблению.

Однако прогнозы сегодня преждевременны, ибо сами события, описываемые в эколого-политических и эколого-социологических дискурсах, еще не сформировались и являются во многом результатами неблагоприятных прогнозов. Однако социальная теория и социальная практика не имеют сегодня задач более важных, чем познание и деятельность в области экологополитологии и экологосоциологии.

Глава 7. Прогресс в контексте реальных глобальных трансформаций

Дискуссии о прогрессе в настоящее время могут быть весьма заметным событием научной и общественной жизни, характеризующим едва ли ни первую растерянность перед переменами глобального масштаба, которая останавливает познавательную самоуверенность¹⁶⁸. Прогресс в этом контексте становится не вполне ясным процессом, не способным быть воспринятым ни как проект, ни как объективный ход истории.

Нам хотелось включиться в дискуссию на абстрактном теоретическом уровне, но поездки в Китай, попытка осмыслить китайское развитие несколько изменили намерения, ибо мир изменился и не может быть воспринят сквозь прежние теоретические конструкции.

Классическая концепция прогресса и реальность «реакционного прогрессизма»

К старым конструкциям относится концепция прогресса, возникшая на Западе и для понимания Запада и впоследствии незападных стран, готовых принять западный тип рациональности и

догоняющего развития. Возникает множество вопросов: выдающиеся философы Запада называли разум, сопутствующее ему политическое устройство и прогрессивное развитие универсальным, сознавая, вместе с тем, их локальность и невозможность быть распространёнными на все другие народы. Значило ли это, что Запад все-таки стремился к такому распространению идеи прогресса? Был ли концепт человечества, характерный, например, для О.Конта и вся подобная социотеология частью метафизики прогресса или Запад просто считал свой путь наивысшим и потому предназначенным в качестве идеального образца для всего человечества и только потому универсальным?

В весьма заметной дискуссии журнала «Космополис» 2005–2006 гг., зачинателе пересмотра самого концепта «прогресс», представлены разные ответы на этот вопрос. К.Маркс признавал цивилизующую миссию капитализма, указывая, что он способствует прогрессу в других частях мира. По мнению А.Фурсова, изложенному в его работе «Колокола истории», мировая система капитализма оказалась наиболее устойчивой в сравнении с социалистической, т. к. она не требует с обязательностью адекватной субстанции для реализации функций капитала¹⁶⁹. Заметим, не требует теперь, в условиях глобализации. Иными словами, западный капитализм сформировал свое твердое ядро (на Западе) и при глобальном капитализме обрел готовность приспособить и структуры, в которых нет основ капитализма, приспособить любые общества для подключения к капиталистической экономике. Именно поэтому, на наш взгляд, *догоняющая модель развития нигде не производит капитализмов западного образца, который с научной точки зрения представляет собой нормативную утопию. Капитализм как мировая система озабочен всемирным функционированием капитала, а не осуществлением задач догоняющей модернизации или прогресса.* Когда в посткоммунистический период многие в России удивлялись, что при номинальном провозглашении догоняющей модели, идут противоположно направленные процессы, и Запад присоединяется к упрощению нашей реальности до противостояния коммунистов и демократов, не было понято, что Запад интересуется только функцией капитала, но вовсе не тем, чтобы выращивать в России его субстанцию. Остатки Филадельфийской системы – прзелитического экспорта демократии работали только

на словах. Охватив целый посткоммунистический регион, капитализм в нем, тем не менее, оказался основан целиком на локальных традициях и создал множество «диких», «криминальных» и квазикапиталистических форм «субстанции». Поэтому удовлетворенные функцией капитала, т. е. нажившиеся в России 1990-х, не могут понять тех, кто испытывает несогласие с разложившейся тканью российской социальной «субстанции». Никто не озаботился на Западе всерьез перспективами российской демократии, а всячески критикуемый недемократический Китай оказался в самом выгодном экономическом положении из-за стабильности, создающей гарантии функциям капитала. В этом – не «заговор» Запада, а условия его собственного существования, которые в дальней перспективе могут стать опасными для него самого. *Глобализация ослабила цивилизующую миссию капитала, его ответственность за создание цивилизованной социальной субстанции капиталистических обществ всего мира и осуществления прогресса в них.* Но Россия могла построить у себя демократическое общество, если бы смотрела на это как на собственную задачу, требующую адекватного решения. Положившись словесно на западную (неолиберальную модель), мы построили автохтонный (местный) капитализм, в котором демодернизация прежних этапов развития реанимировала наиболее архаичные пласты сознания из-за неадекватности избранной модели культуре народа и усилий немедленной рекультивации. *Российская культура переварила западный капитализм и произвела его отличную от Запада несовершенную форму.*

А.И.Фурсов в дискуссии журнала «Космополис» называет прогресс величайшей фальсификацией, которая позволила Западу эпохи модерна, датированной непривычно точно и однозначно (1789–1991), превратить его в идеологическую дубинку разрушения традиции и производства драматических социальных изменений, особой игры со временем, где настоящее проектируется в будущее и забывает о прошлом, делает будущее необратимым и не знает вечности. Прогресс, повторим, – это секуляризованная христианская «хронолинейка». И идея прогресса есть ядро капитализма. Это – фикция проекта модерна, творившая реальный мир, который сегодня более не существует, – заключает Фурсов. – Это – обман. Но, повторим, это – фикция только с определенного времени. Описывая поражение Запада после его «окончательной

победы», отрицая тождество прогресса и капитализма, Фурсов не отказывается от самой идеи прогресса, он считает, что сегодня поднимут голос жертвы прогресса, низы истории, которых прогресс обходил или унижал. Фурсов считает прогресс проектом, не удовлетворен им и думает, что за него есть ответственные. Но прогресс – не проект, а ход истории, при котором лидеры прогресса меняются. В чем радикально-левая стратегия отрицания прогресса низами? Чья она? Радикально-левая стратегия, несомненно, ослабит Запад вместе с его лучшими и худшими чертами, но может привести в историю варваров. Использует ли Запад свой последний шанс?¹⁷⁰ Автор книги, на которую здесь дана ссылка, показывает, как через Интернет радикальный ислам захватывает Западную Европу, как политический конфликт, связанный с терроризмом, разрастается до цивилизационного, оставляя Западу последний шанс – объединиться в утверждении своего мировоззрения, своего видения истории и своего представления о прогрессе. Порядок, на наш взгляд, именно таков: самая радикальная оппозиция низов прогрессу – это терроризм. У терроризма есть *цивилизационные предпосылки, но терроризм – явление политическое*, в целом отвечающее сути политического по К.Шмитту («кто друг, кто враг») и конкретно связанное с требованиями сецессии (в России) либо с требованием ликвидировать проамериканские режимы в Саудовской Аравии, Пакистане и Египте. В Европе требования террористов – противопоставить западной судебной системе шариат как наивысшую форму судопроизводства. *Вопрос о прогрессе помещается в контекст столкновения цивилизаций, но из политического конфликт с террористами силой своей неразрешимости переходит в цивилизационный.* Здесь нет места нравственным аспектам. Цивилизации опекают свою нравственность. Если бы люди были совершенно нравственны, наилучшей формой существования стал бы анархизм. Но они не таковы. Только прогресс для человечества в целом мог имманентно включать возможность нравственной общности. И Запад сегодня вправе вспомнить о своей концепции прогресса, призывая к политическому единству США и Западной Европы. И вот в данный момент Западная Европа целиком может становиться готовой, как готова Америка, к тому, чтобы превратить идею прогресса в дубинку. Однако Фурсов закричал «волк» еще до того, как волк появился, приписывая идее

прогресса в западном понимании всегдашние эгоистические намерения вместо того, чтобы увидеть просто его высокую цену. Речь теперь идет о том, что происходит или может случиться *сегодня*. Сегодня же существует угроза западной идее прогресса со стороны радикальных исламских группировок, имеющих свой некапиталистический вариант глобализации как форму системной оппозиции. Но, соглашаясь с идеей обделенности исламских стран прогрессом, особенно в форме всемирной победы либерализма – глобализацией, нельзя не увидеть еще большей угрозы человечеству со стороны террористических группировок, чем несла идея прогресса, если даже согласиться со столь односторонней трактовкой прогресса как формой и идеологией западной колонизации.

Запутанная диалектика прогресса-регресса, цены прогресса еще более запутывается в неспособности России противостоять сецессии сепаратистов, неспособности Америки навязать проамериканский режим в Ираке (Америка, в отличие от Европы, имеет силу – молоток, как сказал однажды неоконсерватор Р.Кейган, и привыкла действовать молотком) и неспособности Западной Европы справиться с угрозой из-за мягкости мультикультурализма и политической корректности. Ни один из способов ответа не является альтернативой предложенному Фурсовым «реакционному прогрессизму», который стал не просто абстракцией, но реальностью. Реальность эта может быть истолкована как имеющая основание в требовании справедливости, но никак не подтверждает себя в качестве прогрессизма. Радикальный ислам, правда, имеет свои основания заявить о нем: ислам – самая молодая мировая религия, возникшая позже других и вобравшая в себя, как утверждают его представители, все лучшее из других.

Итак, мы видим движение обиженных низов в форме террористических акций исламских радикалов, которое несет «реакционный прогресс» в форме худшей несправедливости (поскольку направлен против населения), чем мог бы, судя по философским рассуждениям Гейдара Джемалья, и худшей, чем несправедливый прогресс Запада. Фурсов писал в «Колоколах истории», что избавлением от коммунизма Запад погубил себя. Полноценность жизни цивилизаций самих по себе и внутри себя, несомненно, присутствует. *И мысль И.Валлерстайна, что капитализм не прогрессивнее предшествующих исторических систем, была бы верной, если бы у иных истори-*

*ческих систем всегда была идея прогресса. И все же его мысль верна в том отношении, что цивилизациям, в отличие от обществ другого типа, не ставших субъектами всемирной истории, присуща полнота жизни и сознание решенности многих вопросов, которые впоследствии оказались нерешенными или вообще не имеющими решения, в том числе вопросов о достоинстве, целях, свободе, отношениях полов, отношениях поколений, о сакральном, о жизни, о смерти. Но западное понимание прогресса, по справедливому определению Б.Г.Капустина, высказанному в той же дискуссии «Космополиса», воплощено «в некотором разумном политическом устройстве – всегда будет означать наличие неразумного как тех, кто остается за рамками данного устройства или присутствует в нем в роли неполноценных». *Непризнание другого разума подрывает концепцию диалога, а признание делает диалог мало возможным. В этом суть противостояния цивилизаций и их культурного упорства, которое поддерживает это противостояние.**

Соглашусь с Капустиним, что низы истории потому и низы ее, что они лишены благ прогресса и символического капитала, и это не позволяет им выдвинуть общепривлекательную идеологию, коей была выработанная Западом идея прогресса. Низы не имеют такой идеологии, но они получают ее от своего противника, выдвигая, как определяет Фурсов, «реакционный прогрессизм». Соглашусь и с тем, что «реакционный прогрессизм», требование прогресса для себя со стороны низов, по Фурсову, содержит идею раздела благ, но не имеет интенций свободы. Однако *невозможна левая теория, не имеющая идей свободы, как невозможна и правая теория (либерализм), не озабоченная, помимо свободы, идеей блага. Этот старый спор о благе и свободе лежит в разных плоскостях: бедный хочет благ, богатый – свободы, но теоретик должен хотеть того и другого.* В конечном итоге, того и другого должно хотеть общество. Однако свобода для Капустина – то же, что благо для Фурсова. Можно допустить недоедание, если ты свободен, можно не допустить свободы, если ты сыт.

В отношении спора о том, фикция ли прогресс или бытие, мы склоняемся к тому, что *это бытие западного типа развития, предложенное, но не полученное остальными. Для теоретика же – это идеология, конструирующая социальную реальность согласно наличию потенциалов для ее осуществления.*

Антиисторизм критики прогресса состоит в том, что пятисотлетняя история Запада была историей прогресса как самого Запада, так и последовавших за ним незападных стран. Несовпадение целей и результатов прогресса было давно замечено и вскрыто. Его причины – либо в возможном отсутствии потенций для прогресса, либо в невозможности или нежелании их использовать при отсутствии подобной модели развития, а также *в невозможности онтологизировать теорию, требовать от нее безусловного и повсеместного воплощения*. Регулятивные функции теории прогресса осуществлялись успешно там, где были предпосылки или где была проявлена способность реформаторов сделать прогрессивные шаги даже в неподходящих для этого условиях.

Презентизм отношения к классической теории прогресса и модернизационным теориям состоит в том, что сегодня их готовы критиковать все, тогда как в 1990-е на них сделали ставку элиты всех посткоммунистических стран, и своевременная критика с негодованием отвергалась как «враждебная реформам». Ведь революционаристская формула «никого не дано» овладела политическим классом и на первых порах и массой.

Появившиеся сегодня постэволюционистские и постпрогрессистские теории реагируют на опыт неудачного применения идей прогресса, классической модернизационной теории в случаях постколониального и посткоммунистического развития. Теоретические изменения в видении развития состоят в признании его нелинейности и негарантированности, наличии разных путей в связи с появлением нового мегатренда – глобализации, которая перевела прогресс, модернизацию на локальный уровень и лишила их единого образца. Поэтому мы можем констатировать, что изменившиеся обстоятельства привели классическую теорию прогресса к кризису.

Но альтернатива «реакционному прогрессизму», представленная радикальным исламским сопротивлением, иллюстрирует антицивилизационный характер сопротивления «исторических низов» прогрессу. Только низы, имеющие символический капитал и универсалистский потенциал, способные осуществить духовную революцию, взаимоприемлемые ценностные изменения для Востока и Запада, могли бы быть охарактеризованы с позитивной

коннотацией. Но пока мы знаем только одну системную оппозицию западному пониманию прогресса, направленную на его отрицание, – радикальный ислам.

Третий участник дискуссии А.Магун показывает другие варианты «реакционного прогрессизма» как левого сопротивления Западу. Здесь используются такие методы, как игра на кризисе прогресса и создание революционных возможностей и диктатур; демократически-диктаторских лакун, противостоящих гомогенизации империи-капитализма; строительство фронта сопротивления англосаксонскому варианту глобализации на базе Европейского Союза. По поводу последнего вспоминается разговор о том, что «Чемберлену палец в рот не клади». А захочет ли Чемберлен, чтобы ему его туда положили? Остальное – революционная нелепость, как ни эмоционально захватывающими были бы революционные цели. Мы предпочли бы мягкий социал-демократический вариант типа налога Дж. Тобина на финансовые потоки. В отношении же подобного налога некоторые исследователи имеют большие надежды – использовать их как фонд развития стран третьего мира. Но Тобин – лауреат Нобелевской премии, и это уже, конечно, не «реакционный прогрессизм», не прогрессизм обиженных низов.

Прогресс в свете опыта Китая и других новых индустриальных стран

Новые повороты в понимании прогресса обнаруживает Китай, и мы их сформулируем ниже, пытаясь высказать свою позицию о сути прогресса сегодня. Трудно согласиться полностью с телеологией прогрессизма, образец которой приведен Б.Капустиним со ссылкой на Гегеля: «...ближайшим определением, относящимся к изменению, является то, что изменение, которое есть гибель, есть в то же время возникновение новой жизни». Исторический оптимизм этого взгляда давно стал историей. Новая жизнь может начаться не для нас, без нас или вообще не начаться. И все же иногда происходит именно так.

А.Фурсов, который, насколько нам известно, специализировался по проблемам Китая, о Китае и Индии пишет, что жители этих стран воспринимают ход событий циклически как вечное из-

менение в сторону ухудшения, считая золотой век оставшимся позади. Однако коренная перемена мировоззрения и сути развития наблюдается в сегодняшнем Китае. Могут сказать, что временно. На это ответим мнением специалистов. В американских документах, в частности, в рассекреченном докладе Национального разведывательного совета США «Мир-2020» отмечается безусловный рост Китая и его растущая конкурентоспособность с Америкой на прогнозируемый период. Здесь утверждается: «Китай, Индия, а возможно Бразилия и Индонезия способны в будущем упразднить такие категории, как Запад и Восток, Север и Юг, присоединившиеся и не присоединившиеся, развитые и развивающиеся страны»¹⁷¹. Далее, правда, следует дополнение, что мир может столкнуться с пандемией. Население Китая – официально 1 миллиард триста миллионов человек, а фактически, по мнению многих специалистов, более полутора миллиардов. Подъем Китая и численность его населения актуализируют мальтузианские идеи. Высказываются мысли о грядущем коллапсе Китая, все более сменяющиеся размышлениями о проблемах Китая¹⁷².

Китайский опыт многими и сейчас ставится под сомнение, ему пророчится конечный провал. Он истолковывается как опасный для мира: если китайцы сохранят имеющиеся у них темпы развития (более 9,8 % роста ВВП в год, средняя цифра с 1978 г.), то убывающие природные ресурсы мира исчезнут гораздо быстрее. Действительно, следует признать, что с китайским подъемом завершился свое существование термин «устойчивое развитие» в качестве эвфемизма неразвития для незападных стран, не затрагивающего темпов роста стран западных. Вскоре придется договариваться или воевать.

В Китае идут быстрые реформы, наблюдается огромный рост экономики и улучшение благосостояния более медленными темпами, осуществляется коммунистическое руководство страной, и легко предположить, что Китай осваивает среди прочего и опыт СССР, сохранись который, его развитие по китайской модели было бы реальностью. Если есть страна, которая похожа на СССР, то это Китай, имея в виду преобладание в нем общественных целей над частными, господство КПК, высокие темпы роста, но отставание уровня жизни людей от общенациональных успехов, а так же идеологию развития, стремление к лидерству. Китай часто подвергает-

ся критике за политическую систему¹⁷³. Критика нередко связана с неадекватным сравнением типа лидерства в Китае и на Западе, с априорным представлением об отсталости первого, скептицизмом в отношении китайских политиков. Критикуется, например, их «мудрость». Однако Китай избежал десятилетий конфронтаций, когда официально на партийном уровне давал ответы на ряд вопросов, например: «Кто такой Мао Дзэдун?» – «Мао Дзэдун тоже человек», «Как относиться к учению Мао Дзэдуна?» – «Всякое учение развивается, учение Мао Дзэдуна тоже», «Что делать с предприятиями, в отношении акционирования которых имеются трудности?» – «Подождать, пока станет возможным их акционирование», «Как относиться к распаду коммунизма в СССР?» – «Как к внутреннему делу России». Западные исследователи часто не могут принять китайское чиновничество, которое не похоже на западную бюрократию, отождествляемую с выполняемым ею сервисом. Китайская бюрократия ориентирована не на технику обслуживания, а на цели развития страны в целом, она стремится сделать Китай хорошим или даже лучшим местом для жизни. Но именно эта позиция чиновничества приводит к успеху, а отсутствие таковой у российской вовлеченной в сервис бюрократии, не дает осуществить реформы.

Вне всякого сомнения, в Китае происходит либерализация коммунизма, члены партии и даже руководители на местах участвуют в бизнесе. Старый коммунист рассказывал в частной беседе, что еще студентом он скопил деньги на нелегальной торговле на лотках, поскольку легальная для коммунистов не разрешалась. У многих людей есть деньги, накопленные за жизнь, многие заработали их сегодня.

Ежегодные высокие темпы роста, миллиарды иностранных инвестиций, десятки совместных предприятий вселяют оптимизм в китайское общество и веру в то, что его развитие продолжится. Крупные китайские мегаполисы – это XXI век.

Несмотря на то, что сама идея прогресса сегодня поставлена под вопрос, прогресс Китая и, отчасти, Индии, заставляет подозревать, что именно неожиданность его постановки влияет на теоретические позиции тех, кто связывает прогресс с развитием Запада. А кроме того, возможно, действительно невиданный прогресс Индии и Китая опирается в проблему хотя бы относительно

ной равномерности распределения ресурсов и ставит весь мир перед новыми социальными проблемами. Тон разговора о Китае становится другим. Автор продержавшейся весь 2005 г. в качестве бестселлера книги, название которой можно перевести «Китай как корпорация» (China, Inc.), пишет: «Мир сжимается так же, как Китай растет... Нет страны, которая бы так неожиданно сильно стала восходить по всем ступеням экономического развития. Ни одна страна не потрясла глобальную экономическую иерархию так, как Китай... Сегодня есть две метафоры, обе верные. Китай пьет молоко в эти дни. Самым высоким центром нападения международной баскетбольной лиги (NBA) является Яо Минг, китаец»¹⁷⁴. Заметим, речь идет здесь о том, что сегодня эта страна, имеющая высшую форму солидарности, делающую ее корпорацией перед лицом мира, недавно полуаграрная, добралась до самых больших высот индустриализма и осваивает постиндустриальные информационные технологии. Делегация из Института философии была свидетелем того, как ректор технического университета в Пекине на международной конференции заявил, что цель университета – стать лучшим в мире. Он признал специализацию научного труда, превосходство России в области фундаментальных исследований и необходимость для Китая не «изобретать велосипед», а покупать эти исследования у России и внедрять в Китае. И уже в Китае есть государственные и негосударственные российские структуры, готовые торговать российской фундаментальной наукой. Одни в обход ученых, не платя им, но официально. Другие, платя им высокую плату, но подставляя их под обвинения в незаконности продажи и того хуже.

Вдовствующая императрица Ци Си в конце XIX в. отказывалась покупать автомобиль, т. к. в автомобиле шофер будет сидеть впереди нее, чего не допускала китайская иерархия. В этом смысле китайское общество стало более демократичным, горизонтальная и вертикальная мобильность формирует новую конфигурацию общества и его стратификацию.

Китай устремлен к прогрессу. То же мы наблюдали во Вьетнаме, где идея прогресса является определяющей для общества, и Вьетнам также сделал шаги в этом направлении. Бразилия, Индонезия также находятся в числе стран, которые не мыслят свое развитие под другим флагом. В свое время Элеонора

Рузвельт настаивала на *праве на прогресс* среди прочих прав человека и народов. *Подъем новых стран не происходит под антизападными лозунгами, напротив идет активная вестернизация в форме заимствования западных технологий, массовой культуры и ее собственного производства, формировании совместных предприятий и пр.*

Наиболее адекватной формой развития сегодня многие теоретики считают *национальную модель модернизации, возникающую на некотором уровне уже достигнутой вестернизации*. Россия имеет достаточно высокий уровень вестернизации, но еще нуждается в повышении этого уровня при заимствовании инфраструктуры, демократических институтов, рыночных отношений Запада. Вестернизация в сегодняшней России – это заимствование экономических механизмов и некоторых форм политической жизни западных стран. В Китае и других упомянутых странах активно идет этот процесс.

Необходимый и достаточный уровень усвоения западного опыта ведет сегодня к национальной модели развития, а значит, к многообразию типов модернизации, возникающих на этапе сегодняшнего развития. Эту мысль высказывают такие известные специалисты, как С.Хантингтон и Ш.Айзенштадта. Последний доказал, что в условиях глобализации находящийся в трансформации Запад не может быть по-прежнему универсальным образцом развития и возникают различные способы развития. Каждое общество само решает, в каком типе модернизации оно нуждается. Появляется множество «модернизмов», складывающихся на локальном уровне. Это множество модернизмов ведет к многообразию форм прогресса, к воплощению «других разумов», типов рациональности в сообразное традиции и приемлемое для других политическое устройство, обеспечивающее глобальную открытость.

Утверждения «развитие должно осуществляться по западной модели» и «развитие должно быть самобытным» представляются неправильными. Классическая теория прогресса и модернизационная теория рассматривали Запад как единственный образец для модернизации стран, а эмпирические несовпадения модернизирующихся стран со своим образцом трактовала как незавершенную или неуспешную модернизацию, создающую по-разному модернизированные страны. Новая концепция множества модернизмов

и национальных модернизаций считает различия в модернизациях как своего рода уточненных моделях прогресса разных стран закономерными, отрицает единый образец.

Китайцы при выборе стратегии прогресса, модернизационной модели учитывали особенности своей страны и не стремились перестать быть китайцами, стать американцами и пр. Руководство страны принимало во внимание и численность населения, и низкий стартовый экономический уровень, и отсутствие достаточного количества природных ресурсов, и явный недостаток грамотных кадров, ставя национальную задачу преодоления голода в деревне, а затем уже остальные.

Подводя итог рассмотрению опыта китайского развития, обращу внимание на те её уроки, которые до сих пор поучительны для России. Во-первых, модернизация должна осуществляться постепенно, шаг за шагом, этап за этапом. Во-вторых, модернизация должна учитывать конкретные национальные особенности страны, она не может сегодня быть догоняющей. Национальная модель модернизации в Китае строится на заимствовании западных технологий, освоении их, продвижении в них и решении стоящих перед страной проблем с сохранением китайской специфики и культуры. *До сих пор казалось, что капитализм перемелет любую культуру, исключая российский не вполне удачный опыт, сегодня кажется, что шеститысячелетняя цивилизация Китая перемелет капитализм, использует его для себя в образе хозяйственной демократии.*

Признавая исключительную специфику Китая, его невероятный уровень солидарности и способность произвести собственный капитализм или, как сегодня, хозяйственную демократию, подобно собственному социализму, можно согласиться с мнением М.Момота, что «американской политике следовало бы освободиться от идеологии и принять очевидное – другая страна становится угрозой не потому, что ее население мыслит иначе, чем американцы, а потому, что они мыслят точно так же» – мы бы сказали прагматически и в интересах своих стран и личного преуспевания, «китайской мечты»¹⁷⁵. «И их мечта, – говорит цитированный выше автор бестселлера, – является наиболее мощной силой в мире»¹⁷⁶.

Это заявлено с абсолютной ясностью и без всякого лукавства. Что же заявлено? Что *Китай, перенимая опыт Запада, России всякий другой полезный опыт, построит капитализм*

или хозяйственную демократию в рамках своей цивилизации, внося в нее такие параметры прогресса, как экономический рост, благосостояние, образование, открытость, высокие технологии. Коммунистическая идеология пока уходит от вопроса о свободе. Но Китай предпочитает вначале обеспечить условия свободы. Он заимствует западную концепцию прогресса как технологию и воплощает в своем материале, перерабатывая, изменяя и развивая.

Россия – многонациональная, многоконфессиональная страна, имеющая особые природно-климатические условия, она расположена в восьми различных часовых поясах. Полагаем, что общие принципы развития сегодня требуют от России того же – частичной вестернизации, освоения новых достижений и решения своих коренных задач. Нам представляется, что эти задачи начинаются с демографически-территориальных, с проблемы возвращения образованию, культуре, интеллигенции, науке их всегдашнего высокого в России статуса, ибо сегодня это так везде в развитом и бурно развивающемся мире. Это и есть искомый прогресс.

Когда говорят, что мир нелинеен, предполагают неясные возможности развития и даже гибели. Их много, но реально *новой моделью прогресса и капитализма, а также хозяйственным демократиям (Китая, Вьетнама) являются цивилизационные и национальные модели, прививающие западное представление о прогрессе на свои культуры.*

Новое понимание прогресса как хорошо забытое старое

Постэволюционистские, постпрогрессистские концепции правильно очерчивают роль синергии, неопределенности, сценарного прогнозирования. Все возможно, включая негативный результат. Есть мир, проснувшийся ради прогресса, с истовой верой в него. Мир преимущественно индустриальный – Азия и Латинская Америка, мир, усомнившийся было в прогрессе – посткоммунистический мир, но пробуждающийся для восприятия его идей и мир, узнавший, что есть конкуренты – Запад. Ценности прогресса укоренились в новых индустриальных странах, показав множество вариантов прогресса и модернизации.

По мнению А.Магуна, есть два взгляда на прогресс. Одни оценивают его уровень, исходя из высших западных достижений. Действительно, даже Маркс считал, что высшее объясняет низшее, что ключ к анатомии обезьяны лежит в анатомии человека. Другие – В.Беньямин, М.Фуко, И.Валлерстайн – ищут в прошлом максимальные отличия от современности. Это вопрос о том, как отмечает Магун, будет ли прогресс прогрессировать. На это нет ответа, но он меняется, захватывая новые регионы. «Возвращение вытесненного» – выражение, которое Магун заимствует у Беньямина, – это не бунт низов, а их *способность к возвращению, возможность соединить прогрессивные достижения разума Запада со своим разумом, своей цивилизацией, однако без притязаний на универсальность своего опыта. Универсальной становится только модель цивилизационного и национального прогресса.*

Концепция прогресса известна как западная концепция поступательного развития, включающая развитие разума и свободы, производства и материальных ресурсов.

Но сегодня прогресс обретает цивилизационную размерность, которая исключает единый образец и универсализацию чьего бы то ни было опыта, включая западный. В цивилизационных концепциях представлена критика линейного развития. Срок жизни цивилизаций может быть долгим, но не вечным.

Русский историк Н.Я.Данилевский видел один из законов развития культурно-исторических типов в том, что рано или поздно наступает период истощения сил цивилизаций и их новая жизнь не возобновляется. «Под периодом цивилизации разумею я время, – пишет Данилевский, – в течение которого народы, составляющие тип (культурно-исторический тип. – *Авт.*), вышед из бессознательной чисто этнографической формы быта... создав, укрепив и оградив свое внешнее существование как самобытных политических единиц... проявляют преимущественно свою духовную деятельность во всех тех направлениях, для которых есть залогов в их духовной природе не только в отношении науки и искусства, но и в практическом осуществлении своих идеалов правды, свободы, общественного благоустройства и личного благосостояния. Оканчивается же этот период тем временем, когда иссякает творческая деятельность в народах известного типа: они или успокаиваются на достигнутом ими, считая завет старины вечным идеалом

для будущего и дряхлеют в *апатии самодовольства* (как, например, Китай), или достигают до неразрешимых с их точки зрения антиномий, противоречий, доказывающих, что их идеал (как, впрочем, и все человеческое) был неполон, односторонен, ошибочен, или что неблагоприятные внешние обстоятельства отклонили его развитие от прямого пути – в этом случае наступает разочарование, и народы впадают в *апатию отчаяния*¹⁷⁷.

Данилевский предвосхитил пережитую нами фазу крушения не вполне сформировавшегося и к нашим дням славянского культурно-исторического типа через апатию самодовольства (СССР) и последующей после «окончательной победы» (СССР) распад страны – поражение через апатию отчаяния. Но вот упоминание Китая, прошедшего эти фазы, сегодня внушает оптимизм, т. к. циклы существуют и внутри цивилизации, и Китай возрождается.

Итак, теория прогресса адекватно описала опыт Запада и способствовала модернизации ряда незападных стран, которая осталась незавершенной. Эта теория оказалась плохо применимой к Юго-Восточной Азии, к развитию новых индустриальных стран в данном регионе, не сумела обеспечить прогресса стран третьего мира и оставила вне зоны интереса страны четвертого мира. Попытка ее применения к посткоммунистическим странам осталась риторической, показав в очередной раз, что времени классической теории прогресса и стратегии догоняющего развития как универсальной тенденции пришел конец.

Классическая теория прогресса и модернизации подвергаются сегодня серьезной критике по ряду параметров. Прежде всего, эта теория воспринимается как симптом признания линейности и одновариантности развития, постоянной устремленности к развитию, которую называют девелопментализмом. Они обвиняются в излишне жесткой связи факторов, которые подлежат трансформации при переходе от традиционного общества к современному. Подчеркивается такая негативная их сторона, как излишний детерминизм, телеологичность, резкое противопоставление традиции и современности, отсутствие анализа рисков подобной трансформации и интереса к положению нижних слоев общества, которые могут оказаться их жертвой. К списку недостатков классической теории прогресса добавляется признание за историей непреложной логики и закономерности развития, лишшающее общества воз-

возможностей выбора, отказ от плюрализма рациональностей и ориентация на рациональность Запада, требование рекультивации, которое предъявляется незападным народам в процессе развития. В ходе западного развития произошло формирование наций. Поэтому сегодняшнее применение классической теории прогресса рассматривается как реанимация этноцентризма и источник этноконфликтов. Особой критике подвергается догоняющая модель развития, используемая незападными странами в попытке приблизиться к уровню развития западных стран.

Ныне указанные черты развития вызывают сомнения и неудовлетворенность как в теоретическом, так и практически-политическом смысле. На теорию прогресса возлагается ответственность за неудачи развития в ряде стран, а также за то, что ни одна из осуществленных или осуществляемых модернизаций не удовлетворяет требованиям теории прогресса, на которую они были ориентированы.

Особое неудовлетворение вызывает тезис о линейности хода истории и жестких требованиях девелопментализма, ориентирующего любое общество на позитивные изменения в соответствии с западной моделью развития. Нелинейность развития является сегодня признанным фактом, создающим возможности для изменения траектории развития как человечеством в целом, так и каждого отдельного общества. В синергетике описаны процессы, которые меняют направленность своего развития в точках бифуркации, изучены механизмы накопления предпосылок для подобных перемен, и вместе с тем вероятностный, непредзаданный характер их осуществления. Появились новые модели развития, которые учитывают фактор нелинейности и рассматривают неравномерность развития не как преходящий и преодолимый феномен, а как своего рода судьбу. Так, И.Валлерстайн отмечает наличие центральной, полупериферийной и периферийной зон, различие которых не может быть преодолено посредством гарантированного развития периферии¹⁷⁸. У.Бек находит достаточно стабильным и не относящимся к переходному процессу разделению стран, производящих знание (Запад), новых индустриальных стран (Азия) и сырьевых стран, к которым относится и Россия¹⁷⁹. При этом он констатирует постоянное ухудшение положения сырьевых стран даже и в том случае, если в них осуществляется прогресс, модернизация по

классической модели. Дж. Нейсбит прогнозировал в 1984 г. в работе «Мегатренд. Десять новых направлений развития будущего» перемену отношений между Югом и Севером в пользу преобладания Юга¹⁸⁰. Если этот прогноз и сбывается, то в форме весьма опасной решимости Юга противостоять развитым странам любыми способами, включая терроризм. Эту тенденцию более решительно выразил С. Хантингтон, предположив в качестве основного конфликта будущего столкновение цивилизаций¹⁸¹. Не сбылись предположения Ф. Фукуямы о конце истории как торжестве западной модели развития. У классической теории прогресса появились оппоненты и конкурирующие подходы, вложившие в критику своей предшественницы подлинное негодование.

Признавая, что классическая теория прогресса, как и всякая другая классическая теория, со временем начинает встречаться с обстоятельствами, которые она не в состоянии объяснить и предвидеть, а значит, превратить в факты в своих теоретических рамках, отметим, тем не менее, несогласие с приведенной критикой, которая отличается, с нашей точки зрения, тремя недостатками – *онтологизацией теоретических конструктов, антиисторизмом и презентизмом как разновидностью последнего.*

Прогресс утратил линейность форм и начинает свое существование в рамках цивилизаций и наций, производя общие и отличающиеся черты. Это лучше «реакционного прогрессизма» оставших низов истории. Это сулит новые катаклизмы и проблемы, которые стоит предугадывать по мере наших сил. Такое развитие – расставание с привычным. Оно пугает. Но посмотрим, какой оптимизм оно вселяло в Данилевского, давшего адекватное сегодняшней реальности понимание прогресса: «Прогресс... состоит не в том, чтобы идти все в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился), а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях»¹⁸². И напомним цитированное выше высказывание Данилевского о том, что в каждом культурно-историческом типе – народах, поднявшихся до влияния на всемирную историю, есть способности в отношении науки и искусства, в осуществлении своих идеалов правды, свободы, общественного благоустройства и личного благосостояния.

Вот это надо понять Западу. Его идея прогресса становится идеей его собственной цивилизации. Но именно она, распространившись, породила разнообразие вариантов прогресса. И чтобы сегодня идея прогресса западной цивилизации не становилась дубиной, которая поднимает «реакционный прогрессизм» обойденных историей низов, Запад вынужден будет признать другие виды разума и соответствующие им политические устройства. Однако освоение западных идей и технологий, рациональности и политического устройства не прекратится, а будет осваиваться сообразно собственным потребностям цивилизаций и народов.

Помимо сказанного отметим, что новое понимание прогресса не может диктоваться экономистами с их концепцией экономического роста и адекватной этому либеральной трактовкой политической системы. Уже 1990-е гг. это было ошибочным. Как пишет Р.Нисбит, «убеждение в том, что путь прогресса пролегает через свободное частное предпринимательство, было лишь частью более широкой веры в то, что ключ к прогрессу лежит... в индивидуальной свободе во всех сферах»¹⁸³. Эта вера продержалась до Великой депрессии 1930-х гг. Далее возник, по мнению Нисбита, «новый либерализм», считающий политическое вмешательство в планирование, регулирование и управление экономикой невозможным¹⁸⁴. В отличие от либерального капитализма XIX в. эта точка зрения стала присуща организованному капитализму. Попытки вернуться в конце XX в. к либерализму XIX в. не оправдались. Но поиски новых форм прогресса и модернизации продолжились.

РАЗДЕЛ III. ПРОГРЕСС И МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ

Глава 8. Российская история в зеркале модернизации

Изучение модернизационных процессов теоретически осуществляется социальными науками, работающими с идеальными типами. Так, имеющиеся модели модернизации – вестернизация, догоняющая и национальная – предстают в них как некие абстрактные схемы развития, различающиеся между собой, но лишённые внутренних оттенков и черт, которые невозможно понять, не обращаясь к историческим и культурным особенностям страны, о развитии которой идет речь.

В данной главе ставится задача показать на материале российской истории значение модернизации и ее этапов в историческом развитии России, позволяющая содержательно дифференцировать абстрактные модели модернизации, выделить их конкретные проявления в российской истории. Хотелось бы преодолеть убеждение о том, что исконная традиция российского развития не связана с модернизацией, а также постоянные поиски этой традиции в архаике. Вызывает сомнение и отсчет начала современного общества в России с Петра Первого, неразличение истории и современности при периодизации русской истории. Для решения поставленной задачи необходимо рассмотреть соотношение архаики, традиции и инновации и учесть при периодизации российской истории. Мы стремились предложить периодизацию русской истории в соответствии с этапами модернизации, сознавая при этом, что не может быть ни единственной, ни единственно верной периодизации. Периодизация по иным критериям имеет все предпосылки для

своего существования, более всего отвечает целям постижения прошлого, но не задачам, характеризующим проблемы российской современности. Россия историческая и Россия современная – вот то, что необходимо, прежде всего, различить в отечественной истории, подобно тому, как это сделано в отношении Запада.

Методологически важным является то, что факты философа – это теории, а не события. По отношению к исторической науке, где теоретический уровень часто отсутствует, это – не события истории, а концепции истории, которые при нашем рассмотрении становятся материалом реконструкции реальной истории России под указанным углом зрения.

Архаика, традиция, инновация в российском развитии

Многие ученые к признакам архаики, часто совпадающим с чертами феодального прошлого России или, по крайней мере, сконцентрированными здесь, относят разные вещи, но всегда это – нечто укорененное, что оживает при всех социальных турбулентностях и представляет собой проявление исторически сложившегося социокода, который глубоко впитался в психику и культуру народа. Однако черты феодальных отношений становятся достаточно зримыми в сегодняшней России. По мнению А.Рябова, архаика является проявлением неких архетипических социальных практик, заимствованных из исторических образцов прошлого, главным образом феодальной эпохи, общества аграрного типа. И в современных обществах не просто реанимируются, но строятся структуры, воспроизводящие феодальный архетип. Иногда это происходит безо всякого восхищения данными образцами, иногда они становятся объектами сознательного подражания. Сегодня, считает он, архаические начала всплывают через практику своего рода «кормления», когда феодальный чиновник ничего не получая (и теперь чиновник получает малую зарплату), «кормится» со своего поста. Сюда же относится лишение домовладельцев земли, а также скупка богатыми земель вместе с населяющими их людьми, которые становятся крепостными нового «помещика», а также антигалитарные позиции элиты, с удовольствием принимающей сословную этику. Отличительной чертой архаических отношений выступает подчинение экономи-

ки политике, ставка на силу и привилегии. Как пишет этот автор, «список подобных явлений, по логике несовместимых с реалиями индустриальной страны начала XXI в., при желании можно было бы продолжить. И хотя в реальной жизни все эти явления выглядят изолированными, не связанными между собой, есть основания полагать, что они имеют общие корни»¹⁸⁵. При этом отмеченные прочие архаические черты чаще всего не являются результатом направленных усилий или поставленных целей, а выступают как побочные продукты деятельности, имеющей совсем иные задачи.

Главный вывод Рябова состоит в том, что консервативно настроенные властные элиты действуют в направлении архаизации сознательно, чтобы приостановить перемены. Однако с этим далеко не во всех случаях можно согласиться. И когда он говорит, что «появление социальной архаики в российском обществе явилось реакцией на неудачи модернизации конца 80-х – начала 90-х гг. XX в.»¹⁸⁶, он противоречит вышеупомянутому своему выводу. Разрушение многократно наращиваемых историей культурных слоев (контрмодернизация – развал промышленности, экономики, сложившихся ценностей, тотальная реконвенциализация ценностной сферы и пр.) невольно погружало сознание людей в архаические пласты культуры, в архетипы коллективного бессознательного. Они были открыты К.Юнгом как человеческие первообразы (мать-земля, герой и пр.). Применительно к российской культуре такие исследователи, как А.С.Ахиезер, А.П.Давыдов, К.Касьянова (псевдоним В.И.Чесноковой, переводчицы Т.Парсона, специалисту по западной социологии, хорошо чувствующей национальную специфику), отмечали эмоционально окрашенный характер архетипического, на котором базируется архаика. У А.С.Ахиезера и А.П.Давыдова, как прежде у Н.Лосского и С.А.Аскольдова, к архаике относится расколотость, полярность российской культуры, затрудненность медиации или нахождения срединной культуры. У К.Касьяновой в основе национального характера лежит «некий набор предметов или идей, которые в сознании каждого носителя определенной культуры связаны с интенсивно окрашенной гаммой чувств или эмоций (“сентименты”). Появление в сознании любого из этих предметов приводит в движение всю связанную с ним гамму чувств, что, в свою очередь, является импульсом к более или менее типичному действию. Вот эту единицу “принципиального

знаменателя личности”, состоящую в цепочке “предмет – действие” мы впредь будем подразумевать под понятием *социальный архетип*¹⁸⁷. В этой отличной от К.Юнга трактовке психологический характер архетипа делает его имплицитным моментом поведенческих кодов, что и составляет суть архаики.

В противоположность традиции архаика не дана эксплицитно, в явном виде и не является сознательно используемым поведенческим регулятивом. В сравнении с ней традиция более рациональна, более очевидна и вытекает из ценностных конвенций и образцов поведения, заданных культурой, а не психикой. При разрушении культуры ее вытесняет архаика. При развитии культуры традиция вытесняет архаику.

Трудности, связанные с различием архаики и традиции, объективны, ибо при некоторых социальных и культурных сломах общество, теряя социальные устои и культурные ценности, «оголяется» до тех психологических имплицитно присутствующих кодов истории, которые и являются архетипами. Они срабатывают на этапе становления народов и вырываются наружу при сломах их социальных и культурных основ. Традиции же, в отличие от архаики, осознаются, поддерживаются, хотя культурные и социальные сломы влияют и на традиции. Традиция может прерываться, уничтожаться, заменяться новыми. Следы ее прежнего существования присутствуют, подобно архаическим началам, в скрытых формах, прорываются, выявляются или восстанавливаются при контрмодернизационных или модернизационных поворотах политики.

Отличие традиции от инновации тоже представляет проблему. В традиционных обществах, воспроизводящих себя на основе традиции, имеются инновации, но их действие поддерживается в обществе лишь до тех пор, пока они не ломают традиции. Развитие здесь является циклическим, т. к. рано или поздно инновация начинает казаться опасной для традиции и обрывается возвратом к ней. История здесь всегда берет свое, не допуская чрезмерного отклонения от ее сложившегося хода. В современных же обществах решающую роль играет инновация, допускающая традицию до тех пор, пока последняя не вредит инновации.

Отвечая на вопрос, как традиции существуют в современном обществе, особенно в обществах «позднего модерна», социологи, в частности, Э.Гидденс, отмечают возможность двух способов:

они могут выражаться явно, обсуждаться и выбираться, либо действовать по схеме фундаментализма – как шаблон истины безотносительно к последствиям. Но Гидденс считает современным первый способ, ведущий к диалогу традиций. Второй мы бы отнесли к действию архаики¹⁸⁸.

Из представлений об архаике, традиции и инновации возникает острая полемика по поводу соотношения доисторического (неисторического), исторического (традиционного) и инновационного (современного). Западники считали Россию до Петра неисторической, азиатской. Славянофилы готовы были увидеть историческую Россию даже в древней архаике, не говоря уже о традициях ее более позднего развития, пытаясь найти русскую идею, и отрицали время Петра за разрыв с нравственными основами прошлого.

Две периодизация российской истории

Среди периодизаций, существующих у выдающихся русских историков, обращает на себя внимание периодизация С.Ф.Платонова, который на основе «Истории государства Российского» Н.М.Карамзина выделяет такие этапы российской истории, как древний (от появления славянских племен до Ивана III); средний этап, следующий за этим (от Ивана III до Петра Великого); новый этап (от Петра Великого до начала XIX в.)¹⁸⁹. Как отмечает Платонов, «Карамзин во всей русской исторической жизни видел один главнейший процесс – создание национального государственного могущества. К этому могуществу привел Русь ряд талантливых деятелей, из которых два главных – Иван III и Петр Великий – своей деятельностью ознаменовали переходные моменты в нашей истории и стали на рубежах ее основных эпох – древней (до Ивана III), средней (до Петра Великого) и новой (до начала XIX в.)»¹⁹⁰.

Ниже приведем две таблицы периодизации истории, которые построены на основе двух различных критериев: первая на основе роста могущества государства, вторая – исходя из расселения народов. При этом будут отмечены периоды доминирования архаики, традиции или инновации на каждом этапе.

Таблица 1.

Периодизация русской истории на основе критерия роста могущества государства (Н.М.Карамзин, С.Платонов)

Древний период (VIII–XIII вв.)	Средний период (XV–XVIII вв.)	Новый период (с начала XVIII в. до начала XIX в.)
Период с VIII в. до Ивана III	Иван III – вторая половина XV в. Иван Грозный – вторая половина XVI в. Алексей Михайлович – вторая половина XVI в.	Петр Великий – начало XVIII в. Елизавета – середина XVIII в. Екатерина II – конец XVIII в.
Политическая раздробленность, родовой или общинный быт. Архаика.	Московская Русь, соби- рание земель Традиция.	Императорская вели- кая Россия Господство традиций. Растущая значимость инноваций и вестер- низации.

Исходя из выдвинутого критерия – роста могущества русского государства – данная периодизация не вызывает никаких возражений. В ней просматриваются и интересующие нас вопросы о роли архаики, традиции и инновации на каждом этапе. Правда, третий этап не представляется нам сугубо инновационным, вписывается в традиции России, несмотря на существенные изменения, что мы попытаемся показать ниже.

Другой выдающийся историк – В.О.Ключевский берет за основу периодизации русской истории главные моменты колонизации. Именно они, по его мнению, ставили «русское население в своеобразное отношение к стране, изменявшееся в течение веков и своим изменением вызывавшее смену форм общезжития»¹⁹¹. Соответственно этому он выделяет четыре периода российской истории.

Первый период протекает с древнейших времен до начала XIII в. – Русь Днепровская, городова (расчлененная на города. – *Авт.*). Господствующий политический факт здесь – политическое дробление под руководством городов. Главный экономический факт – внешняя торговля и необходимые для нее лесные промыслы.

Второй период – с середины XIII до середины XV в. – Русь Верхневолжская удельно-княжеская, вольноземледельческая. Политическое раздробление как главный политический факт происходит здесь не между городами, а между княжескими уделами. Главный экономический факт – земледелие на суглинистых почвах – осуществляется вольными крестьянами.

Третий период – с середины XV в. до второй половины XVII – Русь Великая, Московская, царско-боярская, военно-земледельческая. Отличается географическим расширением и политическим объединением вокруг Москвы. В сельском хозяйстве – продолжение земледелия на Верхневолжском суглинке, а также на черноземах во вновь приобретенных территориях вокруг Дона и на среднерусской равнине.

Четвертый период – с середины XVII в. до середины XIX в. – Всероссийская империя, императорско-дворянский период, крепостное хозяйство, земледелие и фабрично-заводское производство. Расширение территории до Балтийского, Белого, Черного морей, Каспия, Кавказа и Закавказья, присоединение Малороссии, Белороссии, Новороссии. Бояре вытесняются военно-служилым классом – дворянством, порабащившим крестьян.

Очень важно то, какое значение Ключевский придавал последнему, IV периоду русской истории. Пропустив время самозванцев как переходное между двумя последними периодами, историк отмечает, что IV период он исчисляет с XVII в. до середины XIX в., до начала царствования Александра II. «Этот период, – пишет Ключевский, – представляет особый интерес. Это не просто исторический период, а целая цепь эпох (которую мы ниже характеризуем в таблице периодизации по модернизационному критерию. – *Авт.*), сквозь которую проходит ряд важных фактов, составляющих глубокую основу современного склада нашей жизни... Это, повторим, не один из периодов нашей истории: это – наша новая история»¹⁹². Историк говорит, что здесь мы

начинаем узнавать самих себя, видеть свою собственную автобиографию. Сегодня, на наш взгляд, мы начинаем ее видеть с начала XIX, о чем речь пойдет ниже.

Таблица 2.

**Периодизация истории России на основе расселения народов и связанных с ним политических и экономических изменений
(В.О.Ключевский)**

I период	II период	III период	IV период
С древнейших времен до начала XIII в.	С середины XIII до середины XV в.	С середины XV в. до второго десятилетия XVII в.	С середины XVII в. до середины XIX в.
<p>Расселение народа вдоль Днепра. Главный политический факт – дробление земли под руководством городов. Главный экономический факт – внешняя торговля и лесные промыслы</p>	<p>Расселение народа вдоль Верхней Волги и ее притоков. Политическая раздробленность на княжеские уделы. Земледелие на суглинистых почвах. Свободный крестьянский труд</p>	<p>Расселение населения на юг и восток, по донскому и среднерусскому чернозему. Соединение под властью московского государя. Государственное объединение Великороссии. Земледелие свободных крестьян на черноземных почвах</p>	<p>Выход к Балтийскому, Белому, Черному, Каспийскому морям, к Кавказу и Закавказью, присоединение Малороссии, Белороссии и Новороссии. Создание Всероссийской империи с опорой на военнослуживых людей – дворян. Крепостное земледелие, промышленность, фабрично-заводское хозяйство.</p>

Русь Днепровская, городовая, торговая Архаика	Русь Верхневолжская, удельно-княжеская, вольно-земледельческая. Традиция	Русь Великая, Московская, царско-боярская, военноемле-владельческая. Традиция	Всероссийская императорско-дворянская, период крепостного хозяйства, земледелия и фабрично-заводского хозяйства Традиция, рост инноваций и вестернизации
--	--	---	---

Обе периодизации по вполне понятным причинам не завершаются у этих историков сегодняшним временем. История государства Российского очевидным образом начинается у Карамзина с Петра как история новая, современная. У Ключевского же она есть история не только государства, но народа, и новой эта история становится примерно в тот же период, связанный с Петровскими реформами, несмотря на то, что Ключевский в значительной мере их критик.

Периодизация российской истории на основе модернизационного критерия

В то время, как в Англии уже с XII в. действовал «Хабиус Корпус Акт» – первый в мире закон о правилах отношения к человеку, о его неприкосновенности и защите от произвола, Василий Косой в 1460 г. был пойман и ослеплен по приказу князя Василия Васильевича. За это Дмитрий Шемяка, друг Косого, ослепил князя Василия Васильевича, отца Ивана III, который стал из-за слепоты называться Василием Темным. Берсень-Беклемишев, крещеный татарин, боярин XVI в., критиковал жену Ивана III Софью Палеолог. За это ему отрезали язык. Опричнина Ивана Грозного. Жестокость Петра. Приход Екатерины к власти на штыках гвардейцев. Но и во Франции в 1572 г. произошла массовая резня гюгенотов во время варфоломеевской ночи. Правда, это была политическая борьба в отличие от архаически стереотипных психических реакций.

Избрав за критерий периодизации не рост могущества государства и не расселение народа, а способность его к модернизации, мы модифицируем две предыдущие периодизации следующим образом.

Древний период – от образования славянских племен до Василия Темного.

Средний период – от Ивана III (конец XV в.), Ивана Грозного (вторая половина XVI в.), Алексея Михайловича (вторая половина XVII в.), Петра I (начало XVIII в.), до Елизаветы (середина XVIII в.) и Екатерины II включительно (конец XVIII в.).

Новый период – XIX в. От Александра I (начало XIX в.), Николая I (середина XIX в.) до Александра II (конец XIX в.).

Новейший период делится нами на две части.

Новейший период – XX в. Николай II (первая треть XX в.), большевики и коммунизм (последние две трети XX в.), антикоммунистическая революция (конец XX в.).

Новейший период – начало XXI в. Посткоммунистическое развитие, переход России к капитализму.

Ниже результаты исследования представлены в виде предлагаемой нами, в которой каждому из названных периодов будет поставлен в соответствие тип модернизационного развития и его связь с преобладанием либо архаики, либо традиции, либо инновации.

В древний период, который некоторыми русскими историками рассматривался как период родового быта (С.М.Соловьев, К.Д.Кавелин) или общинного быта (К.С.Аксаков), наблюдается развитие начал этого быта, состоящее в органическом переходе от родового быта кровно связанных племен и их союзов к государственному быту. Кровное отношение характерно для княжеских родов, где князя, соответственно своему месту в роде, считали управляемые ими земли и населяющих их людей своей собственностью. В целом древний период отличается чрезвычайным господством архаики и отсутствием выработанных традиций. Разложение родового быта совершалось, по мнению названных историков, путем перехода к семье. Междуусобица выделяет княжескую семью, эта семья начинает господствовать. На этапе перехода семейного быта в государственный кончается древний период. Кончается и то состояние, которое является преесторическим.

Таблица 3.

Древний период VIII–XIII вв.	Средний период XV–XVIII вв.	Новый период XIX в.	Новейший период XX в.	Новейший период XXI в.
Родовой быт, общинный быт	<p>Иван III – конец XV в.</p> <p>Иван Грозный – вторая половина XVI в.</p> <p>Алексей Михайлович – вторая половина XVII в.</p> <p>Петр Великий – начало XVIII в.</p> <p>Елизавета – середина XVIII в.</p> <p>Екатерина II – конец XVIII в.</p>	<p>Александр I – начало XIX в.</p> <p>Николай I – середина XIX в.</p> <p>Александр II – конец XIX в.</p>	<p>Николай II Большевики и коммунисты 1917 – 1991 Анти-коммунисты 1991 – 2000</p>	<p>Строители капитализма в России и других западных странах</p>
Архаика Предыстория	<p>Традиция, традиционное общество, появление инноваций, традиция и модернизация как обновление, создание новых институтов, заимствование технологий Запада, вестернизация. Принадлежность эпохи к истории</p>	<p>Инновация, догоняющая модернизация. Принадлежность эпохи к современности</p>	<p>Догоняющая модернизация Посткоммунистическая демодернизация</p>	<p>Национальная модель модернизации. Новое Новое время для западных стран</p>

Средний период, с нашей точки зрения, начинается с Ивана III, сына Ивана Темного, и завершается правлением Екатерины II. А Петр Великий – только его кульминация. Принадлежность к общему срединному периоду российской истории (при первой периодизации) деятелей русской истории от Ивана III до Алексея Михайловича, выражение в их деятельности уже не архаики, а русской традиции, как правило, не вызывает возражений. Даже и те, кто обращает внимание на инновации, которые они произвели, не отрицают основополагающей значимости традиции для той эпохи. Ни С.М.Соловьев, ни Н.И.Костомаров не приписывают Ивану III особых личных заслуг, которые обусловили его достижения. Н.М.Карамзин же считает его реформатором, превосходящим Петра Великого ненасильственностью действий. Иван III объединил Русь в Московское великорусское государство. Во многом благодаря браку с Софьей Палеолог он развил отношения с Западом. Возвеличил свою роль в стране до царской. Подготовил Судебник, определявший правила судопроизводства. При нем Русь обрела независимость – с монгольским игом было покончено. По мнению Карамзина, «отселе история наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки княжеские, но деяния царства, приобретающего независимость и величие. Разновластие исчезает вместе с нашим подданством; образуется держава сильная, как бы новая для Европы и Азии, которые, видя оную с удивлением, предлагают ей знаменитое место в их системе политической»¹⁹³. С Карамзина же начинается трактовка нашей истории как *истории государства Российского*, понимаемой так от правления Алексея Михайловича до Екатерины II.

Казанские походы Ивана Грозного и его внутренняя реформа 1550–1564 гг., улучшение Судебника, опора на выборных людей в судах в финансовом управлении, реформа местного самоуправления обозначили начало смены класса, на который опирался царь. Начавшаяся смена господствующего класса обрела кровавые формы: «опричнина получила значение политического убежища, куда хотел укрыться царь от своего крамольного боярства»¹⁹⁴. Стеснявшему Ивана Грозного правительственному классу – боярству он противопоставлял опричнину как прообраз будущего дворянства, пытался найти альтернативу в идее служилых людей.

Князь Юрий Долгорукий говорил Петру Первому, что отец его Алексей Михайлович в ряде вопросов сделал больше, чем сам Петр¹⁹⁵. Алексеем Михайловичем был создан Кодекс, который формировали выборные люди из 130 городов. Этот Кодекс был, по словам Платонова, «победой средних классов на соборе 1648 г.»¹⁹⁶. Он произвел серьезные общественные преобразования. Алексей Михайлович умел сочетать стремление к заимствованию образцов с Запада, например, в образовании с сохранением самобытности. Это не избавило его правление от столкновения национально-консервативных охранительных сил с прозападными, еще не сформировавшимися в устойчивые группы. И позже не вполне еще оформившиеся западники считали, «что если бы в период культурного брожения в Московском государстве середины XVII в. московское общество имело такого вождя, каким был Петр Великий, то культурная реформа могла бы совершиться раньше, чем это произошло на самом деле. Но таким вождем царь Алексей быть не мог»¹⁹⁷. Ни по характеру своему, считает Платонов, ни по времени своему, как полагают многие другие.

Важным вопросом имеющихся периодизаций российской истории и в особенности предлагаемой мною стало отношение к Петру Великому. Оно исключительно значимо для попытки построить периодизацию русской истории, связанную с модернизацией. Для одних он стал выдающимся модернизатором, отделившим новую современную Россию от древней (архаической) или срединной (традиционной), особенно России Московского царства Ивана III, рассматриваемого славянофилами XIX в. как образец исконных русских традиций. Эта граница и определенность в истолковании «подлинно русских традиций» была полностью потеряна в псевдославянофильских исканиях конца XX в. после слома коммунизма. Никакая историческая эпоха не была представлена как ее носитель. Императорский период XX в., на который иногда намекали современные славянофилы как на наиболее близкий состоянию исконно русскому, был на деле периодом капитализма, войн, революций, глубинных трансформаций и модернизаций, а, следовательно, никак не представлял национальную традицию в ее устойчивых формах, близких к архетипу и архаике. Но, как отмечал С.Ф.Платонов, и прежнее славянофильство «оставалось верно своей метафизической основе, а в позднейших представителях отошло от исторических разысканий»¹⁹⁸.

Петра Первого при этом возвеличивают очень многие – ранний Н.М.Карамзин, С.М.Соловьев особенно. Первый, однако, постепенно понимает высокую цену его преобразований и считает, что им стоило быть более медленными и более продуманными. Второй же сообщает, что реформы Петра не проросли всю толщу общества, ибо нравы народа указами не изменишь. Вопрос о том, с Петра ли началось российская современность в отличие от прошлого, истории, получает у этих авторов двойственный ответ – даже у Соловьева, который восхищен Петром и героизирует его. Но наиболее убедительными выглядят доводы В.О.Ключевского, который оспаривает упрощенную систематизацию российской истории в ее разделении на Русь *древнюю, допетровскую* и *новую – петровскую и послепетровскую*¹⁹⁹. Именно эта периодизация кажется и нам несостоятельной исходя из модернизационных критериев, хотя она вполне удовлетворяет как критерию значимости государства Карамзина, так и критерию завершения расселения русского народа и образованию Российской империи Ключевского.

Приведем некоторые цитаты Ключевского. «Я сделал далеко не полный очерк преобразовательной деятельности Петра, не коснулся ни мер по общественному благоустройству и народному образованию, ни перемен в понятиях и нравах, вообще в духовной жизни народа. Эти меры и перемены или не входили в круг прямых задач реформы, или не успели обнаружить своего действия при жизни преобразователя, или, наконец, почувствовались только некоторыми классами общества... реформа по своему исходному моменту и по своей конечной цели была военно-финансовая, и я ограничил обзор ее фактами, которые, вытекая из этого двойственного ее значения, коснулись всех классов общества, отозвались на всем народе»²⁰⁰. Данный критерий реформы – ее значимость для общества в целом, для населения страны Ключевский считает основополагающим. И уж если страстный поклонник Петра С.М.Соловьев указывает, что его реформы не проросли общество, то Ключевский оценивает его деятельность без всяких прикрас: «...как Петр стал преобразователем?.. Петр Великий и его реформы – наше привычное стереотипное выражение. Звание преобразователя стало его прозвищем, исторической характеристикой. Мы склонны думать, что Петр I и родился с мыслью о реформе, считал ее своим providенциальным призванием, своим историческим назначением. Между тем у самого Петра долго

не заметно такого взгляда на себя. Его не воспитали в мысли, что ему предстоит править государством, никуда не годным, подлежащим полному преобразованию (Алексей Михайлович умер, когда Петру было 4 года и ничему его не успел научить. – *Авт.*)... Он вырос с мыслью, что он царь, и притом гонимый, и что ему не видеть власти, даже не жить, пока у власти его сестра со своими Милославскими... все, что он делал, он как будто считал своим текущим, очередным делом, а не реформой... Только разве в последнее десятилетие своей 53-летней жизни... у него начинает высказываться сознание, что он сделал кое-что новое и даже очень немало нового. Но такой взгляд является у него, так сказать, задним числом, как итог сделанного, а не как цель деятельности»²⁰¹. Его отдельные мероприятия, нередко задуманные между походами, не сложились в ясную модель развития и не устранили, а усугубили то, что Ю.А.Пивоваров и А.И.Фурсов назвали «русской системой» – системой «власть – народ» без посредствующих их отношений общественных звеньев.

Сходно мыслит и С.Ф.Платонов: «Так рядом с борьбой семейной, политической и церковной в конце XVII в. разрешился вопрос о форме воздействия на Москву западноевропейской культуры. Разрешили его те влияния, под которыми Петр находился в годы отрочества и юности»²⁰². То есть военные забавы, интерес к кораблям, к мастерству, к технике.

При всей чрезвычайной инновативности, Петр унаследовал и укрепил властную систему абсолютистского государства, решая задачу защитить Россию от возможной колонизации со стороны Запада, неожиданно ставшего чрезвычайно сильным в ходе собственной модернизации. Английский историк А.Тойнби считал, что «функция “внешнего фактора” заключается в том, чтобы превратить “внутренний творческий импульс” в постоянный стимул, способствующий реализации потенциально возможных творческих вариаций»²⁰³. Согласно концепции «вызова–ответа» вызов – это прежде всего то внешнее воздействие, которое способно создать в стране внутренний импульс собственного развития.

Первый вызов, который испытала Россия, – природный. Она не могла поставить в соответствие суровости природы интенсивное хозяйствование и пошла по экстенсивному пути – расширению земли, единственно возможному для традиционных обществ, и коллективным формам деятельности и сознания.

Дальнейшие вызовы последовали из Азии (Монголии) и с Запада (его форпостов – Польши и Швеции). Российской цивилизации пришлось осуществить консолидацию в ответ на вызов Азии и самоидентификацию, отличную от монгольской, – закрепление своих духовных (православие) и хозяйственных достижений (оседлого земледелия). Недостаток внимания завоевателей к идейной стороне дела, завоевание с целью собирания дани, способствовало собственному развитию русской духовности и культуры даже и в условиях неволи.

Ответить на вызов Запада Россия могла, достигнув мощи, которая не позволила бы Западу сделать ее колонией²⁰⁴, а впоследствии осуществить поворот к Европе со стремлением к духовному и материальному развитию по западному образцу (христианство, светская культура, промышленность). Вызов со стороны Запада (со стороны Польши и Швеции) Россия испытала в XVII в.: «Временное присутствие польского гарнизона в Москве и постоянное присутствие шведской армии на берегах Нарвы и Невы глубоко травмировало русских, и этот внутренний шок подтолкнул их к практическим действиям, что выразилось в процессе “вестернизации”, которую возглавил Петр Великий. Эта небывалая революция раздвинула границы западного мира от восточных границ Польши и Швеции до границ Маньчжурской империи. Таким образом, форпосты западного мира утратили свое значение в результате контрудара, искусно нанесенного западному миру Петром Великим, всколыхнувшим нечеловеческим усилием всю Россию»²⁰⁵. Тойнби тем самым показывает, какие реальные военные угрозы пытался предотвратить Петр, обратившись на Запад за новыми вооружениями и техникой. Появление Запада как более развитого и сильно изменившего свой менталитет в результате модернизации образования оказало на мир огромное влияние. С его появлением история превратилась во всемирную. Запад показал миру новые возможности, воззвал мир к новому виду пафоса, включавшего в себя идею быстрого развития, самостояния, свободы. С появлением современного, вступившего в Новое время Запада, очевидные различия незападных стран оказались в значительной мере стертыми их общими отличиями от Запада. Запад настолько отличался от других регионов мира, что стало возможным говорить о незападном мире. Западный мир был небольшим и чрезвычайно динамичным,

полностью изменившим свою прежнюю, сходную с другими народами «средневековую природу». Незападный мир был огромен, многообразен, но един в своей незападности – в меньшей скорости своего развития, в недостижимости для него новых черт сознания – индивидуализма, свободы, веры в науку, нового психологического склада, включающего оптимизм, уверенность, полагание на собственные силы.

Незападные страны не могли не ощутить своей отсталости, того, что направление движения задается Западом, одновременной привлекательности Запада и исходящей от него опасности для их традиционного существования. Вызов Запада предстал как вызов современности прошлому. Он был в идее прогресса, утверждавшей в теории то, что уже начало осуществляться на практике – общую линию развития по пути, предлагаемому лидирующим Западом.

Но Ключевский весьма скептичен и в оценке отношения Петра к Западу. Западная Европа, скорее всего, была для него учителем, у которого он перенимал знания в области математики, естествознания, кораблестроения, мореплавания, финансов, но которая не была для него образцом и не интересовала его с точки зрения ее социальных ценностей и модели человека, которая там утвердилась. Это был учитель, научившись у которого, можно было с ним расстаться. Он приводит пример, как в 1767 г. под прикрытием посольства Петр под вымышленной фамилией стал участником «секретной воровской экспедиции с целью выкрасть у Западной Европы морскую технику и технические знания. Вот для чего была нужна Петру Западная Европа. Он не питал к ней слепого или нежного пристрастия, напротив, относился к ней с трезвым недоверием и не обольщался мечтами о задушевных ее отношениях к России, знал, что Россия всегда встретит там только пренебрежение и недоброжелательство»²⁰⁶.

К Западу он обращается, чтобы освоить его технические и военные достижения и, в конечном итоге, защитить Россию от Запада, от возможных попыток колонизировать Россию. Но именно факт спасения России от колонизации и обеспечения ее независимого развития составляет величайшую заслугу Петра.

В итоге Ключевский делает вывод: «Реформа, совершенная Петром Великим, не имела своей прямой целью перестраивать ни политического, ни общественного, ни нравственного порядка,

установившегося в... государстве, не направлялась задачей поставить русскую жизнь на непривычные ей западноевропейские основы, ввести в нее новые заимствованные начала, а ограничивалась стремлением вооружить Русское государство и народ готовыми западноевропейскими средствами, умственными и материальными, и тем поставить государство в уровень с завоеванным им положением в Европе, поднять труд народа до уровня проявленных в нем сил... Она (реформа. – *Авт.*) была революцией не по своим целям и результатам, а только по своим приемам... Реформа Петра была борьбой деспотизма с народом, с его косностью»²⁰⁷. Образование, наука, за которые ратовал Петр, плохо сочетались с несвободой и деспотизмом. В плане отношения к старой Руси, Ключевский уверен в сохранении основных прежних элементов власти и общественного строя. Не имея старых юридических оснований удельного владения землей в связи с утратой ее вотчинного характера и боярских привилегий, Петр не только сохранил прежнюю власть, но и расширил ее путем ликвидации боярской Думы и отмены патриаршества. Петр разделил роль государя и государства, и они, пишет Ключевский, были как домохозяин, который юридически сливается со своим домом²⁰⁸. Государственные интересы Петр ставил превыше всего. Переход власти стал осуществляться не от отца к сыну по завещанию, а по соборному избранию. Но крепостная Россия расширила число людей, которые имели этот статус. И Ключевский утверждает, как кажется, вполне оправданно, что, не трогая порядка старой Руси, «старых основ и не внося новых, он либо довершал начавшийся ... процесс, либо переиначивал сложившееся в нем сочетание составных частей», в результате чего «московское законодательство XVII в. вышло из реформы с более резкими и округленными сословными очертаниями, а каждое сословие с более осложненным бременем повинностей на плечах»²⁰⁹.

Подобно этому Н.И.Костомаров считает, что превосходство в уме и трудолюбии над другими правителями Европы могло бы преобразовать Россию в лучшее общество, чем это удалось Петру, который в нравственном отношении не представлял собой положительного примера. «Зато и общество, которое он хотел пересоздать, возникло не лучшим в сравнении с теми обществами, которыми управляли прочие Петровы современники. До Петра Россия погружена была в невежество и, хвастаясь своим ханжеским об-

рядовым благочестием, величала себя “новым Израилем”, а на самом деле никаким “новым Израилем ” не была. Петр посредством своих деспотических мер создал из нее государство, грозное для чужеземцев войском и флотом, сообщил высшему классу ее народа наружные признаки европейского просвещения, но Россия после Петра все-таки в сущности не сделалась “новым Израилем”, чего ей так хотелось до времен Петра»²¹⁰. Последователи Петра, пережившие его, отмечает Костомаров, запутались в распрях, полностью признав полезным безнравственное. И все же он считает в нем нравственным любовь к России, желание сделать ее лучше. С горечью вновь звучит мысль, что диктатура пытается поднять к лучшему народ, не сознающий своих интересов: «За любовь Петра к идеалу русского народа (курсив наш. – Авт.) русский человек будет любить Петра до тех пор, пока сам не утратит для себя народного идеала, и ради того идеала простит ему все, что тяжелым бременем легло на его памяти»²¹¹.

Здесь зреет историческая традиция и начинается модернизация, которая состоит в появлении инноваций, обновлении, создании новых институтов, заимствовании технологий и вооружений Запада, вестернизации. Еще раз обратимся к Платонову: «Когда преобразования Петра Великого окончательно определили новый государственный и общественный порядок, Российская империя получила вид типичного для этой эпохи “полицейского государства”, послужившего формой для “просвещенного абсолютизма” Петра... установив особое “крепостное право” государства на жизнь и труд всех сословий одинаково. Не было ни сословного права, ни сословных льгот, были только сословные службы и сословные повинности. Ими определялись положения в государстве общественных групп и отдельных лиц»²¹².

Екатерина I пришла к власти интригами Меншикова на штыках гвардейцев. Елизавета, как уже было отмечено, чтит память Петра и его достижения. Екатерина II была просвещенной императрицей. Ее переписка с Вольтером и Дидро делала ее в глазах общества склонной к либеральным идеям, которые ей однако трудно было провести на практике, не подорвав своей социальной базы в дворянстве. Размышляя даже об отмене крепостного права, Екатерина не могла вступить в противоречие со своей опорой – дворянством и, при всей неэффективности крепостного хозяйства, сохранила тот институт.

Деятельность Екатерины характеризуется укреплением традиций, которые относят ее к истории, а не к современности. Как справедливо показывает Платонов, политика Екатерины II «была прямым продолжением и завершением тех уклонений от старорусского строя, какие развивались в XVIII», и все же «Екатерина – традиционный деятель, несмотря на отрицательное ее отношение к русскому прошлому, несмотря, наконец, на то, что она внесла новые приемы в управление, новые идеи в общественный оборот... Историческое значение екатерининской эпохи чрезвычайно велико именно потому, что в эту эпоху были подведены итоги предыдущей истории, завершились исторические процессы, раньше развивавшиеся»²¹³.

Мы объединяем всех этих деятелей российской истории выделяемого нами второго периода как связанных русской традицией, которая, несмотря на начатые Петром Первым инновации и последующую деятельность Елизаветы и Екатерины, оставляла их в русском традиционном обществе, в истории, еще не ставшей современностью.

Новый период наступает в XIX в.

Война с Наполеоном, а затем союз с ним и сделали Александра I важной фигурой европейской политики, а Россию европейской державой с международными обязательствами. Отечественная война 1812 г. вновь столкнула Александра с Наполеоном, включили его в антинаполеоновскую коалицию западных держав. Русские увидели Париж. Мост Александра в Париже в камне запечатлел пребывание русских в этом городе. Два русских течения – славянофильство и западничество, питаемые немецкой метафизикой – для одних в плане подражательного обращения к русской «почве», для других – в признании немецкой «почвы» наиболее высоким образцом, пополнилось теперь повседневным западничеством разговоров аристократии на французском, светскими беседами дворян, постепенно становящихся еще с XVIII в. не военно-служилым, а праздным классом, интересом к Франции и ее идеям. Т.Веблен – американский социолог – увидел ранние пороки капитализма в Америке конца XIX – начала XX в. в превращении буржуазии в праздный класс, написав книгу с одноименным названием. Эти карикатурные превращения мы видим и в посткоммунистической России. Но праздность дворян и их повседневное псевдоза-

падничество, ставшее одной из ужасающих причин российского революционаризма из-за следования моде, почти смехотворно: «Положение этого класса в обществе покоилось на политической несправедливости и венчалось общественным бездельем; с рук дьячка-учителя человек этого класса переходил на руки к французу-гувернеру, довершал свое образование в итальянском театре или французском ресторане, применял приобретенные понятия в столичных гостиных... С книжкой Вольтера в руках где-нибудь на Поварской или в тульской деревне этот дворянин представлял очень странное явление: усвоенные им манеры, привычки, понятия, чувства, самый язык, на котором он мыслил, – все было чужое, все привозное, а дома у него не было никаких живых органических связей с окружающими, никакого серьезного дела, ибо... ни участие в местном управлении, ни сельское хозяйство не задавали ему такой серьезной работы... чужой между своими, он старался стать своим между чужими и, разумеется, не стал: на Западе, за границей, в нем видели переодетого татарина, а в России на него смотрели, как на случайно родившегося в России француза»²¹⁴.

Стремление Александра I к быстрым реформам по проекту М.М.Сперанского было приостановлено запиской Н.М.Карамзина «О древней и новой России» (историки в ту пору советовали государям). Карамзин предупреждал об опасности механической пересадки в Россию нового опыта, подрывающего дворянство, а вместе с этим самодержавие и Россию. Неохотно согласившись с ним, Александр I приостановил реформу, а в конце своего правления перешел на консервативные позиции перед угрозой растущего революционного движения. Царю, как и растущему революционному движению, присуща постоянно возобновляющаяся в России вера, что все дело в правлении, и прочие черты общества немедленно исправятся изменением политики

Николай I убедился в том, что революционное движение, развившееся в стране при Александре I, направлено не против отдельных правителей, а против основ российского правления, против порядка, основанного на крепостничестве. Восстание декабристов 14 декабря 1825 г. показало ему, что «представители сословия, достигшего исключительных сословных льгот, теперь проявили стремление к достижению политических прав», – пишет Платонов²¹⁵.

Цели XIX в. в России объективно состояли в достижении равенства сословий и их участия в жизни общества. Но выступление декабристов историки сравнивают с гвардейскими переворотами, направленными на захват трона. Среди декабристов было много офицеров, участников войны 1812 г. Пытаясь притязать на трон, на выдвижение на царство Константина Павловича, на деле они подорвали сословное преимущество своего класса и дали дорогу буржуазии. Дворянство переставало быть опорой власти. Росла реакция. Недовольство существующими порядками и объективную необходимость перемен продемонстрировало поражение в Крымской войне.

Александр I и Николай I столкнулись с острой необходимостью общественного переустройства, на которое решился Александр II. Вопрос об освобождении крестьян, о всесословности и совместном действии прежде разделенных сословий был им решен. Освобождение крестьян и введение земств было способом решения проблемы. Отмечая выдающиеся заслуги императора, Ключевский указывает и на третью задачу, которая была им разрешена: напитавшийся чужими идеями и нравственными побуждениями с XVIII в. русский ум оказался оторванным от русской действительности. В XVIII в. этот ум смирялся с противоположностью идей и действительности. В начале XIX столетия этот ум осознал, что надо первый привести к согласию идеи и реальность, но не нашел способов решить проблему. Ни славянофилы, ни западники не нашли подходов к решению вопроса о соотношении идей и действительности. Но «со временем этих великих реформ (Александра II. – *Авт.*) русский ум становится в другое отношение к окружающей действительности, в то, в каком мы стоим теперь. *Русская жизнь стала передвигаться на основании, общем с теми началами, на которых держится жизнь западноевропейских обществ*»²¹⁶ (курсив наш. – *Авт.*) Но, предупреждает историк, при том надо действовать своим умом, прилагая западные идеи к другой реальности, а не навязывать ей заученные клише.

Еще лучше сказал С.Ф.Платонов: «В условиях зарождения этих всесословных учреждений 1860-х годов кроется начало нашей *современности* (курсив наш. – *Авт.*), то есть тот момент, когда для нас кончается история и начинается действительность, занятая мучительными поисками новых форм общежития, которые приве-

ли бы Россию к гражданской правде и социальному счастью»²¹⁷. С Александра II Запад становится для России образцом развития, идея приблизиться к нему – догоняющей моделью модернизации, индустриализация, капитализм – целью, которую надо выполнить.

В XX век Россия вступила с этими заветами, о чем свидетельствовала политика С.Ю.Витте, быстрый рост капитализма и индустриализации. Но поражение в русско-японской войне, неудачи Первой русской революции, ошибочное вступление в Первую мировую войну, новая неудача Второй буржуазной революции привели к революции социалистической как обходному пути индустриализации и догоняющей модернизации, снова с применением насилия, но со старыми целями поднять и защитить страну, с новой ориентацией на передовое на Западе, но с учетом собственных возможностей.

Мы много писали о догоняющей модели модернизации, о ее реализации, в России, в том числе и коммунистической, в том числе и данном журнале²¹⁸. Индустриализм осуществился в двух формах – капиталистической и социалистической. Коммунизм дал вариант догоняющего развития.

И, наконец, новый век, давший России демодернизацию под флагом модернизации в 1990-е гг., повторяя неудачи двух других буржуазных революций. Глобализация как новый мегатренд, сменяющий модернизацию, потеря Западом статуса образца развития, многообразие моделей модернизации, решающих собственные задачи многих незападных стран на определенном уровне вестернизации, получивших название национальной модели модернизации. Россия, Китай и другие незападные страны движутся сегодня в этом русле. Наступило новое Новое время для незападных стран²¹⁹.

Русская система и ответственный класс

При всех трех периодизациях русской истории оказалось невозможным выйти за концептуализацию русской истории как истории государства Российского. Ю.С.Пивоваров и А.И.Фурсов, как уже было отмечено, обозначили «русской системой» – власть-народ, И она воспроизводится. Обычно это трактуется как отсутствие гражданского общества и активных звеньев политики, по-

мимо власти. Но, пережив не один распад властных систем, Россия обнаружила и другую сторону этой системы: народ выживал самостоятельно, проявив себя как источник спонтанности. Власть же – источник пафоса, целей, реальной политики, ограничитель спонтанности. На Западе между этими составляющими действительно существует гражданское общество. Русский мир – эта система власть–народ, взятая в метафизическом, религиозном и ценностно-культурном смысле. Источником метафизического восприятия русской жизни, русской нации, понятой не этнически, а как граждане России, является народ. Эта метафизика состоит в признании жизненной силы нации и ее спонтанности. Как раз отсутствие гражданского общества во всех смыслах (самоорганизации для контроля над государством, позднее и для контроля над бизнесом, плюс еще более позднее – взятие на себя части государственных функций) создает спонтанность, характеризовавшуюся Ф.М.Достоевским как живое присутствие Бога не земле и детскость как мораль душевного, эмоционального мира, а не рассудка и не разума. В этом корень преступления Раскольникова, который, потеряв мораль эмоций, не нашел ее в разуме. Русским приписывают мироотреченчество, стремление к справедливости, фатализм, вселенскость, совестливость, стыд – кажется один из немногих народов, у которых есть стыд (на Западе – вина), совестливость (Бог в человеке, соединяющий сущее и должное), победное чувство вместо достижительности (Л.Липовая), ценностно-рациональную, а не целе-рациональную ориентацию, метафизическую лень Обломова. Наряду со спонтанностью народа исследователи отмечают характерную для традиционного общества стереотипизацию поведения каждого человека, т. е. воспроизводство традиций, правил, которые мы обозначили как архаика. Человек в традиционном обществе делает то, что требует культура (К.Касьянова). Поступая, как принято – по программе действия, данного своей культурой, согласно этой точке зрения, – русский достигает большего, чем действуя по чужим правилам. Трагедия Раскольникова – это трагедия восприятия русским европейского мира, русское освоение черт умственной жизни – умения, планирования, умысла, замысла, релятивизма, рационализма, субъективизма, индивидуализма, построенное как отбрасывание российской спонтанности и совестливости. Раскольников – первый русский, искаженный евро-

пейскостью. Напомним лекции Хайдеггера о Достоевском, о книге Д.С.Мережковского «Толстой и Достоевский» – любимой книге на Западе, о М.М.Бахтине. Они дают понять, что Раскольников, кажется, вышел к схемам деятельности, не принятым в метафизике русского мира. Как совместить высоту метафизического русского мира с его эмпирическим безобразием? Как во всех традиционных обществах это совместимо, ибо неискренность в выборе между добром и злом, поиски абсолюта толкают к крайностям, детство, спонтанность толкают к ним.

Со времен Александра II Россия стремилась быть похожей на Запад и изживала свои комплексы, даже в советский период. Новая революция 1990-х вернула русскую систему. Проявилось то, что отсутствует среди ее идей – архаизация, демодернизация, анархизация – самопомощь и кооперация, бунт, клановость. Но капитализм утратил теперь метафизические начала, хотя его и стали делать по-русски. Можно ли построить капитализм, сделав русского американцем или западноевропейцем? Нет. Можно ли, оставляя его русским? «Нет», – считал М.Вебер, изучив русскую революцию 1905 г. «Да», – говорится в национальной модели модернизации. Например, при реализации капитализма как экономической машины, как мерседеса с сохранением культурных особенностей страны (автохтонный капитализм). Или признав, что незападный мир вступает в свое Новое время.

Таким образом, «русская система» теряет свои обвинительные оттенки в отношении российского общества.

Кроме того, идее гражданского общества нашелся русский эквивалент в концепции супругов Елисеевых, концепции ответственного класса²²⁰. Авторы полагают, что система «власть–народ» не могла бы работать, не имея власть того класса, который поддерживая власть и получая за это определенные привилегии, не стремился бы к тому, чтобы выразить общий интерес. Они приводят в пример сибирских купцов, которые отвечали не только за собственных торговых интересы, но и за освоение новых земель. Монастыри в Поволжье занимались широкой хозяйственной и проповеднической деятельностью. Казаки на окраинах государства должны были защищать его от нападений недружественных народов. Для приведения государственного аппарата в действия нужны были слои, способные это осуществить. Ответственный

класс, по их мнению, – это управляющий класс. Огромный служилый класс воспринимал себя как класс ответственный. Эта концепция расширяет стратификацию общества, пополняет социально-стратификационные представления (элита, власть, бюрократия и др.) понятием «ответственный класс», которое станет объединительным для разных слоев общества на основе ответственности за судьбу страны и будущее демократии; характеризует способность власти учесть интересы каждого посредством системы компромиссов, достижением российского «Хабиус Корпус Акт», которого потребовали много веков назад в большинстве своем неграмотные британские дворяне, поставив вместо подписи крестики. На Западе ответственный класс все больше требовал от власти поделиться с каждым долей властных полномочий. В России этого характерного для Запада постоянного процесса до сих пор не наблюдается. В течение нескольких дней династия Романовых в феврале 1917 г. покинула трон, не оставив взамен никакой системы и предоставив жителям страны найти самим способы управления. Последовала гражданская война и жесточайший выбор между национальным и социальным.

По существу в предложенных периодизациях народ или ответственный класс имплицитно присутствует. Последний присутствует до тех пор, пока способен сочетать свои интересы с общим благом, – бояре, дворяне, буржуазия приходили и уходили с исторической сцены, когда их корпоративный интерес превышал стремление к общему благу и модернизации страны. А «русская система» тоже присутствует, но на коротких дистанциях, когда власть теряет массовую опору и рычаги управления.

Итак, наша попытка периодизации российской истории на основе модернизационного критерия привела к выделению четырех этапов – древнего (архаического, доисторического); среднего (от Ивана III до Екатерины II включительно) – традиционного, исторического; нового – современного, инновационного, XIX в., в особенности правление Александра II, вставшего на путь догоняющей модернизации; новейший – современное развитие, догоняющая модель модернизации, продолжающаяся и в советский период и звучащая в намерениях лидеров посткоммунистического развития в 1990-е гг., на деле сваливших страну в архаику; и, наконец, национальная модель модернизации, основанная на вестернизации, но

утратившая образ Запада как универсальной модели и стремящаяся к собственному решению стоящих задач каждой страной. Эта периодизация показывает, что модернизация является имманентной составляющей российского развития, начиная с исторического, традиционного периода, хотя еще не является догоняющей. Она становится последней в XIX–XX вв. В XXI в. в связи с глобализацией и развитием капитализма в незападных странах – России и других посткоммунистических, в странах Азии – Запад перестает быть универсальным образцом развития и начинают преобладать национальные модели модернизации, основанные на вестернизации, но собственных приоритетах, трактовках и решениях проблем развития каждой страной. Побочным следствием этой трактовки является необходимость нового категориального аппарата исследования истории, в котором мы коснулись здесь концептов «русская система» и «ответственный класс». Это не единственные актуальные инновации отечественных специалистов. Сюда могут быть отнесены такие, как «вызов и ответ» (А. Тойнби, А.И. Уткин), «раскол» и «срединная культура» (А.С. Ахиезер, А.П. Давыдов), «волны и циклы» российской истории (В.И. Пантин), «прецедентные феномены российской культуры» (российские филологи, особенно воронежские, В.Г. Федотова, Т.В. Шарнаускне) как способ исследования культурного наследия, «константы культуры» (Ю.С. Степанов), «русский европеец» (В.К. Кантор), «неунифицированное будущее», «противостояние и баланс» (Л.И. Блехер, Г.Ю. Любарский). Полагаю, что решающее значение имеет метод В.И. Чесноковой усмотреть в историческом традиционном периоде российского развития те механизмы, которые аналогичны имеющимися на Западе, хотя обычно трактуется как признаки российской неразвитости. И такой аппарат будет развиваться, поскольку сегодня есть большая нужда в нем у человечества, ищущего пути совмещения характеров и культур с прогрессом материальной жизни.

Циклический характер российского развития

Концепция прогресса сменила идею циклического развития, характерного для традиционных обществ, в которых традиция подавляет инновацию. В последнем и состоит причина цикличности.

Прогресс обеспечивает инновацию, сохраняя традицию до тех пор, пока она не вредит инновации. При прогрессивном развитии, обеспеченном процессами модернизации, цикличность сохраняется, но только внутри контуров поступательного развития. По этой причине на нее не обращено должного внимания и обращается в основном в условиях экономических кризисов, связанных с циклами капиталистического экономического развития.

Однако проявление экономической цикличности происходит непредсказуемо и является своего рода ожидаемой неожиданностью. Есть другие циклы – нарастания прогрессивной направленности реформ, модернизационных процессов и следующее за ускорением этих процессов отступление от них, откат.

Российская история очевидным образом чередует реформы с откатами от них, с тем, что преобразования, которых ожидает общество, начинают осуществляться, но обрываются либо гибелью реформатора (Александр II), либо неспособностью общества справиться со слишком сильным ускорением развития, которое пытались осуществить реформаторы. В итоге реформаторы давали основание возврату реакции. То, что случилось с Александром II, отменившим крепостное право, установившим всеобщую избирательность, участие общественных сил в управлении обществом и открывшим дорогу буржуазии и началу российской современности, но убитым радикально настроенными революционерами, не оценившими его деятельности, – классический пример подобного цикла. Затухание проведенных преобразований под влиянием неадекватной им социальной среды, ценностей и образа жизни, постоянно сопровождавшее реформы в России – второй путь контрмодернизации.

Но судить о контрмодернизации лучше не по примерам, а опираясь на имеющиеся концепции и создавая их.

Цикл, включающий цепь «либерализация – реформы – революционаризм», требующий большего, – реакция – в XIX в. был объективно обусловлен противоречием между имеющейся потребностью в преобразованиях, отмене крепостного права и тем, что подобные меры подрывали бы социальную базу российского феодализма – дворянство. Как отмечает серьезный исследователь буржуазных преобразований в России Л.Е.Шепелев, «...насаждение капитализма было не целью торгово-промышленной политики царского правительства, а ее средством и органическим

следствием, причем во многих отношениях нежелательным для царизма»²²¹. При этом, отмечает автор, ссылаясь на Ф.Энгельса, царское правительство не вполне представляло последствия насаждения капитализма в стране: «Я убежден, – писал Ф.Энгельс в 1892 г., – что консерваторы, насаждающие в России капитализм, будут в один прекрасный день потрясены последствиями своих собственных дел»²²².

Среди концепций, которые характеризуют сочетание модернизационных и контрмодернизационных процессов как обычный, а не экстраординарный порядок развития, отметим следующие:

концепция рецидивирующей модернизации;
расширенное применение циклов Н.Д.Кондратьева;
теория системных циклов накопления капитала Дж.Арриги;
теория волн Э.Торффлера;
теория центра и противочентра развития;
теория великих трансформаций капитализма и капиталистического общества.

Рассмотрим их по порядку.

Концепция рецидивирующей модернизации не рассматривает модернизацию как неуклонное прогрессивное развитие. Она представляет ее как поступательное развитие, которое прерывается ввиду множества причин. Среди последних назовем следующие: отсутствие учета готовности страны к модернизации, пренебрежение особенностями переходного периода, пренебрежение социальной ценой, которую надо заплатить за ускоренное развитие, игнорирование неравномерного развития страны, глубоких различий ее центра и периферии, усиление социальной нестабильности, появление коллективного стресса, аномии, апатии, рост криминала, нарастание неравномерности развития, архаизация и пр. Как писала видный исследователь этого вопроса Н.Ф.Наумова, «рецидивирующая, т. е. периодически возвращающаяся, модернизация “вдогонку” с ее высокими социальными последствиями и высокой человеческой ценой – один из ключевых элементов суровой истории России... эта история вызвала опережающие, “готовые” реакции человека не только на драконовские реформы, но и на другие элементы своей суровости. В результате формировалась система рациональных, т. е. социально и личностно эффективных ответов человека на вызовы исторической

судьбы»²²³. Соглашаясь с автором, не могу не отметить, что наряду с привычными реакциями рационального характера, имеющие место «готовые», как говорит она, реакции имеют, скорее, не рациональный, а архаический и архетипический характер. Архаика «вылезала» всякий раз при разрушении пластов приобретенной культуры. Это была одна из причин контрмодернизации.

Расширенное применение циклов Н.Д.Кондратьева. Согласно Н.Д.Кондратьеву – крупному экономисту – есть волны, которые затрагивают мир в целом, и они весьма продолжительны (40–60 лет). Они связаны с развитием инноваций, экономической политикой, социальными процессами, наличием войн и революций. Существуют и короткие волны. Длинные волны могут составлять «повышательную» фазу мировой экономической конъюнктуры и ее продолжительную «понижательную» фазу – низкой мировой экономической конъюнктуры. Кондратьев имел в виду экономические циклы. Но его концепция применяется и в более широком масштабе, в частности, для характеристики модернизации и контрмодернизации в России.

Применяя теорию длинных волн, некоторые исследователи при анализе циклов сопоставляют мировую и российскую цикличность, связанную с цикличностью рыночных преобразований. Цикличность развития определяется, прежде всего, неравномерностью модернизации, тем, что она по-разному затрагивает различные сферы общества, и ускоренное развитие одних вызывает протест со стороны других, отстающих и страдающих от успехов, чаще всего, экономики, наносящей ущерб другим сферам.

Согласно историку В.Т.Рязанову можно наблюдать волны реформ и сопутствующих им контрреформ в мире, а не только в России. Первая волна реформ в Великобритании, Швейцарии, Франции и Бельгии была в 1782–1825 гг., а откат к контрреформам состоялся в 1825–1845 гг. Вторая волна реформ состоялась в Германии и в США в 1845–1872 гг., а откат произошел в 1872–1892 гг. Третья волна обеспечила подъем Японии, России, Дании, Швеции, Норвегии, Нидерландов, Австрии, Аргентине, Бразилии, Турции 1892–1929 и их спад в 1929–1950. Четвертая волна коснулась Мексики, Индии, Китая, Тайваня, Ирана, Тайланда в 1948–1973 с последующим спадом²²⁴. В России В.Т.Рязанов находит пять волн подъема: первая – 1801–1820; вторая волна – со

второй половины 50-х до середины 70-х XIX в., в особенности отмена крепостного права в 1861 г.; третья волна – с 90-х XIX в. по 1914 г., связана с деятельностью С.Ю.Витте. Далее революции прерывают модернизационное развитие. Четвертая волна возникает в 40–50-е гг. XX в. Появляется рынок в СССР, осуществляется денежная реформа 1947 г. Пятая волна – 50–60 гг. XX в., когда ослабляется централизованное управление и Маленковым впервые в СССР выдвигается идея приоритета легкой промышленности над тяжелой, свидетельствующая о переходе к задачам подъема жизненного уровня населения.

Существует множество периодизаций волн развития с различающимися датами, но в основном в приблизительном сходстве с тем, как считал сам Кондратьев²²⁵. С относительно сходными характеристиками периодизация подъема и падения (повышения и понижения) описывается и другими историками как в отношении Запада, так и в отношении России.

Теория циклов Кондратьева неплохо обобщает прошедшие эпохи подъема и спада, но будущее предсказывает плохо, разве что в общей форме неизбежности спада. Многие ободряются в отношении предсказательной функции этой теории. Так, взяв короткий цикл как 12-летний, утверждает вполне справедливо, что за революцией 1905 г. последовала (5+12) революция 1917 г., а затем (17+12) события коллективизации 1929 г., потом (1929+12) – Великая Отечественная война. Далее (1941+12) – смерть И.В.Сталина в 1953 г. Потом (1953+12) – 1965 г., трактуемый как год первой советской попытки либерального реформирования экономики. Затем (1965+12) 1977 г., которому стали придавать решающее значение дл последующих изменений. Далее (1977+12) – 1989, время столкновения М.С.Горбачева и Б.Н.Ельцина, решающее для России. (1989+12) – 2001 г. – пик путинских перемен. Надо ждать чего-то в 2014 г. Увы, это не метод, потому что это уже известный метод – индукции, предсказательная сила которого ограничена, но в познавательном смысле он имеет значение.

Теория системных циклов накопления капитала Дж. Арриги. Идея волн получила развитие и в концепции коротких и длинных веков истории, определяемых по их насыщенности событиями. Так, по мнению А.Фурсова, существуют «длинные века» – XVI (1453–1648), XIX (1789–1917) и «короткие века» – XVIII (1715–1789).

Коротким, по его мнению, является и XX в. (1917–1991). Здесь века взяты не как хронология, а как содержательное единство определенного времени, составляющего суть хронологического века, но не ограниченного его начальными и конечными хронологическими датами²²⁶.

Работа с понятием цикла, волн отличается в методологическом плане поисками возможностей перехода от метафоры к теории. Циклы можно выделить по разным основаниям. И потому у недавно умершего выдающегося американского исследователя Дж. Арриги мы обнаруживаем другой взгляд на XX в. – он длинный, и даже книга этого автора называется «Долгий двадцатый век»²²⁷. Арриги близок Ф.Броделю. Согласно его теории капитализм не равен рынку, не равен индустриализации. Он равняется системным циклам накопления капитала, состоящим в подъеме определенных регионов мира и их последующем падении. Арриги выделяет несколько системных циклов накопления капитала. Первый из них – генуэзский, второй – голландский. Третий – британский. Четвертый – американский. Арриги отмечает: «Вековые колебания, в ходе которых происходила смена... стадий “экономической свободы” “экономического регулирования”, соответствует нашей последовательности системных циклов накопления. Генуэзский режим качнул маятник от крайне регулирующего духа капиталистических городов-государств XIV – начала XV в. (например, Венеции. – *В.Ф.*) к сравнительной экономической свободе системы капиталистических “наций”... Голландский режим, напротив, качнул маятник назад – к прямому участию правительств в поддержке и организации мировых процессов накопления капитала либо напрямую, либо через формирование акционерных компаний, призванных выполнять правительственные функции во внеевропейском мире. В следующий раз маятник качнулся с ростом и полным развитием британского режим который действительно воспроизвел феномены XVI в. с “десятикратной силой”, создав системные условия, при которых американский корпоративный капитализм сначала возник, а затем стал доминирующей структурой накопления всего мира-экономики»²²⁸. Эта экономика зависела от скорости потому двадцатый век вмести в себя очень многое, стал длинным.

Если в расширительном применении теории циклов Кондратьева я вижу полезную метафору, циклы Арриги представляются мне выделенными очень точно и способными дать более концептуальную основу мирового развития капитализма и капиталистических обществ.

Теория волн Э.Тоффлера. Согласно американскому исследователю А.Тоффлеру, первая волна перемен характеризовалась возникновением сельского хозяйства и возникла 10 тысяч лет назад. Вторая волна соответствует переходу к индустриальному развитию. Он предсказал Третью волну: «Первая волна перемен – сельскохозяйственная революция – потребовала тысячелетий, чтобы изжить саму себя. Вторая волна – рост промышленной цивилизации – заняла всего лишь 300 лет. Сегодня история обнаруживает еще большее ускорение, и вполне вероятно, что третья волна пронесется через историю и завершится в течение нескольких десятилетий»²²⁹. Третья волна, по мнению автора цитируемого труда, одновременно продолжает традиции индустриализма и отрицает их. Ее смысл – электронные технологии и консьюмеризм. Тоффлер опубликовал свою книгу в 1980 г., и это был интересный и доступный прогноз. Сегодня многие ожидания Тоффлера оправдались. Но не все. Он ожидал, что новая волна сметет все остатки индустриализма и четко выражал эту надежду: «Мы живем в завершающий, кризисный период безвозвратно отступающего индустриализма. Индустриальная эпоха уходит в историю. Рождается новая эпоха»²³⁰. Однако сегодня мы видим, что Запад занял командные высоты в мировом индустриальном производстве, перенося его самого в посткоммунистические страны и страны Азии, те регионы незападных стран, в те регионы, которые вступили в капитализм, а, вместе с тем в массовое общество (Тоффлер прогнозировал его исчезновение) и в консьюмеризм. Это новое Новое время для незападных стран, и сценарии развития здесь связаны с попыткой пойти по пути национальных моделей модернизации (вестернизации и решения собственных проблем собственными методами, направленными на сохранение своей цивилизационной идентичности), либо (не исключено) выработки новых моделей развития или попытки повторить западный путь. Модернизация и контрмодернизация здесь имеют место.

Новая эпоха была предсказана также Дж. Несбитом как новый мегатренд и Д. Беллом как постиндустриальное общество. Их сочинения завораживали и многое предсказывали, но не то, что произошло.

Теория центра и противочентра развития. Эта теория складывалась под влиянием И. Валлерстайна с его теорией центра и периферии, С. Роккана и других исследователей, касавшихся этого вопроса, а также идеи волн и циклов развития, выдвинутых вышеупомянутыми авторами. В этой теории поддерживается представление о мегатренде, ведущем к универсальной цивилизации, которое мы видели у Тоффлера. Ведь Тоффлер говорит о мире в целом, о его развитии, хотя изменения указанного им рода происходят сначала на Западе. Признание вечности западного лидерства содержится и в концепции центра и противочентра развития. Так, В. В. Лапкин и В. В. Пантин в совместной работе пытаются показать, что есть мировые тенденции, отвечать на которые приходится и отдельным государствам. Причем страны центра, которые бросали вызов странам противочентра, сегодня вынуждены отвечать и на их вызовы. Так, «со второй половины XX в. Соединенным Штатам, ставшим экономической и политической супердержавой и лидером Запада, противостоял Советский Союз»²³¹. Советский Союз стал противочентром, заботящимся о своей имперскости, в отличие от США, стремящихся утвердиться как нация, и в качестве такового препятствовал достижению универсальной цивилизации. «Уши» догоняющей модели модернизации здесь видны вместе с ее идеологической направленностью, возобладавшей в посткоммунистической России конца XX в. Вместе с тем объективность толкает данных авторов к очень существенному заявлению: «Иными словами, “противочентр” представляет собой “вызов” (в том смысле, в котором употреблял этот термин А. Дж. Тойнби, – добавляют авторы в сноске), на который “центр-лидер” и вся структурированная им многоцентровая система должны дать эффективный “ответ”, чтобы выжить и перейти на новый уровень развития»²³². При этом «повисает» идея универсальной цивилизации, источником которой является Запад, концепция догоняющей модернизации, ибо незападные страны создают свой вызов. И сегодня мы видим, сколь огромен этот вызов со стороны Китая, Индии, Бразилии, России (именуемых странами БРИК) и сколь вероятен сценарий

смены лидеров развития²³³. Модернизация и контрмодернизация действительно становится мировым процессом, но совсем иного рода, чем предполагали исходя из догоняющей модели: Запад может подвергнуться контрмодернизации и уступить дорогу странам нового капитализма из числа незападных стран.

Теория великих трансформаций капитализма и капиталистического общества. Высказанная выше мысль развивается нами в концепции трех великих трансформаций и стадий в развитии капитализма²³⁴. Первая великая трансформация началась посредством замены рынков традиционных обществ, подчиняющихся этим обществам и способствующих их воспроизводству, все большим превращением их в свободные рынки, участвующие в изменении самого общества, чему способствовала Вестфальская систем суверенных национальных государств, индустриализация, роль государства. Капитализм явился формой поступательного развития, прогресса, создавшего лучшие условия жизни и способствуя увеличению населения. Маркс, будучи критиком капитализма, отмечал его цивилизующую миссию. Ренессанс, Реформация и Просвещение подняли Западную Европу за счет по существу одного нового ресурса – автономного, рационального индивида, взявшего на себя ответственность за собственную жизнь. *Первая великая трансформация – генезис капитализма, его вызревание и развитие классической фазы, первой глобализации 1885–1914 гг.*

Либеральный капитализм XIX – начала XX в. сложился в своей классической форме, но не оставался неизменным: его эволюция уже была заложена в том, что он достиг определенной, по-своему завершенной фазы. Генезис капитализма, XIX в. (индустриальная революция, образование буржуазных наций и первой глобализации), переход к которым является *Первой великой трансформацией*, формирует Первую современность, которую можно назвать *Первой либеральной современностью*.

1914–1990 – между глобализациями, переход к данному этапу мы называем *второй великой трансформацией*, а вторую, простроенную на этом пути современность – организованной современностью, завершающуюся с 70-х гг. XX в. резкой дезорганизацией. В этот период развивается потребительское общество на Западе как перенос производителя в сферу потребления, обеспечивающего развитие производства. Растет массовое общество, устраняю-

щее как автономного (модульного, по определению Э.Геллнера), так и экономического человека и заменяющего их человеком потребляющим.

Однако организованная современность взрывается кризисом 1970-х гг. XX в. резкой дезорганизацией. Немецкий социолог П.Вагнер пишет: «...кризисы существуют, когда не выполняются репродуктивные нужды системы... (не работают. – *Авт.*) институты как стабильные сети социальных конвенций, и мы можем смотреть на образование таких институтов как на процесс конвенционализации, и кризис будет отмечен тенденцией к реконвенционализации, за которой последует следующая сеть конвенций... Кризисы тогда могут быть объяснены как периоды изменения индивидами и группами своих социальных практик...»²³⁵. Кризис вызывают процессы, которые нельзя объяснить в рамках старых концептуальных средств. Это – вызов Азии, подъем Японии и других азиатских «тигров», студенческие бунты конца 1960-х, направленные на дезорганизацию организованной современности. И постмодернистские умонастроения и объяснения, не создающие новой конвенции.

Доклассический капитализм показал, что традиция имеет значение, и рынки – это всего лишь новый экономический механизм. Классический капитализм показал, что рынки и экономика имеют преобладающее значение и подчиняют себе общество. Неклассический капитализм XX в. попытался высвободить общество, поставить его над или рядом с рынками и экономикой. Третья великая трансформация к постнеклассическому капитализму направлена на высвобождение общества вместе с выдвижением на значимые места политики, этики и культуры. Это позволило нам выделить новые изменения, называемые нами Третьей великой трансформацией. Насущная задача анализа Третьей великой трансформации капитализма совпадает с объективно начавшимися изменениями – убыванием значимости либеральной идеологии как в США, так и в странах посткоммунистического блока, появлением новых капиталистических стран в Азии, ослаблением тенденций второй глобализации. Эти тенденции мы обозначаем как начало Третьей великой трансформации, которая вновь решает прежде нерешенные и вновь возникшие вопросы.

1990-е – настоящее время – это Третья великая трансформация с ее начальным *неолиберальным этапом и последующим развитием капитализма, индустриализма и хозяйственных демократий как национальных государств разного типа, автохтонных капитализмов в посткоммунистическом мире и ряде стран Азии, а так же развитием хозяйственных демократий при авторитарном ил коммунистическом правлении, образующим Третью современность. Этот термин и характеристика процесса целиком предложена нами.* «Станция», на которую мы прибыли сегодня, имеет много названий. Среди них – «индустриализм азиатских и латиноамериканских обществ», «постиндустриальное общество Запада», «информационное общество», «вторая глобализация» – конец 90-х – настоящее время.

Можно предложить два макросценария автохтонных капитализмов:

1) удержание рыночного механизма в рамках имеющейся социально-культурной или политической специфичности. Он основан на обеспечении политической и цивилизационно-культурной защиты общества от господства западной экономической машины, которую стремятся применить как автомобиль «Мерседес». Но поскольку на Западе в Первую великую трансформацию была такая же позиция, но не удалось сдержать господства экономики над обществом, возможен второй сценарий: 2) Новое Новое время для незападных стран. Незападные капитализмы начнут эволюционировать в сторону подчинения общества экономике.

БРИК – новый тип развития стран, осуществляющих вестернизацию, но не следующих догоняющей модели развития. Многие, особенно А.И.Некlessа, констатируют сохранение, но уменьшение роли государства; рост значимости ТНК и других самоорганизованных субъектов; переход к посмодернистской эклектике; неподходящесть старых методологий. Мы констатируем в некоторой мере противоположное – сворачивание глобализации, рост влияния государств и национальных интересов, неустранимость в ТНК и пестроте социальных инноваций и группирований национально-государственного видения или его следов, смену методологий с констатации эклектического состояния и иронии невнятного постмодерна к внятному новому модерну как самого Запада, так и незападных стран.

Это самый большой цикл истории, завершение 500-летнего подъема Запада.

Глава 9. Социальные практики изменяющегося общества и институциональная модернизация

Сегодня в спорах о путях и перспективах модернизации российского общества ссылки на необходимость учета российского социокультурного контекста стали общим местом. В научной и публицистической литературе высказываются различные мнения о степени зрелости культурных предпосылок модернизации, факторах, способствующих или препятствующих ей. Между тем культурная специфика российского общества не существует изолированно, вне того качества социальных связей, организаций, субъектов и их отношений, которое присуще современному российскому социуму. Это именно социокультурная среда реализации российских нынешних модернизационных проектов, возникающая не только под влиянием инерции исторических традиций, векового наследия прошлого, но и в результате действия общих для всех развитых стран научно-технологических тенденций последних десятилетий, а также в итоге процессов социальной трансформации, берущих начало с середины 1980-х гг. Иначе говоря, мы пытаемся модернизировать изменяющуюся, в определенной мере стихийно трансформирующуюся социальность.

Российские перемены и проблема солидарности

Российские социологи уже не раз пытались оценить эти перемены. «Важнейший результат трансформационного процесса, пишет Т.И.Заславская, – изменение трех социетальных характеристик общества: институциональной структуры, социально-групповой структуры и человеческого потенциала»²³⁶. С позиций социально-философского анализа это означает, прежде всего, изменение качества социальных связей, поскольку изменения охватили не только самих действующих субъектов, но и их «правила игры», принципы и формы организации, «программирование» их деятельности.

Было бы неверно видеть в этом изменяющемся качестве лишь проявления деструкции и деградации: оно возникло как следствие не только субъективного произвола или идеологического диктата, но и объективных, прогрессивных по своему цивилизационному потенциалу факторов. С другой стороны, стихийность и бессистемность социальных инноваций создавала атмосферу социального хаоса, когда процессы распада и разрушения старого и становление нового не были синхронизированы.

Диагностируя характер и направленность этих перемен, нельзя не учитывать, что при всей политико-идеологической изоляции от Запада, советское общество не могло не испытывать на себе разноплановое и противоречивое воздействие научно-технической революции. Это воздействие, часто дополняемое не всегда эффективным политико-административным вмешательством государства, привело не только к усложнению социальной стратификации общества, но и к его маргинализации. Следствием этого процесса стали размывание статусных и групповых различий, появление новых, далеко не всегда конструктивных, стратегий и стилей социального поведения, эрозии ценностей и стереотипов сознания. Распад СССР и переход к рынку еще более усилил тенденцию к маргинализации общества, добавив к числу социальных патологий системную дисфункцию институтов и повсеместное распространение теневых социальных практик.

При этом важно не упускать из виду два существенных обстоятельства. Во-первых, тот факт, что нынешнее российское общество испытало на себе мощную «субъектную деструкцию» «неуправляемого распада» перестройки и неэффективного менеджмента посткоммунистических реформаторов, не должен мешать нам видеть главное: объективный процесс, обуславливающий необходимость изменения качества российского социума, заключающийся в глобальном переходе от индустриальной фазы развития общества к постиндустриальной, информационной; от культуры позднего модерна к обществу новых культурных образцов, стилей и ценностей. Становление в нашей стране многоукладной экономики, утверждение социального и политического плюрализма, освоение нашими соотечественниками современных технологий позволяет нам в гораздо большей мере, чем ранее, соотносить социальные процессы в России с развитием ведущих западных и незападных

обществ, рассматривать российские социальные изменения в контексте общих проблем глобального социального развития, анализируемых современной философией и обществознанием.

Во-вторых, большая часть деструктивных проявлений охватила макроуровень социального бытия. Именно здесь институциональные дисфункции и разрушение прежнего социального порядка воспринимались как хаос. В свою очередь институциональные инновации охватили «большое общество», уровень политической и гражданской публичности, находящийся за пределами повседневности, на уровне которой механизмы самосохранения, равно как и адаптационные механизмы, сработали быстрее и с меньшими потерями. Как отмечает П.М.Козырева, «наиболее устойчивыми к воздействию неблагоприятных факторов, инициированных трансформационными процессами, оказалось ближайшее окружение, сохранившее необходимый уровень доверия и взаимопонимания между людьми, который помогает многим не терять уверенности в себе и с оптимизмом смотреть в будущее»²³⁷. На уровне малых групп, первичных коллективов сохранились отношения солидарности, ткань социальных связей оказалась наименее травмированной, способной продуцировать новые связи и социальные формы.

В основе этой социальной солидарности лежит реализация фундаментальных потребностей в общении, защите, освоении новых социальных ролей, закреплении и повышении своего социального статуса. Поскольку все это в современном обществе требует как определенного уровня индивидуальной зрелости, персональности, так и одновременного присутствия человека в нескольких социальных контекстах, возможности их смены и комбинации, то общество придает человеку определенное социальное качество, продуцирует определенный тип личности – *ассоциированную индивидуальность*.

Пытаясь соединить идею солидарности с признанием ценностей суверенного мышления и действия, Р.Рорти задается вопросом об объективных основаниях солидарности. Для него солидарность – это не сходство убеждений или целей, а идентификация с человечеством как таковым в сочетании с самосомнением в пригодности современных институциональных механизмов для устранения человеческой боли и унижения²³⁸. Экзистенциальная окраска такого понимания солидарности не случайна: в совре-

менном обществе резкие социально-классовые различия замещаются другими, не столь утилитарными, как различие доходов, и явными, как отношение к собственности. Солидарность в современном понимании – это еще и спонтанный вызов структурам социального государства, добровольное желание помочь ближнему. В этой тяге к коммуникации, активному общению, соучастию проявляется потребность в коллективных формах организации жизни. П.Розанваллон с полным основанием констатирует: «...не найдя новый способ укрепления коллективизма, нам не удастся воскресить солидарность»²³⁹.

Показательно, что и Р.Порти, и П.Розанваллон отмечают ограничения солидарности. Для первого не может быть солидарности в том, что составляет атрибуты либеральной личности (в убеждениях и целях). Для второго «чувство солидарности... “плавает” между чем-то очень близким и чем-то очень далеким», между узкогрупповой, корпоративной замкнутостью и театральной благотворительностью «гуманитарной помощи»²⁴⁰. Таким образом, включенность индивида в общности и иные социальные структуры оказывается неполной, относительной, зависит не столько от объективных обстоятельств, сколько от сознательного выбора человека. Перед нами не уподобление социальной целостности, не растворение единого во многом, индивидуального в социальном, а специфическая связь ассоциации, сообщества, основанное на частичном и временном совпадении интересов, ценностей и установок. Благодаря возможности ассоциированного включения в общность, индивидуальность, сохраняя свою автономию, получает известную устойчивость и предсказуемость положения, обретая в то же время перспективу и новые возможности развития.

«Модульный человек» и социальные институты

Э. Геллнер называл буржуазного человека модульным, имея в виду прежде всего автономного ответственного человека эпохи либерального капитализма XIX в. «Его модульность, – писал он, – это способность в рамках данного культурного поля решать самые разнообразные задачи»²⁴¹. Но не исключено, что именно такой человек мог бы возникнуть в западных странах нового капита-

лизма. Свободный вход и выход из социальных и политических ассоциаций, возможность перехода из власти в оппозицию, из государственных структур в общественные, изменения культурной идентичности – вот лишь некоторые проявления модульности, которые позволяют естественно и органично изменять «институциональный интерьер» общества. «И только современный модульный человек, – резюмирует Э.Геллнер, – является одновременно и индивидуалистом, и эгалитаристом, и, тем не менее, отличается способностью, объединяясь со своими согражданами, слаженно противостоять государству и решать задачи в диапазоне, невероятном по своему разнообразию»²⁴².

Необходимо подчеркнуть, что возможность «модульного» участия в жизни общества далеко не всегда превращается в действительность, поскольку даже избирательное и добровольное включение в социум сопряжено с разного рода личными ограничениями, отказом от достижения некоторых целей, появлением новых обязанностей. Как точно подметил З.Бауман, «основное противоречие в нашем обществе в его современной расплавленной и децентрализованной стадии, которое мы должны быть готовы встретить, чтобы проложить путь к действительно независимому обществу, – это противоречие между способностью принять на себя ответственность и стремление найти убежище, где не нужно отвечать за собственные действия»²⁴³. Здесь тоже речь идет о Западе, но подобная оценка применима и для характеристики некоторых социальных групп в современной России. Многообразные формы социокультурного эскейпизма так же характерны для современной социальности, как и «модульность» социального участия. При этом он далеко не всегда проявляется в стремлении к добровольному затворничеству в собственном замке из слоновой кости. Социальный инфантилизм, основанный на расчете (своеобразный инфантильный рационализм), стремление стать клиентом влиятельного патрона, поиски надежной бюрократической, политической, криминально-силовой «крыши», желание во что бы то ни стало реализовать навязываемый рекламой стиль поведения «живи – играй!» – вот лишь некоторые проявления современного эскейпизма.

Бинарность «модульного человека», сочетание в ассоциированной индивидуальности социального активизма и эскейпизма ставят вопрос о специфике конструирования и функционирования

современных социальных институтов. Полемизируя с социальной философией либерализма, О.Хеффе справедливо указывает на глубинный антропологический характер потребности человека в помощи и воспитании²⁴⁴. Эта потребность, в определенные периоды жизни человека совпадающая с потребностью в его самосохранении и выживании, реализуется при помощи социальных институтов, облегчающих ориентацию в мире, избавляющих человека от хаотической активности, оптимизирующих выбор приоритетных целей и ценностей, а также обеспечивающих их согласование. Современные социальные и политические институты, как полагает О.Хеффе, подобно полису у Аристотеля, ориентированы не на одну лишь функцию человеческого выживания – они позволяют сделать жизнь человека в обществе достойной и совершенной²⁴⁵, т. е. задают определенное качество жизни. Достойное современного человека социальное бытие обеспечивается совершенством программы организации деятельности, которую предлагают ему социальные институты, степенью сочетания в ней, с одной стороны, гибкости, возможности выбора, действенности мотивов и стимулов, с другой – жесткости ограничений, дисциплинирующего начала.

Удачным примером такого баланса является правовой принцип диспозитивности, позволяющий сторонам правоотношения самим определить и зафиксировать в соглашении «правила игры» и лишь затем, в случае если стороны не воспользовались данной возможностью, вводить обязательное для всех требование. Превращение его в принцип институционального строительства предполагает, во-первых, внимание к социальным практикам повседневности, отказ от доминирующего в российской элите сугубо идеократического, доктринального способа конструирования и внедрения новых социальных и политических институтов, когда предлагаемый сверху алгоритм действий плохо согласуется с имеющимся у людей социальным опытом, со сложившимися образцами поведения. Примененный к экономическим институтам, этот принцип предлагает не навязывать хозяйственной деятельности искусственно сконструированные правовые нормы, а легализовывать уже существующие нелегальные нормы и практики. Разумеется, не всегда можно обойтись лишь одной легализацией: далеко не все, что дает стихийная практика самоорганизации и самоуправления, может быть легитимизировано в масштабах обще-

ства. Институциональное строительство по сути является механизмом селекции новых жизнеспособных и одновременно цивилизованных форм организации социальной жизни.

Во-вторых, диспозитивность исходит из наличия в обществе множества вариантов решения проблем, что должно отражаться в плюрализме возможностей действия субъектов в рамках любого социального института.

Плюрализм возможностей и проблема выбора

Особенно важен плюрализм возможностей в институтах, связанных с самосовершенствованием личности (институты образования, воспитания), с реализацией их базисных потребностей (здравоохранение, социальная помощь, рекреация). При этом отстаивание плюрализма институциональных программ не может абстрагироваться от рамок ценностного консенсуса общества, стилично поддерживающегося негласной культурной конвенцией.

В-третьих, диспозитивность предполагает, что субъекты мотивированы делать выбор, поскольку в ином случае утрачивают свободу и обязаны подчиниться воле законодателя. Институциональные программы современных обществ должны включать в себя механизм, стимулирующий граждан делать выбор, поощряющий использование предоставленных им прав, ограничивающий или предельно затрудняющий возможность уклонения от гражданских обязанностей и социальной ответственности. Данный механизм не является механизмом санкций в юридическом смысле слова: он карает не прямое нарушение права, а менее опасные уклонения в его использовании, может включать в себя утилитарные и неутилитарные стимулы. Его существование и публичное действие призвано поддержать социальную активность, укрепить отношения солидарности и взаимопомощи, стимулировать социальную самоорганизацию и тем самым минимизировать проявления эскейпизма. Так или иначе, при помощи социальных институтов общество на разных стадиях исторического развития предписывает своим членам исполнение определенных социальных ролей, а иногда и принуждает к этому. В современном обществе механизм такого предписания нуждается в корректировке.

Ускоренный темп социальных изменений, их непредсказуемость сегодня анализируются в концепциях «общества риска» как факторы, усиливающие социальную нестабильность. Как отмечает Е.А.Аврамова, государственным и общественным институтам «необходимо стимулировать поиск вариантов (адаптационного поведения. – *Авт.*) с максимально ожидаемой полезностью в условиях, когда знание о будущем носит вероятностный характер»²⁴⁶. Но если такое стимулирование отсутствует или неэффективно, а будущее неопределенно или таит в себе скрытые угрозы, общество движется вперед «наощупь», предлагая своим членам испытать разные варианты социального действия методом проб и ошибок, причем действия, результаты которого можно проверить не в перспективе, а здесь и теперь.

Одним из неоднозначных проявлений «модульности» современного человека является его включенность, преимущественно, в короткие жизненные проекты, что иногда оценивается как проявление аномии²⁴⁷. Безусловно, в ряде случаев отказ людей от долгих жизненных планов, нежелание думать о перспективных последствиях своих действий, связанные с этим примитивное приспособленчество к ситуации, ценностный релятивизм и безответственность отражают распад социальных связей, нормативный вакуум, дисфункцию социальных институтов. Однако коль скоро, как признают сторонники указанной точки зрения, «объективным основанием субъективного сокращения людьми перспективного видения социального пространства» является своеобразное «сжатие» социального времени вследствие резкого возрастания темпов социальных изменений, непредсказуемости их результатов, а также «сужение социального пространства... с точки зрения возможности соотнесения себя с иными», связанное с использованием новых коммуникативных возможностей человека²⁴⁸, то не являются ли короткие жизненные проекты формой приспособления человека к изменяющейся социальной реальности? Как и всякая форма приспособления, они отражают противоречивость происходящих социальных изменений.

Включенность в короткие социальные проекты может выражать растущую социальную мобильность личности, активный поиск ею собственной идентичности, ее способность встраиваться в различные, в том числе инновационные социальные среды.

Характер современной экономики, информационная насыщенность общества требуют от работника мобильности на рынке труда, способности и готовности к смене профессии, получению дополнительного или нового образования, что также стимулирует распространение коротких социальных проектов.

Сокращение времени присутствия личности в том или ином социальном контексте отражает и такую особенность современных обществ, как широкое распространение в нем временных социальных объединений. Это и временные творческие коллективы ученых или изобретателей, управленческие команды, собранные лидером-руководителем, общественные движения, ориентированные на решение определенной проблемы и не имеющие фиксированного членства, наконец, электоральные общности, чье существование ограничивается несколькими неделями или месяцами. Часто эти объединения не исчезают полностью, а претерпевают кардинальную трансформацию, меняя свое качество или направленность деятельности. Их существование – отражение того, что в современном обществе преобладают гибкие социальные организации, способные к самоорганизации и свободно адаптирующиеся к условиям среды.

И хотя далеко не всегда эти объединения являются результатом манипулятивного воздействия извне, отношение к ним у социальных исследователей чаще бывает настороженно-критическим. З.Бауман называет их «гардеробными сообществами», объединенными зрелищами, когда каждый из их участников, подобно вещам в гардеробе, оставляет на время в стороне надоевшие ему социальные роли, объединяется с остальными людьми в зале краткосрочной иллюзией общих чувств²⁴⁹. Представленное в образе «карнавального сообщества», такое временное объединение людей позволяет дать волю экспрессии, снять утомление, «выпустить пар» недовольства, оставив без изменения социальный порядок и облегчая возможность легкого возвращения личности к его рутине. Вместе с тем сообщества подобного типа, по З.Бауману, создают иллюзию подлинной, глубокой, не поверхностной, а потому устойчивой социальности. Одна из их целей – «эффективно предотвращать конденсацию “истинных” (то есть полноценных и долговременных) сообществ, которые они имитируют и (обманчиво) обещают воспроизвести или породить на пустом месте»²⁵⁰.

Пафос обличения поверхностности и внутренней фальши такой псевдосоциальности, стилизующейся под модные и престижные социальные образцы, оправдан в том смысле, что такие сообщества часто являются порождением маргинализации и пробуждают в людях отнюдь не самые лучшие, а подчас и откровенно низменные страсти и наклонности.

Переход от маргинализованных и временных сообществ к устойчивой социальной структуре

Правомерно поставить вопрос, можно ли трансформировать короткий социальный проект в длительный, а временное сообщество в устойчивую социальную общность? Является ли короткий жизненный проект только воплощением социальной дезорганизации или он при определенных условиях может стать строительным материалом нового общественного здания? Если полагать, что программы деятельности людей в обществе – как краткосрочные, так и долгосрочные, – формируются и реализуются социальными институтами, то ответ на этот вопрос следует искать в их организации и функционировании.

Можно, конечно, считать, что планирование жизненной стратегии – акт сугубо личный и все дело здесь в индивидуальной системе ценностных координат. Однако нас интересует не просто программа деятельности как умозрительный конструкт, а программа, имеющая шансы на признание и реализацию в обществе. Программа деятельности, как легитимированная в обществе система приоритетов, в том числе и ценностных, и является тем институциональным продуктом, который обществом предлагается в творческое пользование отдельным личностям. Патриархальная (крестьянская) семья потому была длинным и чрезвычайно устойчивым проектом, что ее жизненная программа легитимировалась культурной традицией. Сегодня уповать только на время, формирующее и закрепляющее традицию, значит подвергать себя риску безнадежно отстать от ускоряющегося темпа перемен и новых вызовов. Современное институциональное конструирование превращается, таким образом, в оптимизацию социального времени.

Социальное время, организуемое традицией, циклично. Многократное повторение конструируемых, пусть даже с использованием манипулятивных приемов, социальных циклов означает всякий раз воспроизводство временных сообществ. Фиксируясь социальной памятью, эти циклы формируют у людей, так или иначе участвующих в них, определенные установки и потребности, которые со временем – в каждом случае свой интервал – дополняют активность сверху активностью снизу. Так из выборов в парламент формируется традиция парламентаризма, из местного самоуправления традиция гражданской самоорганизации. Социальные технологии и политика формирования коллективной памяти могут «сжать», хотя и в весьма ограниченных пределах, социальное время становления новой традиции, а вместе с ней новых социокультурных идентичностей, лежащих в основании длительных социальных проектов.

Собственность и ее институциональная программа – стать собственником, закрепить собственность, преумножить ее и передать по наследству (в другие руки) – потому являются в устойчивых обществах длительным жизненным проектом, что легитимированы не только традицией, но всей системой социальной организации, мотивирующей (стимулирующей и сдерживающей) людей определенным образом. Говоря о создании действенной системы мотивации в отношении института собственности в России, следует вновь подчеркнуть уже высказанную нами мысль о первичности учета социальных практик повседневности как основы эффективной институциональной организации. В современной России отношение ко многим социальным феноменам, в том числе и к собственности, носит персонифицированный характер.

Персонификация микросоциальных связей уже не раз становилась предметом философско-культурологического анализа. Чаще всего в ней усматривают проявления отношений архаики, патроната, реакцию на отчуждение личности. Однако есть ли у этого отношения конструктивный потенциал, который можно использовать при институциональной модернизации? Как показали исследования Н.Е.Тихоновой, россиянам, не более чем жителям стран с развитой рыночной экономикой, присуща тяга к уравнительности и эгалитарные настроения²⁵¹. Аналогичным образом нельзя утверждать, что россияне не приемлют существования частной

собственности. Специфика мотивации, формирующей ее признание, заключается в том, что «россияне выступают сторонниками абсолютной легитимности только такой собственности, в основе которой изначально лежит труд самого собственника или тех, от кого он получил ее по наследству. В тех же случаях, когда связь собственности и лежащего в ее основе труда размыта и ускользает от непосредственного восприятия, россияне не склонны уважать ее формально-правовой статус»²⁵². Персонифицировано окрашено и отношение россиян к объектам собственности, в котором приоритет отдается объектам, непосредственно используемым собственником и необходимым ему для жизни. Вполне укладывается в модель персонифицированного отношения к собственности и предпочтение малого и среднего бизнеса крупному²⁵³.

Таким образом, перед нами алгоритм легитимации: сначала реальный личный вклад (личное участие), а потом формальное его закрепление (принадлежность, членство). Этот же алгоритм срывается при оценке российским общественным мнением практики партийного строительства, реформы местного самоуправления, объясняя их низкую эффективность. Всякая попытка поставить телегу впереди лошади, т. е. навязать институциональную форму или организационную иерархию при непроясненности для здравого смысла вопросов о ее оправданности и реальной обоснованности будет неизбежно сопровождаться сомнениями, недоверием, уклонением, саботажем, имитацией порядка при его одновременной криминализации. Прозрачность устройства и функционирования социальных институтов для рядового внешнего наблюдателя не является в российском социокультурном контексте идеологическим или формально-правовым императивом гласности. Она выступает важнейшим технологическим условием становления позитивного отношения общества к модернизационным проектам.

Можно предположить, что, поскольку российское общество в свое время так и не прошло до конца школу цивилизованной (правовой) самоорганизации (цивилизованной кооперации, мелкого предпринимательства, судопроизводства, местного самоуправления и т. п.), в социальной памяти и ментальности не сформировались позитивные установки в отношении организационных инициатив власти, которая традиционно подозревается в эгоистичных и корыстных устремлениях. Отдельные при-

меры удачных инноваций, учитывавших состояние социальных практик, например, судебная реформа XIX в. (деятельность суда присяжных, мировых судов), так и не превратились в традицию. С другой стороны, во властвующих элитах не укоренилось стремление постоянно, а не только в чрезвычайных, кризисных условиях, под давлением снизу, соотносить свои желания и доктринальные прожекты с укладом и запросами повседневной жизни большинства населения. Это отчасти объясняет поверхностный характер российской модернизации, ее низкую эффективность и упущенные возможности.

Современная российская элита предпочитает не замечать такие особенности социальных практик повседневности как разорванность ее микро- и макроуровней; присутствие на всех уровнях различных по своей природе элементов архаики, своеобразного «внутреннего варварства»; сочетание традиционной и прагматической мотивации выбора; устойчивое настороженно-негативное отношение к официальным образцам, формам и процедурам поведения. Возникающие в такой среде первичные элементы институционализации носят теневой характер, кристаллизуются на макроуровне в кланово-корпоративную модель отношений личной зависимости. Из повседневного сугубо прагматического «крышевания» вырастает социальный порядок, в котором функция представительства вырождается в лоббизм; управление и руководство в самовластие; гражданство в верноподданное служение. Коррупция, произвол, ориентация на личную преданность делают кланово-корпоративные институты легко восприимчивыми к частным, сиюминутным, субъективно значимым вопросам, умозрительным или даже авантюрным прожектам, предполагающим симптоматическое или ситуативное реагирование, которое зачастую оказывается неадекватным реальности.

Одновременно элита, утрачивая способность к видению перспективы, моделированию вариантов и сценариев развития сложившейся ситуации, теряет стратегическую управляемость социальными процессами. Это, а вовсе не фрагментарность институтов или неполнота государства, является сегодня главной проблемой управления российской социальной трансформацией. Именно в отсутствии у российской элиты крупномасштабного национального проекта, выходящего за рамки сиюминутной социально-

политической конъюнктуры коренится неукротимая, подчас проявляющаяся на уровне психологической установки, тяга российской политической элиты к традиционализму.

Актуальные для 1990-х гг. политические задачи – демонтаж советских структур, конверсия власти в собственность, легитимация результатов приватизации – могли быть реализованы в русле мировоззренческих мифологем возвращения России в сообщество цивилизованных стран, равноправного диалога с бывшими идеологическими противниками, приоритета глобальных проблем над национально-государственными интересами. По мере утраты романтических иллюзий периода «антикоммунистической демократии» и появления новых «экзистенциальных страхов» у правящей элиты (страх перед угрозой анархии, сепаратизма, стихийных массовых движений, кланово-корпоративной борьбы) движение к традиционализму стало приобретать устойчивый характер.

Чтобы понять его характер и возможные последствия, важно подчеркнуть, что в современном обществе традиция это вовсе не то, что приходит к социальным субъектам из далекого прошлого, что принудительно навязывается им прошлым, дано в качестве неизменных образцов и стандартов, а то, что они сами свободно выбирают из этого прошлого. Сегодня традиция – результат конструирования, в основании которого лежат современный опыт субъекта, его социокультурная идентичность, идеологические стереотипы. Сквозь их призму субъект пытается найти в прошлом образцы успешной деятельности, ценные для его нынешнего положения аргументы, стандарты и схемы, идеи, комплиментарные его сегодняшним целям. Любопытно, что субъекты, ориентированные на демократические ценности и правовые практики западного толка, оказываются в сходной ситуации со своими политическими антиподами. Политические ортодоксы и радикалы весьма избирательно подходят к политической традиции (либеральной, революционной, анархистской) в процессе легитимации своей идеологии практики. Как показали исследования религиозного фундаментализма, для него также характерно стремление не довольствоваться догматической реанимацией традиции того или иного вероучения, а качественно видоизменять, реинтерпретировать ее. Отечественная история и политика здесь не являются исключением.

Ставка на неотрадиционализм обосновывается как концептуальными, так и прагматическими соображениями. Если первые чаще всего сводятся к необходимости вернуть общество на естественный путь его исторической эволюции, прерванный чужеродным социалистическим экспериментом, то вторые связываются с трудностями реализации стратегии демократического транзита, слабостью гражданского общества, боязнью движений протеста, надеждами на стабилизирующую роль авторитаризма, религии и консервативных ценностей. Что касается концептуальных аргументов, то оставим в стороне спор о причинах революции, природе и эволюции большевизма и русского коммунизма, в котором трудно пока избавиться от политико-идеологической пристрастности. Обратим здесь внимание на один методологический момент. В свое время в европейской исторической науке предпринимались, кстати не без идеологического подтекста, попытки вычеркнуть из истории средневековье, изображая его как на варварство, «черную дыру» в европейской истории и культуре, нарушение ее преемственности. Стоит ли сегодня повторять ошибки такого рода?

Обратимся к прагматической логике. Сегодня, когда властвующая элита любит говорить о необходимости реализации амбициозных планов интеграции России в мировое сообщество XXI в., можно ли понять современную социальную реальность как глобальную, так и российскую, смысл и цели нынешней российской модернизации вне понимания социокультурного контекста XX в.? Можно ли сегодня сформировать у нынешних россиян не ущербную идентичность, а идентичность, ориентированную на успех и достижения, вычеркнув из их коллективной памяти фактически большую часть XX в., апеллируя к социокультурным образцам, нормам и практикам XIX в.? Что же касается стабилизирующей роли авторитаризма и религии, то за пределами традиционных обществ она находится в прямой связи с их обновлением и отказом от архаики, с их способностью ответить на вызовы современного мира. Между тем бюрократизм и коррупция в государственном аппарате России лишают его силы и действенности, служащих главным оправданием авторитарной вертикали власти. Затянувшееся и в целом пока малоэффективное обновление российского православия,

слабость и неубедительность его социальной доктрины делают по меньшей мере проблематичными, надежды на его конструктивную роль в трансформации общества.

Что же касается перспектив создания и эффективного использования в целях модернизации современной консервативной идеологии, то и здесь есть серьезные теоретические и социально-практические проблемы. Разумеется, в истории российской консервативной мысли можно найти идеи и концепции, смысл которых вполне согласуется с идеями социального обновления. Но мера их реформаторства уже тогда не совпадала с масштабом объективно необходимых перемен. Еще меньше она соответствует инновационным императивам современного общества, с далеко зашедшей эрозией традиционных установок сознания и поведения. В российской исторической традиции начиная с 1613 г. можно найти немало примеров внутренней консолидации общества на консервативной и, одновременно, на антиреформистской основе. Сегодня синтез традиционных консервативных ценностей и социальной политики, например, по образцу ХДС–ХСС, в условиях авторитарного стиля чиновничьего администрирования и слабости гражданской самоорганизации неминуемо воспроизводит культуру патернализма и полукриминальной архаики, ориентированные, скорее, на застой, а не на обновление и развитие.

Сегодня курс на традиционализм в своей сути, системообразующем векторе, пока незыблем и в сфере государственного и конституционного строительства, и в кооперативной модели отношений церкви и государства, и в державности властного декора, стилистике официальной идеологии и пропаганды. Фактически мы имеем дело со своеобразным синтезом: рыночный либерализм в экономике – консерватизм в идеологии и политике. Парадокс состоит в том, что крайности обоего толка совершенно не учитывают динамично изменяющуюся современную социальность. Такая модель трансформации, не лишенная определенных шансов на успех, в социально-исторической перспективе способна породить системные риски и угрозы. Ресурсы, на использование которых надеются неотрадиционалисты, могут дать лишь кратковременный эффект, они воспроизводят в обществе практики послушных подданных, рассчитаны на конструирование полностью управляемого электорального сообщества. Апеллируя к слоям, зависимым от

властной опеки или благосклонности, традиционалисты не поддерживают наиболее активные и инновационные слои, способные адаптироваться к переменам.

В условиях действия общей тенденции к усложнению социальной неотрадиционализм тяготеет к упрощенному взгляду на социальную реальность: существуют «вечные» проблемы, требующие «вечных», причем достаточно простых решений. (Вспомним хотя бы нашумевший документальный фильм о гибели Византийской империи.) Обратная сторона таких исторических экскурсов и «открываемых» ими инвариантов поражений и успехов не только в утрате социально-исторического контекста, но и в потере чувствительности к новому. Непонимание специфики современности причин и направленности происходящих изменений порождает соблазн решать проблемы общества эпохи информационной революции на основе рецептов раннеиндустриального или средневекового прошлого. Подобное «повторение пройденного» превращает модернизацию в фикцию, множа нерешенные проблемы и консервируя отставание.

Не менее рискованна в эпоху глобализации и интенсификации политической коммуникации тенденция неотрадиционализма к различным проявлениям изоляционизма, провоцирующего рецидивы ксенофобии и политического эгоцентризма. Следствием этого выступает неспособность политической элиты освоить все пространство протекания социальных процессов, несоответствие масштаба социального управления масштабу социальных изменений. Фрагментация социально-политического пространства тормозит назревшие реформы, искажает их смысл. В нормативном плане она разрушает тотальность правового регулирования, поощряя локальную «вольницу» правоприменения, фактически легитимируя произвол чиновников.

Стратегия консолидации общества в неотрадиционалистском понимании абсолютизирует возможности формирования идентичности на основе общей исторической памяти. Иллюзии такого рода обнаружили в недавно завершившемся политическом телепроекте «Исторический выбор года». Новые интерпретации прошлого в неотрадиционалистском духе, особенно если из них купируются целые периоды, с которыми современников еще связывает собственный социальный опыт, либо углубляет раскол

общества, либо консолидирует его на платформе мобилизации перед лицом внешних угроз, что в равной мере не способствует модернизации. Темпоральное развертывание идентичности не должно скрывать от нас ее пространственную перспективу, возможность обосновать свою самость и специфику, сравнивая себя с близкими и далекими современниками, решающими или уже решившими сходные проблемы.

Реализуемый ныне сценарий российской модернизации, в русле которого осуществляется современное институциональное строительство, исходит из поверхностного, в значительной мере идеологизированного и мифологизированного взгляда на прошлое и настоящее российского общества. Изживание консервативно-традиционалистских иллюзий – длительный и болезненный процесс. Сегодня все острее ощущается необходимость поворота российской элиты к глубокому и всестороннему анализу существующих социальных практик различных слоев и культурных сегментов общества, построенному на концепциях и теориях современного обществознания. Такой анализ позволит точнее определить содержание культурных традиций, их место и роль в социальных преобразованиях возможности социальных инноваций и механизмы их поддержки, оптимизировать модернизационные проекты, приблизить их к реальной жизни непрерывно изменяющегося общества.

Глава 10. Противоречия модернизации: механизмы социальных трансформаций в России

Прежде всего некоторые необходимые пояснения. Под *социальными трансформациями* в данной работе понимаются не трансформации собственно социальной сферы, а глобальное преобразование общества в целом, в единстве его социальных, политических, культурных и технологических параметров.

Далее, используя конструкцию *модернизация/демодернизация*, через слеш, автор акцентирует внимание на том обстоятельстве, что, с его точки зрения, модернизация/демодернизация в России – это часто не два различных, последовательных процесса, а единый двуединый процесс, в саму структуру которого заложены два противоположных, полярных начала. Когда же я пишу: *модер-*

низация и демодернизация, соединяя эти понятия союзом «и», речь чаще всего идет об историческом цикле, о механизме чередования двух упомянутых процессов.

В данной работе автор исходит из того, что модернизацию не следует понимать узко, исключительно как процесс перехода от традиционного аграрного к современному индустриальному обществу. Возьмем за точку отсчета определение А.С.Ахиезера, многие идеи и подходы которого близки автору данной работы: модернизация – это «явление цивилизационного масштаба, то есть она по своей сути форма, сторона перехода от традиционной цивилизации к либеральной, от общества, нацеленного на воспроизводство на основе некоторого статичного идеала, к обществу, рассматривающему повышение эффективности форм деятельности, развитие способности личности к собственному саморазвитию как основу общественной динамики»²⁵⁴. Напомню, что Ахиезер не раз говорил, что для него либерализм – это не набор идеологием, либерализм – это развитие²⁵⁵.

При этом мы будем исходить из того, что приведенное выше определение описывает, по всей видимости, своего рода «идеальную модернизацию» или, если использовать веберовское понятие, *идеальную модель* явления, и мы можем и должны анализировать в качестве модернизационных процессы, лишь частично соответствующие понятию полномасштабной, «идеальной» модернизации; например, процессы, нацеленные на преодоление статичного идеала, не всегда могут сопровождаться адекватным развитием способностей личности к саморазвитию и т. д.

Вообще, к модернизации следует подходить исторически, учитывая черту нормальности, существующую в том или ином обществе. То, что мы оценим как модернизационное усилие в одних исторических условиях, не будет им, по сути, в условиях иных.

Под *демодернизацией* понимается ликвидация определенных достижений модернизационного процесса, демонтаж структур, возникших в ходе модернизации, возвратное движение, возвращение к ранее пройденным этапам. Крайние формы и степени демодернизации, связанные с реваншем традиционалистских сил, автор связывает с понятием *архаизации*²⁵⁶.

Следует отметить, что на этот дуализм российского развития, на противоречивость многочисленных российских модернизаций (или, если хотите, одной, но невероятно растянутой во времени

российской модернизации) уже обращалось внимание исследователями. Так, В.В.Согрин, анализируя содержание фундаментальной работы Б.Н.Миронова «Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)»²⁵⁷, заметил, что «из картины социальной истории, как она нарисована автором, вытекает не только процесс развития элементов гражданского общества и государства (автор пытается нас убедить, что в этом и есть суть социальной истории России), но **одновременно и прямо противоположный процесс – постоянное возвращение к архаичной, по сути мифологической, реальности**, – который по своей мощи превосходит движение к гражданскому обществу»²⁵⁸.

Наконец, в контексте анализа российской модернизации/демодернизации для нас чрезвычайно важно и значимо выявление специфики российских модернизаций – или попыток модернизации – поскольку, как показал А.С.Ахиезер, это попытки модернизации *расколотого общества*. Однако, что существенно, модернизация – это не только то, что происходит в ситуации раскола, на фоне раскола. В России модернизация – это внутренне противоречивый процесс, который *порождает* и *углубляет* раскол. Эта расколотость обуславливает не только цикличность развития: прорыв – откат, реформа – контрреформа, но и наличие двух составляющих, двух начал, двух разнонаправленных векторов движения в самом процессе модернизации.

Реформы патриарха Никона как политическая и социокультурная модернизация

Не считая себя специалистом и даже более или менее компетентным дилетантом в богословских вопросах, постараюсь не затрагивать чисто религиозные аспекты и стимулы раскола в русской православной церкви, то есть того фундаментального события русской истории, которое, как принято считать, проложило изначальную и далее только расширяющуюся трещину в толще русского социума. Интересующимся чисто религиозными аспектами процесса рекомендую обратиться к работам В.М.Живова, который много и плодотворно занимался проблематикой *религиозного дисциплинирования* в XVII в.²⁵⁹.

Вообще, исправление богослужебных книг, как на то обращал внимание, например, С.Ф.Платонов, началось еще в 1616 г. (когда, заметим в скобках, будущему патриарху Никону было лишь 10 лет). На протяжении многих лет проблема никоим образом не решалась. Приехавший в Москву в 1649 г. иерусалимский патриарх Паисий попенял молодому царю Алексею Михайловичу и патриарху Иосифу на многие неоправданные и недопустимые «новшества» в русском богослужении. Иными словами, Никон не просто инициировал процесс введения неких новаций, а исходил из необходимости завершить дело, за которое до него принимались множество раз, но коряво, непоследовательно и неуспешно²⁶⁰.

Как представляется, мотивы, заставившие патриарха Никона инициировать изменения в обрядности русской православной церкви, и необходимое для этого исправление богослужебных книг достаточно адекватно описаны выдающимся историком В.О.Ключевским²⁶¹. За церковными реформами стояло стремление заместить русский тип православия более универсалистским, если хотите, наднациональным, греческим. Это было движение от «русской Руси», еще помнившей самонадеянное национально-эсхатологическое «Москва – Третий Рим», в имперскую, по определению надэтническую структуру. Но движение, очень своеобразное, умалявшее, мягко говоря, значение светской власти.

В любом случае, если посмотреть на проблему широко, реформы Никона были своеобразным способом вписывания России, ведущей на протяжении длительного времени достаточно замкнутое, в смысле влияний извне, существование, в большой мир. И этого нового, универсалистского мотива, очевидно, не было в момент, когда приступали к исправлению русских богослужебных книг во втором десятилетии XVII в., да и позже.

Парадокс заключается в том, что московское духовенство, используя искаженные тексты, содержащие множеством ошибок, практикуя так называемое «многоголосие», превращавшую церковную службу в какофонию, считало себя адептом чистейшего православия. Эта убежденность в своей идеологической (в широком смысле слова) непогрешимости и осознание себя образцом – в ситуации, когда позиция «убежденных» в действительности является маргинальной, если не одиозной, – характерна для России и воспроизводится в русской истории множество раз, в том числе и

в процессе российских модернизаций. Например, в эпоху «социализма в одной стране» или брежневского «развитого социализма». Я уже не говорю об упомянутой выше праидее «Москва – Третий Рим». Поэтому сопротивление исправлению книг при Никоне было сопротивлением чистых – нечистым, ревнителей истинной веры – еретикам и ругателям православия, истинно русских – пришельцам, иноземцам, грекам и малороссам.

В процессе осуществления реформы первоначальные намерения патриарха (вселенская церковь, экуменические импликации) были отринуты и заслонены соображениями текущей политической конъюнктуры. Главной целью стало подавление властью церковной и властью светской зародившейся внутрицерковной оппозиции (приверженцы старых обрядов, уничижительно именуемые «раскольниками»). Ключевский замечает: «Дело получало такой смысл: церковная власть предписывала непривычный для паствы обряд; непокорявшиеся предписанию отлучались не за старый обряд, а за непокорность; но кто раскаивался, того воссоединяли с церковью и разрешали ему держаться старого обряда»²⁶². Этот механизм, эту подмену целей в процессе движения к ним мы еще не раз обнаружим в модернизационные периоды русской истории.

Параллельно разворачивалось противостояние власти церковной и власти светской, двух центров и двух сил, совместно выступавших против сторонников раскола. Усиление патриарха и церковной организации как таковой было не в интересах светской, царской власти. Не случайно Никон, громивший раскольников, в конце концов сам оказался в опале – именно из-за претензий на первенство в симбиотическом союзе церкви и государства. «Священство превыше царства есть» – эта формула, очевидно, была совершенно неприемлема для *царства*.

Появление Аввакума как противовеса Никону означало раскол церкви и, в длительной исторической перспективе, длящийся и неодолимый раскол Руси/России. Падение самого Никона означало, что России удалось избежать усугубления раскола еще и по линии «светская – церковная власть».

Исправление богослужебных книг и коррекция церковных обрядов объективно призваны были стать *формой* дисциплинирования, в духе практик и техник, укоренявшихся примерно в то же время в Европе. Исправление книг – это исправление ритуала, не

затрагивающее смысла учения, догматику. Иными словами, как будто не было повода для тотального противостояния сторонников и противников новаций и тем более для завершившего это противостояние раскола. Вескость повода, однако, не имеет значения, если говорить о глубине катаклизма и ожесточенности конфликта (и не только в России), – важно лишь восприятие этого повода, его преломление в сознании исторических субъектов, как правящей элиты, так и традиционалистского большинства. В конце концов, разногласия Троцкого и Сталина в конце 1920-х, если взглянуть на них не глазами догматиков, а трезво и рационально, были столь же незначительны, как и расхождения Никона и Аввакума. Второстепенные, не затрагивающие основ, не посягающие на *догму* разногласия гипертрофируются, превращаясь в желанный повод для репрессий и подавления. За троеперстием, за написанием имени Спасителя в новых книгах как «Иисус», с двумя «и», на греческий лад, и «трегубой» (тройной) аллилуйей проступают мощные макротехнологически структуры, на поверхности событий олицетворяемые стрельцами, разоряющими и сжигающими раскольничьи скиты. И, что не менее важно, – жестокие преследования раскольников в последней трети XVII в. стали фоном и камертоном, по которому определялись формы и интенсивность борьбы с сопротивлением петровским новациям.

Возврат к канонам вселенского православия, вера в то, что таким образом может быть преодолено определенное отставание, отклонение, маргинальность русской поместной церкви, воспринималось как неправомерное *осовременивание*, уступка чужому давлению. И это, полагаю, было не аберрацией косного сознания традиционалистского большинства, а в значительной степени адекватным ощущением реальности. Это может показаться парадоксальным, но если рассматривать вопрос по сути, то *возврат к канонам* по сути своей был *модернизацией*, реформой, попыткой преодолеть ограниченность и наслоения старины. Напомню здесь еще раз о том, что в преамбуле к этому тексту было сказано о необходимости исторического подхода к модернизации.

Но конфликт вырос не только из того, что никоновские мероприятия воспринимались как *новация*, – новые процедуры субъективно воспринимались как *порушение веры* и символы еретичества (чем они, несомненно, не были). Таким образом, коррекция ри-

туала спровоцировала раскол *идейный* и социально-политический, продолжающийся, кстати, и по сей день, – в различных формах, от архаичных пропагандистских демаршей насчет «агентов влияния» и «вашингтонского обкома» и ненависти к рокерам и «эмо» до рафинированных дискуссий об общечеловеческих ценностях и «суверенной демократии».

Что важно в контексте нашего исследования – на фоне раскола и борьбы с приверженцами «старой веры» происходит ужесточение всех технологических структур власти. Власть становится все более жесткой, в основном за счет совершенствования и ужесточения практик локализации индивидов. Не только отменяются урочные годы сыска беглых и сыск становится бессрочным (это закреплено еще в Соборном уложении 1649 г.) – создается механизм государственно организованного и массового сыска с соответствующим аппаратом (Приказ сыскных дел и сыскные приказы в уездах), на места посылаются специальные сыщики, рекрутируемые из дворян. Последние, в свою очередь, для поимки беглых получают у воевод стрельцов и отставных дворян.

Наказуемым становится сам факт побега. Трансформируется судебная практика. В конце 60-х гг. XVII в. урезается право самостоятельного вотчинного суда, пожалованное царем крупным землевладельцам. Согласно Уложению 1649 г., это право не распространялось лишь на татиные, разбойные дела и политические дела. Указ 1667 г. уравнивал юридическую природу дел о беглых с татиными и разбойничьими делами и отдавал их расследование в руки одних и тех же, государевых людей. Сыск беглых перестает рассматриваться властью как дело частное, гражданско-правовое, и становится делом государственным. Во второй половине XVII в. принимаются меры для профилактики побегов, в частности, усиливается внутривотчинный контроль, прорабатываются процедуры возврата беглых крестьян и холопов. В 1678 г. проводится *подворная перепись населения* – и переписные книги становятся источником при составлении многих крепостных актов.

Наряду с тщательной разработкой и ужесточением набора санкций за прием и держание беглых, принимаются и экономические меры, делающие прием холопов делом не столь выгодным и привлекательным, как ранее. В частности, в результате подворного обложения после составления переписных книг 1678 г. на

значительную часть холопства было распространено государевотягло²⁶³. Прием беглых холопов перестает быть присвоением необлагаемой податями рабочей силы. Эти меры предвосхитили введение, уже в петровское время, подушной подати, что окончательно уравнило холопов и крепостных крестьян и фактически *упразднило холопство как специфическое сословие*. Иными словами, миссия полномасштабного осуществления технологий закрепощения перемещается из микрокосмов и локальных пространств власти в *макропространство*. Результаты принятых мер – многообразны, и в числе прочего они привели к тому, что совершенно исчезает столь своеобразное явление русской жизни, как *conac*²⁶⁴.

Все сказанное, разумеется, не означает, что ужесточение властной, технологической структуры было прямым следствием церковной реформы, инициированной Никоном. Скорее, и реформа, и ужесточение были двумя сторонами процесса вхождения Руси в период империи: подход к обеспечению некой единой официальной идеологии, с одной стороны, и создание макротехнологической машины, работающей в масштабе всего государства, с другой.

В.О.Ключевский, поводя итог эпохе Никона, обращает внимание на устав московской Славяно-греко-латинской академии, созданной в 1687 г. На должности ректора и учителей допускались только русские и греки; западнорусские православные ученые могли занимать эти должности только по свидетельству достоверных благочестивых людей; строго запрещалось держать домашних учителей иностранных языков, иметь в домах и читать латинские, польские, немецкие и другие еретические книги; за этим, как и за иноверной пропагандой среди православных, призвана была наблюдать Академия, которая судила и обвиняемых в хуле на православную веру, за что виновные подвергались сожжению²⁶⁵. «Так продолжительные хлопоты о московском рассаднике свободных учений для всего православного Востока, – констатирует автор «Курса русской истории», – завершились церковно-полицейским учебным заведением, которое стало первообразом церковной школы»²⁶⁶.

Думается, историк здесь несколько тенденциозен – о полной инверсии смыслов, развороте от универсалистских идей и внедрения греческой учености к гонениям на иноземные книги, этот ис-

точник духовной заразы, как об итоге реформ Никона говорить все же не приходится. Владельцы иностранных книг не торопились от них избавляться. Латинский язык, в середине 1690-х гг. изгнанный из Академии, вскоре возвращается в ее стены. С начала нового, XVIII в. Славяно-греко-латинская академия становится одним из оплотов западного просвещения. Но предельно остро акцентированная мысль о том, что на Руси реформа обращается в собственную противоположность все-таки небесполезна и в известном смысле отражает глубинную суть множества российских модернизаций/реформаций.

Остается добавить, что события второй половины XVII в., от раскола в русской церкви до стрельецких бунтов, были осмыслены Петром I отнюдь не в компромиссном или диалогичном варианте, – напротив, они привели царя к убеждению, что «старина – это раскол, а раскол – это мятеж»²⁶⁷, и подвигли его к совершенно безоглядному и жестокому введению новых, разрушающих «старину» идей и порядков. Раскол русской церкви стал преддверием еще более масштабного раскола.

Вхождение в империю: прогресс, архаизация, ужесточение

Если Никон велел переписать богослужебные книги на иноземный, греческий, лад, то Петр I «переписал книги» светские, ввел новые законы и регламенты, но уже не по греческому, а по западноевропейскому образцу. Практически Петр изменил и модернизировал все сферы и все институты российской жизни: армию, систему государственного управления, иерархическую структуру общества, повседневную жизнь. Россия совершила резкий рывок вперед в технологическом и военном отношении.

Петровская модернизация проходила в уже расколотой стране, разделенной как по оси «реформаторская власть–традиционалистское большинство», так и, если говорить о самом этом большинстве, между сторонниками официальной церковной доктрины и старообрядцами, и в ситуации, когда, после реформ патриарха Никона, существовало сильное недоверие ко всему иностранному, идущему из Европы.

Петр утверждал свои новации железной рукой, под страхом жесточайших кар. Ужесточение властных практик по всем направлениям было одним из основных параметров петровской модернизации. Так, в Воинский устав 1717 г. наряду с множеством формализованных практик, призванных регламентировать воинскую муштру, устанавливал значительное количество новых проступков и преступлений и вводил ряд новых наказаний (среди которых преобладали смертная казнь в различных формах и жестокие телесные наказания). При этом, однако, и регламентация проявлений повседневной жизни, от порядка посещения ассамблей до знаменитого запрещения ношения бород и русского платья (кроме крестьян и священников), осуществлялась с той же жесткостью, что обеспечение послушания в армии.

Но система наказаний была только инструментом власти, которая не имела других (например, дисциплинарных) механизмов воздействия или только приступила к их созданию. Механизм модернизации был двойственным: технологический рост, развитие производства происходили за счет ужесточения технологий власти и расширения сферы существования крепостничества, т. е. внедрения социальной архаики, а в ходе форсированной трансформации повседневности (также проводившейся принудительно) воспроизводились достаточно «либеральные», европейского типа культурные образцы. Что же касается модернизации властной иерархии и принципов взаимоотношения власти и привилегированного сословия, концентрированным выражением которых стала Табель о рангах («Табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных»), утвержденная Петром I в 1722 г., то она носила двойственный характер. С одной стороны, «Табель о рангах» – это значительный шаг на пути так называемого *закрепощения сословий*, введения для дворян обязательной государственной службы (отмененной только в 1762 г. Петром III). С другой стороны, в этом документе нашли определенное отражение принципы внесословности или, скорее, межсословной мобильности. Регулируя механизм государственной службы и иерархизируя всех на этой службе находящихся, «Табель о рангах» оставляла возможность выдвинуться представителям низших сословий, людям недворянского звания, прежде всего через воинскую службу. Более того,

Воинский устав Петра, по сути, представлял собой базовый регламент *внесловной армии*, пришедшей на смену дворянскому ополчению и стрелецкому войску.

Кстати – последнее по счету, но не по важности – и знаменитые петровские ассамблеи были подчеркнута внесловным мероприятием, где собирались люди «всех состояний», от аристократа до шкипера; к тому же именно через ассамблеи Петр пытался включить русских женщин в ткань общественной жизни²⁶⁸.

А.С.Ахиезер, наверное, не первый разглядел в практиках Петра некие *либеральные* импликации: «Для Петра, – пишет он, – характерно стремление выдвинуть труд в качестве человеческой ценности в протестантском духе, обращение к идее человеческого блага. Историческое значение петровских реформ заключается в том, что они были попытками, хотя и слабо отрефлексированными, в определенной степени сдвинуть культурные основы государственной политики ближе к полюсу либерализма»²⁶⁹.

Ключевский, характеризуя ситуацию и умонастроения предпетровской Руси, пишет, что новые идеи, новые мысли, преобразовательные тенденции, которые развивались многими незаурядными и активными людьми («дельцами») во второй половине XVII в., от Ордина-Нащокина до Василия Голицына и от Артамона Матвеева до Юрия Крижанича, «складываются сами собой в довольно стройную преобразовательную программу, в которой вопросы внешней политики сцеплялись с вопросами военными, финансовыми, экономическими, социальными, образовательными»²⁷⁰. Историк систематизирует эти идеи и излагает эту программу по пунктам. В их числе особо отметим: развитие внешней торговли и внутренней обрабатывающей промышленности; введение городского самоуправления с целью подъема производительности и благосостояния торгово-промышленного класса; *освобождение крепостных крестьян с землей*; заведение школ не только общеобразовательных с церковным характером, но и технических, приспособленных к нуждам государства.

Что касается освобождения крестьян, тем более с землей, то подобных идей у Петра не было, и вряд ли они могли появиться даже в зачаточной форме. Ибо единственным ресурсом, на который мог опереться царь в своих модернизационных усилиях, была возможность неограниченно распоряжаться значительными человеческими множествами, прежде всего, крепостными крестьянами.

Посмотрим, каким путем осуществлялось становление промышленности, более всего необходимое для вооружения и перевооружения армии. Одним из знаковых, можно даже сказать, символических феноменов, порожденных и активированных петровской модернизацией, стали крепостные мануфактуры. Огромное количество крестьян выдергивалось из деревень, отрывалось от земли, от семей и было принуждаемо работать до изнурения в условиях, неизмеримо худших, чем работали крепостные крестьяне, в условиях практически каторжных. Причем в контексте нашего исследования важно зафиксировать, что промышленный труд на крепостной основе, который впервые появляется *по инициативе государства*, расползается по экономике России также благодаря усилиям и политике государства.

С середины XVII в., т. е. со времени создания на Руси первых крупных мануфактур, значительная часть рабочих, прежде всего вспомогательных (при заводских), комплектовалась за счет приписки к заводам крестьян целыми деревнями²⁷¹. Во всяком случае, это было нормой для казенных предприятий. В то же время на частных, купеческих мануфактурах наряду с крепостным трудом использовался и труд вольнонаемный. В петровское же время мануфактурное производство, в частности, в металлургии, наиболее важной с военной точки зрения отрасли, уже почти полностью опиралось на принудительный труд крепостных. Причем правительство приписывало крестьян не только к государственным, но также и к частным мануфактурам. Академик Л.В. Милов отмечал, что если в первые годы строительства крупных металлургических предприятий основным резервом неквалифицированной рабочей силы был свободный наемный труд, то к 20-м гг. XVIII в. резервы для свободного наемного труда были исчерпаны. «Поэтому, – резюмирует историк, – вполне логичным был тот момент в развитии событий, когда под напором требований заводовладельцев в 1721 г. им было разрешено покупать к фабрикам и заводам крепостных крестьян, а в 1736 г. все вольнонаемные заводские работные люди превращены были государством в “вечноотданные” к фабрикам и заводам (много позже, в XIX в., они получили название “посессионных”))»²⁷².

Заметим, что такими же «вечноотданными» стали в результате петровской военной реформы и рекруты: срок солдатской службы не определялся, или, что то же самое, был пожизненным – увольнению из армии подлежали только полностью непригодные к службе.

Позволю себе полностью привести фундаментальный вывод Л.В.Милова о природе и сущности петровской модернизации: «Итак, форсированное строительство крупного производства путем заимствования “западных технологий” таким социумом, как Россия, дало вместе с тем суровый социальный эффект: были вызваны к жизни еще более жестокие, более грубые формы эксплуатации, чем самые “варварские” формы феодальной зависимости. Эпоха преобразований породила огромный контингент людей, являющихся принадлежностью фабрики и продающихся из поколения в поколение вместе с этой фабрикой. <...> В сущности же можно сказать, что в конечном счете “производственные отношения” в каком-то отношении пришли в соответствие с “производительными силами”, так как производительные силы – это не машина или оборудование, а социум на определенном этапе развития. Этот социум, в основе жизнедеятельности которого лежало земледелие и скотоводство, едва покрывающие потребности страны, обречен был выжимать совокупный прибавочный продукт жесточайшими политическими рычагами насилия, этот социум неизбежно “усвоил” (подмял) и новые технологии под господствующий уклад хозяйственных отношений. К такого рода процессам абсолютно неприменимы понятия “реакционный”, “консервативный” и т. п., так как они были проявлением *объективной необходимости, логики развития данного общества*»²⁷³.

Действительно, крепостная мануфактура не была случайным, побочным продуктом модернизации – модернизация в России в той парадигме, которая была избрана Петром I, и не могла быть осуществлена иначе, она не имела иных ресурсов и резервов, чем массовый принудительный труд и беспощадная эксплуатация дешевой рабочей силы.

Но последний тезис Л.В.Милова все же нуждается в уточнении. Если речь идет о процессе модернизации, призванном по определению изменять реальность, в том числе и «господствующий уклад», то нельзя безоговорочно принять тезис о том, что сопутствующая ей архаизация была *объективной необходимостью*, что альтернатив не было и не могло быть. Безусловно, ужесточение социальных отношений имеет свою логику. Но следует признать, что «производительные силы» могли прийти в то или иное соответствие, большее или меньшее, с «производственными отношениями» и другим способом, посредством модернизации

этих самых производственных отношений (а не путем архаизации «производительных сил»). В противном случае следует признать, что Россия принципиально не модернизируема.

В историческом процессе существует более чем одна логика. Кстати, в России рекруты, призывавшиеся в армию, освобождались от крепостной зависимости. И в этом тоже была определенная логика, не менее веская, чем закрепощение работников мануфактур.

Петровская модернизация реализовала классическую кентаврическую модель процесса: модернизация/демомодернизация. От нее как бы отслаиваются социальные последствия двоякого рода: несомненное ужесточение и некоторая европеизация, некое движение в направлении если не либерализма, то более свободного, чем в крепостнической России, общества. Но именно ужесточение и архаизация были определяющими. Хотя движение и в ту, и другую сторону происходит под сильным давлением власти, и то, что в Европе было результатом развития гражданского общества и проявлением медленно, но все же возникающей свободы человека, в России становилось нормой, установленной властью и поддерживаемой диктатом этой власти.

Существует мнение, что сопротивление *старой Руси* петровским новациям (и, как и в случае с Никоном, не в последнюю очередь одиозным *методам* их проведения в жизнь) было массовым и яростным. Думается, это в определенной мере штамп, потому что пик сопротивления, булавинское восстание было спровоцировано не новациями, не модернизацией западного типа, не засильем иностранцев, а тем, что имперская власть последовательно ограничивала и уничтожала любые автономные социальные пространства (каковым были земли Войска Донского) и интегрировала их, на общих основаниях, в единое имперское пространство власти. Иными словами, если вспомнить мысль, высказанную в предыдущем разделе, восстание под руководством Булавина было реакцией на ужесточение властных технологий, а не непосредственно на те или иные модернизационные меры и шаги власти. Хотя, конечно, в этом восстании был аспект противостояния центральной власти традиционалистских структур, которые выстраивали свое автономное (во многих отношениях, за исключением обязанности воинской службы) социальное пространство и естественным образом становились антагонистом *пространства империи*.

Когда мы говорим о том, что Петр I повернул Россию лицом на Запад, заимствовав европейские обычаи, европейские дисциплинарные механизмы, даже отчасти европейское (протестантское, по сути) отношение к труду, мы должны понимать, что читаем книгу истории с середины абзаца. Что проблематика борьбы, противостояния западного и автохтонного, изоляционистского начал пронизывает всю русскую историю. И что парадоксальность этой истории заключается в том, что победа русского «Востока», Москвы, над русским «Западом», Тверью (а затем и над Галичем, о чем убедительно и подробно написал А.А.Зимин²⁷⁴), стала зерном, предпосылкой последующей инверсии, реванша русского «Запада» во времена Петра. И, соответственно, реванша универалистских идей, разумеется, в специфическом русском их понимании. Но реалии XVII в. существенным образом отличались от реалий века предшествующего, ментальность Петра радикально отличалась от ментальности Никона и потому механизмы универсализации и путь вхождения России в большой мир в XVIII столетии были иными: не как Новый Иерусалим, а как Новый Амстердам.

Хотя все-таки именно Петр I, а не Никон расколол Россию на прогрессистов-западников и консерваторов-русофилов и зафиксировал (и углубил, конечно) пропасть между традиционалистским большинством населения страны и ориентированной на модернизацию (продиктованную прежде всего военными соображениями) верховной властью. Но также естественно, что силы, противостоящие реформам Никона, – старообрядчество – оказалось на стороне противников Петра.

Кроме того, здесь, как и в сталинской модернизации, модернизационные цели могли быть осуществлены только за счет ужесточения режима, которое, в отличие от ситуации реформ Никона, было непосредственным следствием, предпосылкой, условием модернизации. Так что здесь мы имеем не оттеснение новыми европоморфными дисциплинарными технологиями прежних жестких макротехнологий (локализация для России – технология фундаментальная, базовая) или эрозию последних, а нечто противоположное – парадоксальный симбиотический процесс насаждения и подавления ростков дисциплинарности почти на всем социальном пространстве, за исключением, может быть, максимально дистанцированной от политики и борьбы за власть сферы этикета, норм поведения и т. п.

От петровских ассамблей с течением времени остались *танцы*, а не традиция публичного обсуждения проблем общественной жизни, притом во внесловной среде. Даже военная дисциплина, то, с чего начинал Петр и что, казалось бы, необходимо для выживания армии, государства и, следовательно, власти, которая, как паразит, может выживать только на и в теле государства, подверглась эрозии. Перерождаясь часто в своеволие офицеров, которые обращались с солдатами, как со своими *крепостными*. Армия перестает быть внесловной, и дисциплинирование приобретает односторонний характер: дисциплинирование *тех-кто-под-властью*. А с другой стороны, в чуть более отдаленной перспективе, – третирующие младших, новобранцев, пресловутый «цук», предтеча нынешней дедовщины, стали проявлением жестких додисциплинарных, в значительной степени архаических технологических моделей²⁷⁵. Ибо что такое дедовщина (в самом широком смысле слова)? Самодеятельные и нелегитимные аналоги телесных наказаний, нелегальные, криминальные практики и техники подавления более сильным более слабого.

Модернизация без раскола. «Освобождение крестьян»

Качественно иная модель модернизации – и едва ли не единственная модернизация в истории России, которую можно назвать успешной и которая не содержала в себе пресловутой амбивалентности, двуединого модернизационно-демомодернизационного ядра, – была осуществлена в 60–70-е гг. XIX столетия Александром II и его окружением (как заметил впоследствии С.Ю.Витте, эти реформы «были сделаны кучкой дворян, хотя и вопреки большинству дворянства того времени»²⁷⁶). Причем власть при определении целей и задач реформы продемонстрировала некое новое понимание соотношения социального, если хотите, человеческого – и технологического, материального.

Обнародование царского манифеста 19 февраля 1861 г. вызвало череду крестьянских волнений, из которых наибольшее воздействие на российское общественное мнение произвел расстрел крестьян в селе Бездна Казанской губернии, когда было убито, по разным данным, от 150 до 350 человек. Соппротивление крестьян

реформе носило характер сопротивления *традиционалистско-го большинства*, но принимало чрезвычайно архаичные формы (призывы не повиноваться властям, поскольку манифест объявлен ложный, платить оборок только царю, отказ подписывать любые документы, регулировавшие отношения крестьян с помещиками, из опасения вновь подвергнуться крепостной зависимости и т. д.) и часто мотивировалось не рационально, а совершенно мифологически, в терминах типа «помещики украли настоящую волю». Однако после всплеска 1861 г. крестьянское движение идет на убыль, резко уменьшается количество имений, куда вызываются воинские команды, случаев нападения на нижних чинов и сопротивления аресту зачинщиков²⁷⁷.

По большому счету «освобождение крестьян» и вся серия осуществленных властью преобразований несмотря на крайне неудовлетворительное решение (для крестьянства) решение земельного вопроса не спровоцировали массового сопротивления в русском обществе, вызвав лишь короткую полосу очаговых крестьянских волнений и, через положенное время, циклический откат и период консервативной политики в период Александра III. Объяснить это можно тем, что задача, которая решалась в ходе этой модернизации, – отмена крепостного права и ликвидация (или радикальная трансформация) некоторых институтов, с ним связанных (прямо или косвенно), – назрела и перезрела, и реформы опирались на относительный консенсус в российском обществе. Причиной повсеместного осознания исторической задачи не в последнюю очередь было культурное возвышение русского общества во времена Екатерины II и в первой четверти XIX в. и совершенно небезнадежная с точки зрения культурного развития николаевская эпоха (вспомним хотя бы, что в это время жили и работали Пушкин, Гоголь, Достоевский, Тургенев, Толстой, Белинский). Общество было в целом (и высший класс, в частности) подготовлено к отмене крепостного права и ряду сопутствующих реформ.

Надо отметить, что старые линии раскола в русском обществе проявились и обновились в процессе социальной трансформации; далеко не случайно, конечно, что Антон Петров, лидер уже упоминавшегося бунта в селе Бездне, был старовером и предложил односельчанам некое квазирелигиозное истолкование происходящих событий²⁷⁸.

Однако безболезненность модернизационного процесса была также обусловлена некоторой ограниченностью его задач. Так, реформы не поставили под сомнение существование ни помещичьего землевладения, ни русской сельской общины. Не приходится сомневаться в том, что при попытке осуществить полномасштабную, комплексную модернизацию всей архаической системы социальных отношений особенно, в деревне, включая сюда и ликвидацию или стимулирование распада общины (по образцу сильно запоздавшей столыпинской реформы), сопротивление было бы на порядки выше, и, можно предположить, в полной мере включился бы традиционный для российских модернизаций механизм воспроизводства раскола по линии «реформаторы во власти – традиционалистское большинство населения».

Между правыми и левыми: столыпинская реформа

Российские модернизации XX в. происходят в качественно иных условиях, нежели ранее. Возникает современного типа политика, связанная с политическими партиями и выборами, появляются современные СМИ и, следовательно, возможность массовой индоктринации населения, в связи с этим изменяется роль идеологии. Власть получает возможности мобилизации иного типа, чем мобилизации периода Новой истории, – и, что не менее важно, возможности массовых репрессий в отношении тех, кто противостоит мобилизационным, модернизационным проектам. В то же время даже временный сбой в функционировании мобилизационных механизмов и машины подавления способны привести к жестокому кризису власти и обвалу всех структур государственного управления.

Основные принципы аграрной реформы, провозглашенной 9 ноября 1906 г. знаменитым «Указом о выходе из крестьянской общины» и не вполне справедливо названной «столыпинской», были разработаны еще до первой русской революции С.Ю.Витте, отвергнуты тогда Николаем II и стали реализовываться только под воздействием революционных событий 1905–1906 гг.²⁷⁹. Реформа, позволившая крестьянам выходить из общины и предполагавшая переселение значительных масс крестьянства на восток страны,

как и реформы 1960-х гг., не породила в ядре, в структуре процесса, параллельных демодернизационных сдвигов. Это было, как представляется, связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, модернизационное усилие власти, направленное прежде всего на разрушение сельской общины и создание класса мелких земельных собственников капиталистического типа (все прочее, включая программу переселения и колонизационные потоки, представляло собой не цели, а средства, при помощи которых планировалось достичь намеченных целей), парадоксальным образом наложилось на укорененную, во многом традиционалистскую народную мифологию. Колонизационные поползновения, мечты о новых плодородных землях жили в русском крестьянстве веками, временами порождая очень своеобразные коллизии и социальные драмы.

Далее, реформа Столыпина (как реформы 1860-х гг.) решала проблемы не только назревшие, но перезревшие. То, что община через сорок лет после «освобождения крестьян» превратилась в главный тормоз экономического развития России, в начале XX в. было ясно уже не только ориентированным на модернизацию представителям политической элиты, но и достаточно широким слоям русского общества.

И третье, что сыграло роль в том, что традиционалистское большинство населения достаточно сдержанно прореагировало на реформу и не обнаружило энергии сопротивления, толкающей страну назад, к демодернизации и, как предельный случай, архаизации, – это умеренность, нерадикальность и постепенность реформы. Конечно, выход из общины и гигантских масштабов миграция населения на восток страны и особенно возвращение больших масс населения с новых земель, которые они оказались не в состоянии освоить ни технически, ни социально, порождали напряжение в обществе. Но градус этого напряжения не был столь высоким, чтобы мы могли говорить о демодернизационном откате как о *прямом следствии* реформы. Собственно, столыпинская реформа лишь скорректировала ситуацию в направлении развития капиталистических отношений в деревне и модернизации отсталой социальной структуры России, но не обеспечила радикальное, тем более быстрое и радикальное, изменение ситуации. По определению самого П.А.Столыпина, осуществляемые его правительством преобразования – это «скромный, но верный путь»²⁸⁰.

Потому фундаментальная историческая задача неизбежно оставалась нерешенной. Следствия «мягкой» модернизации очевидны: умеренность сопротивления – и одновременно сохранение наиболее болезненных проблем российской деревни, а значит, и всего русского общества.

Чрезвычайно значимым стало то, что впервые модернизационная программа, инициированная властью, столкнулась не только с оппозицией консервативно настроенной части правящей элиты и/или сопротивлением традиционалистского большинства. Проект аграрной модернизации страны получил жестких оппонентов слева – социал-демократов, трудовиков, левых кадетов и т. д. Иными словами, по социальному телу России прошла принципиально новая линия раскола, «правые – левые», оказавшаяся, по большому историческому счету, гораздо более опасной, нежели традиционный раскол на «прогрессистов» и консерваторов (или прогрессистов и традиционалистов).

Иными словами, хотя столыпинская реформа не породила жесткого антимодернизационного драйва, те проблемы, которые она не смогла или не успела решить, в известном смысле сделали неизбежными революции 1917 г. В действительности модернизацию страны, и прежде всего аграрную реформу, необходимо было начинать по крайней мере на одно десятилетие раньше, хотя бы с начала царствования Николая II. Однако в середине 1890-х гг. власть была не готова к фундаментальным преобразованиям. И не только ригидные элементы в окружении нового монарха, но и те, кто впоследствии стал проводником реформы²⁸¹. Итогом стало то, что и эта модернизация, после катаклизмов первой русской революции, стала *вынужденной* и, как и многие другие, осуществлялась в условиях жесточайшего социального и политического цейтнота.

Вхождение в индустриальное общество: сталинская триада

Индустриализация, коллективизация, культурная революция – знаменитая сталинская триада. В действительности – создание крупной, но архаичной с точки зрения системы социальных отно-

шений индустрии и формирование нового, не урбанизированного, бесправного пролетариата из числа выдвинутых из деревни голодом и репрессиями людей. А также жесткая стратификация и архаизация сельского пространства, фактически разрушение деревни. Наконец, так называемая культурная революция, которая, ликвидировав неграмотность и подготовив кадры для отечественной промышленности, медицины, образования и т. п., одновременно создала армию не способных к самостоятельному мышлению, ментально ограниченных людей, объект массовой политической индоктринации. А также, уже вне триединой сталинской формулы, создание многочисленной и хорошо вооруженной армии якобы нового типа («рабоче-крестьянской») и нового типа интеллигенции. И, как средство обеспечения всех этих целей, избыточное и зачастую стохастическое насилие.

В первой советской модернизации непосредственная и неразрывная взаимосвязь модернизации и демодернизации читается наиболее явственно: *в рамках коммунистического пути* создание крупной индустрии *экономически* осуществлялось и могло осуществляться только за счет выкачивания средств из деревни и, в конечном счете, деградации последней и прямой физической гибели миллионов крестьян. Иных источников накопления, необходимых для форсированной трансформации страны, в России/СССР не было. Модернизационный проект реализовывался за счет чудовищной архаизации системы социальных отношений, фактически установления нового крепостничества. Равным образом, политически советская модернизация могла быть обеспечена только посредством уничтожения класса мелких хозяев, которые к социализму и коммунизму никакого отношения не имели и иметь не могли.

Достаточно очевидно, что *объективной необходимости* архаизации и закрепощения деревни в 30-е гг. XX в. в России не было и быть не могло. Иными словами, та логика, которую академик Милов выстраивал применительно к петровской модернизации (и которая не кажется мне бесспорной даже применительно к XVIII в.), здесь совершенно неприменима. Развитие России в последние два десятилетия перед революциями 1917 г. показало, что существует иной, менее болезненный и не связанный с провалом в архаику путь модернизации, путь Витте и Столыпина. Формы и методы сталинской модернизации были обусловлены не объектив-

ными потребностями страны, а интересами того специфического режима, который был установлен в России/СССР в результате Октябрьской революции и последующей гражданской войны.

Социально-экономические процессы 30-х гг. XX в. стали наиболее жестокой модернизацией из всех, когда-либо осуществленных в России: элементы, которые противостояли модернизационной политике, и даже те, которые лишь подозревались в подобном противостоянии или, в силу их классового происхождения или положения, могли подозреваться, безжалостно уничтожались. Так называемые кулаки, «враги народа», выходцы из привилегированных прежде сословий (дворянство, купечество, духовенство, госслужащие) были дестратифицированы, а в значительной части физически ликвидированы. Разумеется, когда мы говорим о репрессиях и о сталинском терроре, речь идет не только о методах обеспечения модернизации как таковой – речь об обеспечении условий для реализации избранной политической и экономической стратегии, социально-утопического проекта «социализм в одной стране» в целом.

С деревней в советское время произошло, в сущности, то же, что с промышленностью в петровское и послепетровское время: экономическая эффективность (в сталинской коллективизации, кстати, совершенно иллюзорная) была достигнута ценой экспансии властной архаики. Не случайно утверждалось, что коллективизация – это приход социалистической революции в деревню. Действительно, это было расползание социальных и властных отношений нового типа, распространение действия жестких технологий власти за пределы сформировавшегося в первое послеоктябрьское десятилетие ареала их существования, подобно тому, как крепостные мануфактуры становились в свое время инструментом распространения крепостничества из аграрного сектора в формирующийся промышленный.

С деревней, которая была разорена, экономически самостоятельные, активные элементы которой были подвергнуты почти фукианской процедуре исключения, все, в принципе, ясно. Но в действительности не было создано и то, что в СССР долгое время называли передовой современной индустрией и современным рабочим классом. А.С.Ахиезер справедливо указывал, что субкультура советских предприятий была унаследована от

сельских локальных сообществ, от артелей городских работников, что среди рабочих вплоть до конца советского периода преобладали традиционалистские ценности, что эти рабочие не склонны были поддерживать частную инициативу и выходить за рамки традиционализма, одобренного утилитаризмом, что продолжали существовать мощные пласты *архаичных форм труда*, которые в конфликте с современными формами, несомненно, оказались бы сильнее, и что даже в начале 1990-х нельзя было утверждать, что российское общество прошло стадию реальной индустриализации²⁸².

И, наконец, ГУЛАГ. Если заимствовать логику академика Милова, то ГУЛАГ также мог бы рассматриваться как своего рода «объективная необходимость» в ситуации, когда власти неоткуда было черпать ресурсы для освоения богатых сырьем и природными ископаемыми Сибири и Дальнего Востока. Однако для нас существенно, что он был внедрением в модернизационный процесс не просто крепостнических, а *хуже-чем-крепостнических* отношений, принудительного труда в наиболее жестоких и одиозных его формах. О роли ГУЛАГа в экономике СССР, его удельном весе историки спорят. Мне кажется взвешенной и обоснованной цифра, которую приводит известный специалист по экономике ГУЛАГа Л.И.Бородкин: от трех до, в отдельные годы, десяти процентов ВВП страны²⁸³.

Иными словами, в ходе сталинской модернизации при всех ее технологических прорывах (адепты сталинизма любят повторять, что «Сталин принял страну с сохой, а сдал с ядерной бомбой») консервировалась социальная отсталость и воспроизводилась чудовищная, крепостническая по своей сути архаика.

При этом система, распоряжавшаяся гигантскими человеческими и природными ресурсами, оказалась способной обеспечить себе победу в самой масштабной за всю историю человечества войне, создать ядерную и водородную бомбу и оказаться первой в космической гонке.

Итог первой советской модернизации и результаты дальнейшего развития системы были парадоксальны. В очередной раз сошлюсь на А.С.Ахиезера: «Хозяйственно-экономическая жизнь общества, как она сложилась в апогее советского периода, представляла собой поражающее воображение, невиданное в истории

человечества, гигантское натуральное хозяйство в масштабе большого общества...»²⁸⁴. Хозяйство очень сложное и, и в силу слабости экономических регуляторов, функционирующее только в ручном режиме управления. При этом, как заметил Ахиезер, создатели этой модели считали, что выполняют некую высшую миссию и призваны нести свои ценности всему миру.

В послесталинский период руководство СССР сознавало необходимость каких-то модернизационных усилий и время от времени достаточно близко подходило к решению начать нечто вроде очередной модернизации. Однако хрущевская оттепель оказалась лишь подходом к несостоявшейся трансформации социальной и политической жизни, по типу позднейшей горбачевской перестройки. Последствия первых же шагов по смягчению политической и социальной системы напугали власть и заставили ее предпринять попятное движение. Модернизация завершилась, так и не начавшись. Однако Сталина вынесли из Мавзолея, в колхозах вместо «палочек»-трудодней начали вводить денежную оплату труда, а колхозники получили возможность покидать деревню по своему усмотрению, не только по вербовке.

Затем последовала так называемая «косыгинская реформа», которая была попыткой как-то, хотя бы частично, модернизировать архаические социалистические производственные отношения. Но даже скромнейшие по своему замаху косыгинские проекты были сведены на нет отчасти инерцией системы, отчасти сопротивлением партийной и советской бюрократии, отчасти страхами, которые вызвали сдвиги в некоторых странах Восточной Европы, те же события в Чехословакии 1968 г.

В эпоху Брежнева (так называемый «развитой социализм»), в ситуации сверхвысоких цен на нефть и при возможности обеспечить за счет этого интенсивный рост ВПК и повышение жизненного уровня народа, мысли о модернизации были окончательно отринуты. Проблема «осовременивания» страны встала, и достаточно остро, в середине 1980-х, когда мировая экономическая конъюнктура ухудшилась, резервы экстенсивного развития системы были исчерпаны и СССР вступил в полосу всестороннего, системного кризиса.

Перестройка: инверсия политического и технологического

Горбачевская перестройка, в отличие от многих модернизационных попыток, предпринимавшихся в России в разное время, главной своей целью имела не технологический рывок, а трансформацию политической модели, коррекцию однопартийной системы, введение обновленной системы выборов, внедрение элементов свободы слова («гласность»). Хотя в первые месяцы пребывания М.С.Горбачева во главе партии и звучали привычные для СССР лозунги технократической модернизации, от пресловутого «ускорения» до совершенно безумных призывов вывести советское автомобилестроение на позиции мирового лидера. И все-таки прогрессистские элементы во власти пришли к выводу, что никакой экономический рывок без модернизации политической системы и системы социальных отношений невозможен. В Горбачеве политик победил секретаря по сельскому хозяйству и докладчика на несостоявшемся пленуме по научно-техническому прогрессу²⁸⁵.

Если же рассматривать предпринятую Горбачевым масштабную трансформацию в широком историческом контексте, то нельзя не обратить внимания на такую черту горбачевской перестройки, как поистине никонианское стремление войти в Большой Мир, совершенно аналогичные предпринятому в XVII в. *исправлению книг* универсалистские коннотации процесса.

Соответственно, перестройка предстает не технологической модернизацией, обеспечиваемой за счет расползания социальной архаизации (как это было, например, в 1930-е гг.), а напротив, политической модернизацией, которая показала несовместимость даже частично модернизированных политических структур (начатки парламентаризма, политической конкуренции, многопартийности, свободы слова) с основами так называемой социалистической экономики. А также нежизнеспособность архаической имперской структуры, именуемой *многонациональным Советским Союзом*, в ситуации, когда входившие в него республики фактически получили право выбора: суверенитет, независимость – или существование в рамках обновленного каким-то образом СССР.

Процессы политической модернизации не могли быть удержаны в тех ограниченных рамках, которые отводили им архитекторы перестройки, и с какого-то момента стали развиваться, следуя уже собственной логике. Слом тоталитарных скреп привел к активизации центробежных тенденций, и СССР распался на составные части. Советская экономика, державшаяся в последние годы советской системы невероятным напряжением, лишившись опор плановости и государственных гарантий существования, также потерпела крах. Кризис разворачивался на фоне борьбы за политическое доминирование двух центров силы, которыми были уже не царство и священство, а союзное руководство и стремительно консолидировавшая российская элита. Противостояние было воплощено в фигурах Горбачева и Ельцина.

Произошла своеобразная инверсия прежнего модернизационного/демодернизационного механизма, и на выходе из периода политических реформ был получен не технологический рывок, пусть даже достигнутый ценой определенной социальной архаизации, а полная дезорганизация, экономический крах, причем на фоне распада государства. При этом цели перестройки были, как это ни парадоксально, в известной мере достигнуты. То есть страна (правда, уже другая страна, не Советский Союз, а ставшая его преемником Россия) действительно стала более свободной, и в смысле политическом, и в смысле экономическом.

Перестройка, несомненно, зафиксировала, актуализировала и углубила раскол в обществе, и прежде всего неизбежный раскол на западников-реформаторов и традиционалистов-консерваторов. На сторонников конкуренции и адептов социальной справедливости, на иждивенцев и предпринимателей, на тех, кто естественно и органично чувствовал себя в рамках «русской аскезы», и тех, кто не испытывал ужаса перед перспективой вполне капиталистической конкуренции. Но при этом перестройка (в отличие от постперестроечной политики российского руководства, проводившейся с января 1992 г.), весьма негативно оцениваемая весьма значительной частью населения, не породила яростного, массового сопротивления.

На то есть ряд причин. Во-первых, способность акцентированного сопротивления власти была в значительной мере атрофирована десятилетиями жизни в СССР. Во-вторых, по поводу не-

которых целей перестройки в обществе существовал достаточно широкий консенсус (например, относительно введения реальной выборности органов власти или демонтажа однопартийной системы). В-третьих, перестройка, как и модернизация Александра II, ставила в повестку дня не только назревшие, но и «перезревшие» общественные задачи. И наконец, в-четвертых, силы, выступавшие против перестройки как политической модернизации, в основном коммунистические, были в значительной степени деморализованы, не ощущали себя легитимными и смогли, причем лишь частично, преодолеть эту деморализацию только тогда, когда новая власть уже была относительно консолидирована.

Постсоветская модернизация: 1991–1998

На рубеже 1980–1990-х, когда, еще в хронологических рамках СССР, началась первая постсоветская модернизация, российское руководство решало три основных задачи: (1) ликвидация однопартийной системы; (2) по возможности бескровное расформирование Советского Союза; (3) переход к рыночной экономике. Приступ к решению всех трех задач был в значительной степени вынужденным и не терпел отлагательств. В известной мере, с существенными оговорками, эти задачи были решены.

Модернизация прошла два основных этапа. Первый – 1991–1993 гг., основная повестка дня – демонтаж советской системы, символическим завершением которого стали танковые залпы по Белому дому, где располагался Верховный Совет. При всей brutality методов расставания с советизмом, в России в 1990-е были созданы основы демократии современного типа: реальная многопартийность, механизм демократических выборов, элементы федерализма, относительно свободные СМИ. Значительность политической модернизации 1990-х проявляется хотя бы в том, что для демонтажа ключевых элементов созданного тогда политического механизма потребовалось не менее пяти лет и множество частных откатов в тех или иных направлениях и ключевых пунктах, определяющих демократичность/авторитарность политического устройства страны. Параллельно с разрушительной/созидательной работой в сфере

политической в 1990-е осуществлялось форсированное создание основ рыночной экономики, приватизация, передача крупнейших государственных предприятий и корпораций в руки избранных властью собственников, стимулирование частного предпринимательства. После завершения антисоветской революции 1991–1993 гг. это стало основным содержанием процесса модернизации.

Болезненный процесс *реальной перестройки* страны привел к тому, что по уровню экономического развития Россия была отброшена далеко назад. По различным подсчетам, только в 2006–2007 гг. был достигнут уровень 1991 г. по объему ВВП – и уже при несопоставимой структуре экономики. С другой стороны, именно в начале 1990-х были заложены основы более или менее нормального развития России как рыночной экономики, в том числе и фундамент преуспевания в относительно благополучные с точки зрения темпов экономического развития и уровня жизни первые семь-восемь лет XXI в.

Ценой форсированной системной модернизации стало также резкое падение уровня жизни, углубление идеологического, политического и социокультурного раскола общества, усиление социального неравенства сверх неизбежного при капитализме и рынке, усиление коррупции, что неизбежно в бюрократической системе, существующей независимо от гражданского общества.

Что же касается распада СССР, то не думаю, что этот исторический акт можно отнести к последствиям модернизации. Выше мы уже отмечали, что надо проводить различие между последствиями модернизации и следствиями общей эволюции системы власти, технологического ужесточения и т. п. (в частности, было подчеркнуто, что пик сопротивления в петровскую эпоху, восстание Булавина, было реакцией не на новации как таковые, а на общее ужесточение формирующейся имперской системы). Точно так же распад СССР если и стал результатом модернизации, то весьма и весьма опосредованным, следствием ослабления (уже не ужесточения, а именно ослабления) механизмов принудительного стягивания Союза в единое целое, и прежде всего краха КПСС и КГБ. Эрозия жестких технологий власти на рубеже 1980–1990-х привела к тому, что целое начало распадаться. Но это – процесс иного, не модернизационного типа.

В России начала 1990-х, по сути, не было социокультурных предпосылок для адаптации населения к условиям рыночной экономики. Не готовы были ни «народ», ни «элита» (умышленно беру в кавычки оба эти понятия). И практически отсутствовали механизмы и институты гражданского общества, которые, будучи некоей социальной константой, олицетворением стабильности и преемственности, могли бы стать амортизаторами при резкой смене политического режима и экономической модели.

Побочным продуктом модернизации 1990-х, если хотите, *архаизационной составляющей*, аналогом создания крепостной промышленности при Петре I или крепостной деревни при Сталине, стало воссоздание номенклатуры, этого исторически дискредитированного и отброшенного историей слоя, в новых условиях и в новом облике. В какой-то степени это объяснимо. Силового ресурса у ельцинского руководства не было, делать ставку на прямое подавление, как это нередко бывало в ходе предшествующих российских модернизаций, от Петра I до Сталина, было невозможно (даже абстрагируясь от готовности или неготовности к масштабному насилию тогдашней российской власти), степень дезорганизации управления была значительной, и у власти не было иного способа проведения реформ, как проводить их, опираясь на бюрократическую вертикаль, на новую (а по персональному составу в значительной мере старую) номенклатуру.

В отличие от перестройки, ельцинские реформы усугубили раскол общества и в какой-то момент поставили страну на грань гражданского противостояния. Почти открытое проявление корыстных интересов новой элиты (тип и механизм приватизации первое тому свидетельство) и ненависть традиционалистского большинства даже не столько к новациям, сколько к «новым богатым», усугубили раскол.

Модернизация 1990-х была исторически логичным, но в значительной степени стихийным процессом, Российская власть слабо контролировала поток событий, не осуществляла какой-то последовательной и целостной программы а, действуя реактивно, под давлением обстоятельств, решала конкретные проблемы (кстати, Ключевский примерно это же написал в свое время о Петре I²⁸⁶). Хотя при этом власть, безусловно, пыталась утвер-

дить некоторые базовые демократические принципы организации общества, на которых, по ее мнению, должна была строиться новая, постсоветская Россия.

Дефолт 1998 г., предопределивший отставку президента Ельцина и вхождение страны в новую полосу развития, подвел итог первой постсоветской модернизации.

Некоторые выводы

Российская модернизация – это не только процесс, который протекает в расколотом обществе. Это не только внутренне противоречивый процесс, который порождает и углубляет раскол. Это также очень своеобразная форма преодоления раскола, причем по большей части вынужденная обстоятельствами. Общество не может бесконечно долго существовать в расколотом состоянии, следовательно, состояние раскола должно быть ликвидировано. Что возможно либо в ходе модернизационного процесса, либо путем демодернизации и архаизации, посредством исторического отката.

В идеале модернизация призвана сделать традиционалистские и архаичные компоненты экономической, политической и социальной структуры более современными, адаптировать их к новациям, «подтянуть» традиционалистское большинство к модернистскому меньшинству. Но происходит чаще всего обратное: пропасть между традиционалистами и «модернизаторами» углубляется, и традиционалисты идут не вперед, к европейским ценностям и структурам, а назад, к архаике.

Хочу напомнить одну весьма актуальную мысль А.С.Ахиезера: «Архаизация обычно обладает гораздо большим энергетическим потенциалом, то есть массой носителей, способных смести реформу, посеять смуту, уничтожить государство»²⁸⁷. Что касается массы носителей, то с этим все более или менее понятно. Но не менее важно зафиксировать амбивалентный характер архаизации, двуединый источник ее возникновения и проявления. С одной стороны, движение в направлении социальной архаики – это способ протеста, возмущения, сопротивления власти как таковой (и в таком случае оно понятно, в каком-то смысле исторически оправданно и, по сути, неизбежно). С другой стороны, это способ сопротивления

новациям, точкам роста всего относительно нового, современного, стимулируются ли они «сверху», властью, или возникают в процессе функционирования гражданского общества (и в этом случае архаизация не имеет исторического оправдания ни по сути, ни по форме). Иными словами, импульсы архаизации могут проявляться в истории как в форме булавинского восстания, так и в уничтожении зажиточных крестьян, «кулаков», бедняками и батраками в эпоху комбедов и сплошной коллективизации.

Решительная, радикальная модернизация усугубляет раскол и провоцирует архаизацию, либо заложенную в самом механизме модернизации, либо проистекающую из реакции на нее традиционалистского большинства. «Мягкая», постепенная модернизация не решает стоящих пред властью и обществом проблем, отодвигает их и создает предпосылки для будущих кризисов. Однако беда, если не вина России заключается в том, что модернизация и того, и другого рода является, по сути, вынужденной и проводится с гигантским опозданием, часто под впечатлением тех или иных социальных катаклизмов.

Одна из предпосылок воспроизводства ситуации раскола едва ли не каждой из российских модернизаций – наличие двух враждебных и потенциально противостоящих друг другу сил: традиционалистского большинства, косной массы, враждебно относящейся к любым новациям и ориентированной на *статический идеал*, и не укоренной в социокультурном пространстве российского общества, ориентированной на Запад властной элиты.

Другой фактор раскола – это образ действий самой власти, которая эгоистична, корыстна (а значит, непоследовательна в решении исторических задач и в реакции на исторические вызовы) и стремится переложить бремя модернизации на плечи населения. Модернизация, которая превращается из фундаментального общественного процесса в корпоративное предприятие, не может быть приемлема для широких слоев общества, причем не только традиционалистских, но и вполне либерально ориентированных.

На протяжении многих десятилетий, если не столетий, власть в России осуществляла экспансию, превращая территорию государства в пространство власти – за счет подавления и дезинтеграции гражданского общества. В конечном счете, ни у власти, ни за пределами власти не оказалось механизмов, при помощи которых

могло быть осуществлено модернизационное усилие, субъектами которого стали бы власть и общество в равной мере. Проще говоря, у власти нет языка, которым она могла бы говорить с населением по поводу модернизации, а у населения нет инструментов, которые могли бы помочь ему услышать и понять власть. Разумеется, под *языком* в данном случае подразумевается язык особого рода, язык социальный, например, язык дисциплинарных практик, который долгое время был в Европе основным инструментом общения власти с гражданским обществом.

Традиционалистское большинство, сопротивляющееся новациям, видящее в них угрозу основам своего существования, также не имеет средств для того, чтобы найти какой-то иной язык общения с властью, кроме подспудного, молчаливого, пассивного неприятия ее действий или прямого и жесткого противостояния, бунта.

Либеральное, мыслящее по-европейски меньшинство, составляющее в России *подавляющее меньшинство*, стиснуто с двух сторон властью и доминирующим в обществе, массовым традиционализмом; положение его трагично.

Тем не менее и сегодня существуют достаточно широкий круг консенсусных тем и проблем, которые могли бы стать содержанием новой – и относительно компромиссной – российской модернизации: техническое переоснащение отечественной промышленности и аграрного сектора, обеспечение политической конкуренции, создание независимого суда и т. д. Причина, почему не реализуется подобная повестка дня, – не страх власти перед модернизацией как фактором и стимулятором потенциальной дезорганизации и раскола, а корыстный интерес части правящей российской элиты. Последняя представляет, скорее, не активную, а *реактивную власть*, не стремящуюся к решению фундаментальных задач, стоящих перед страной, и предпочитающую инерционное движение в привычном утилитаристском коридоре, во всяком случае, до тех пор, пока внешние условия благоприятствуют такому типу поведения. Если же посмотреть на эту элиту не как на институт власти, а как на определенную социальную корпорацию, то очевидно, что основная ее цель – не благоденствие общества, а власть как таковая, самосохранение и самовоспроизводство, личное материальное благополучие, достигаемое любыми законными, а чаще незаконными способами.

Возможности модернизации в России ограничены и предопределены реалиями российского общества, спецификой его развития и преобразования на протяжении столетий. В.А.Подорога когда-то заметил, что гражданское общество – это *анти-власть*. Приведу соответствующую цитату полностью: «Гражданское общество стоит на страже (или должно стоять) общественного интереса, который, конечно, не дан, а вырабатывается в ходе поиска альтернатив каждому возможному принятию решения. Вот почему институты гражданского общества олицетворяют собой анти-власть, они противостоят безмерности захвата властью общественного интереса и подмены его узкокорпоративными целями. Совершенно ясно, что гражданское общество (если оно есть) всегда в оппозиции к действующей власти и не только в качестве отстраненного или “романтического” критика, но скорее в качестве основного источника ее легитимации»²⁸⁸.

Очевидно, компромиссное разрешение противоречий между властью и гражданским обществом возможно в ситуации определенного равновесия власти и «анти-власти». То есть в ситуации, когда общество способно оказывать власти сопротивление и препятствовать ее непрерывной экспансии, ее стремлению, как выражается Подорога, захватывать часть гражданского общества, делить его территорию, ценности, цели, одно присваивая, другое отбрасывая²⁸⁹.

В России гражданское общество или просто общество (не будем дискутировать по поводу того, насколько гражданским оно является) за редчайшими исключениями оказывалось неспособным противостоять давлению власти, в частности, во время осуществления модернизационных рывков, трансформаций и ломок. Пассивное неприятие, эскапизм, скрытая и открытая враждебность, слепая и порой фанатичная приверженность к старине, в критических ситуациях бунт – и полное отсутствие инструментов цивилизованного воздействия на власть и каких-либо механизмов, при помощи которых общество может сделать власть нелегитимной.

Иными словами, в России мы фиксируем не условное равновесие власти и анти-власти, а наличие инструментов подавления, при помощи которых власть решает любые свои задачи, и реформационные, и антиреформационные, – и отсутствие специфических для гражданского общества механизмов/техник/практик воздействия на власть, заставляющих власть пересматривать свои методы

давления на общество и прибегать к инструментам и технологиям хотя бы дисциплинарного характера. Поэтому модернизация в России, как правило, становилась не социальной трансформацией, в процессе которой достигается и поддерживается определенный баланс интересов власти и общества, и последнее действительно цивилизуется, осовременивается, двигается вперед, а представляла собой «амбивалентный», т. е. двусмысленный с исторической точки зрения процесс, сочетавший продвижение по одним векторам и откат по другим и опиравшийся на технологии подавления как на главный инструмент преобразований.

В случаях же, когда эти инструменты не применялись или не были эффективны («перестройка»), общество оказывалось перед перспективой дезорганизации, если не соскальзывания в хаос.

Гражданское общество в России, к сожалению, не заполняет всего того социального пространства, которое не стратифицировано властью. Есть еще пространство, скажем так, не-гражданского общества, социума традиционалистского или квазитрадиционалистского типа, со своими механизмами и институтами. Гражданское общество (или элементы гражданского общества) и традиционалистское большинство, о котором я, вслед за А.С.Ахиезером, не устаю говорить, в России – это два феномена, существующие параллельно, в разных измерениях. Член гражданского общества – это обладатель некоей суверенности, являющийся и ощущающий себя обладателем набора прав и свобод (В.А.Подорога). Представитель традиционалистского большинства – это индивид, ощущающий свою зависимость от власти и признающий ее диктат, более мягкий или более жесткий, нормой, не сознающий ценности свободы и не интерпретирующий свою жизнь в категориях прав человека и человеческого достоинства. Власть равным образом захватывает, присваивает и территорию гражданского общества, и пространство обтекающего его традиционалистски устроенного социума. Иными словами, российское общество расколото и в изначальных, базовых парадигмах отношения к власти и сопротивления ей. И эта расколотость сопротивления – сопротивления двух трудно совместимых, относящихся друг к другу с предубеждением и часто ненавидящих друг друга сил – одна из причин, превращающих российские модернизации в противоречивый и исторически двусмысленный процесс модернизации/демомодернизации.

Глава 11. Национально-психологические особенности России и проблема политической модернизации

Политическая демократия относится сегодня большинством исследователей к универсальным ценностям. Безусловно, имея западное происхождение, ценности демократии получили широкое распространение и признание во всем мире, и, как считается, приверженность этим ценностям выступает признаком современности. Степень их реализованности в политической практике позволяет судить, насколько то или иное общество является современным или, точнее, каков уровень его *политической* модернизованности. Вероятно, именно по этой причине абсолютное большинство современных государств причисляет себя к демократиям²⁹⁰ (в какой степени они *являются* демократическими – другой вопрос). Между тем целый ряд государств, имевших в прошлом опыт тоталитарного и авторитарного развития (в их числе и Россия), но с некоторых пор стремящихся развивать у себя современные формы политической жизни, столкнулись со значительными трудностями в процессе перехода к демократии. Эти трудности, как часто полагают, связаны с не всегда достаточным уровнем демократической политической культуры, неразвитостью политических отношений и институтов (того, что называют «публичной политикой»), грузом патриархальных традиций и т. п. В результате переход к демократии оказывается для новых государств чрезвычайно трудным и болезненным делом, чреватым рецидивами прошлого и откатом к авторитаризму²⁹¹.

Анализ факторов, препятствующих или, во всяком случае, серьезно затрудняющих переход государств от авторитарных/ тоталитарных политических систем к системам либеральным и демократическим, способен выявить как общее, так и специфическое, особенное в развитии поставторитарных обществ. Общее определяется закономерностями перехода, наблюдаемыми всякий раз в разных странах, с разными типами политической культуры, традициями и т. д. и независимо от них. Особенное же как раз связано с этими специфическими чертами (история, культура, традиции, быт), которые у каждого народа, у каждого общества свои и как таковые неизбежно влияют на восприятие нового по-

литического уклада, соответственно чертят *собственную траекторию развития* (в том числе развития демократического) для данного общества.

В настоящей главе я попытаюсь проанализировать влияние на политику и на процесс становления демократии в разных обществах (прежде всего, конечно, меня будет интересовать современное российское общество) фактора *национального характера*. Этот фактор, будучи, что называется, на слуху, тем не менее учитывается весьма незначительно в теоретической политологии и политической философии (и это вполне естественно для *теоретических* дисциплин), но, как представляется, именно его воздействием можно объяснить многие перипетии нашей сегодняшней политической жизни. При этом я не стану вдаваться в дискуссии о правомерности использования самого термина «национальный характер» вообще и в политологическом анализе в частности, полагая вслед за известным отечественным психиатром-психотерапевтом, глубоким исследователем человеческой души (прежде всего, в многолетней клинической практике) профессором М.Е.Бурно, что национальный характер, характер народа, как и характер отдельного человека (точнее, все многообразие этих характеров), *безусловно существует*²⁹². И факт установления и описания такого характера (характеров) – *не умозрительное дело* (как например, это происходит в психоанализе²⁹³), *а занятие вполне реалистическое, земное*, но требующее специальных знаний и подготовки²⁹⁴, позволяющих увидеть, почувствовать ту или иную характерологическую структуру, тот или иной склад души (в том числе души народа) в реальности. Но начать позволю себе с некоторых существенных констатаций.

Результаты демократического транзита в России

Проблема политической демократии сегодня – одна из наиболее важных и широко обсуждаемых в политологическом сообществе (российском и других стран). На Западе такого рода обсуждения стимулируются прежде всего необходимостью осмысления экономических и политических последствий глобализации и связаны с озабоченностью западной интеллектуальной элиты перспек-

тивами демократии в глобализирующемся мире. Так, с одной стороны, процесс экономической глобализации существенно способствует распространению формальной (процедурной) демократии в мире. А с другой, интернационализация экономических связей, выход рынков из-под контроля политических элит серьезно ослабляют возможности национального государства в плане аккумуляции и последующего распределения национального богатства. А это, в свою очередь, ведет к подрыву самих основ социального государства, как оно сложилось на Западе, и, следовательно, к размыванию социальных и экономических основ политической демократии²⁹⁵. В России обсуждение перспектив демократии происходит в принципиально ином, чем на Западе, политическом и историческом контексте. В отличие от западных государств, в которых демократия как таковая состоялась, стала фактом общественной и политической жизни и сегодня лишь сталкивается с новыми вызовами (вызовами, прежде всего, со стороны глобализации), российский «демократический проект» расценивается подавляющим большинством исследователей как неуспешный, принципиально незавершенный. При этом причины неуспеха и незавершенности этого проекта, по общему мнению, носят не внешний, а *внутренний* характер, будучи связанными с особенностями политических и экономических преобразований конца прошлого – начала нынешнего столетия.

Не входя в описание подробностей, деталей демократического транзита²⁹⁶, приведу несколько авторитетных суждений (высказанных в отечественной политологической литературе последних лет), фиксирующих лишь его *результаты*. Так, известный историк и политолог, один из авторов концепции «Русской системы» Ю.С.Пивоваров констатирует, что демократический транзит в России в очередной раз (как это случалось и ранее, например, в середине XIX и начале XX в.) завершился неудачей. И эта неудача стала особенно заметной в период реформ путинской администрации. «Видимо, к началу второго срока президентства В.В.Путина в основном завершилась эпоха “транзита”. Выйдя из пункта “А” Россия пришла к пункту... “А”. ...Ведь транзит предполагает попадание в пункт “Б”. Однако русский транзит обладает особыми свойствами. Его траектория всегда замысловата, так сказать, в процессуальном отношении, но “провиденциальна” в содержа-

тельном. Я бы сформулировал это так: отречемся от старого мира, разрушим его до основания, построим новый и вдруг обнаружим, что все это на самом деле было спасением мира старого – не по форме, по существу»²⁹⁷. При этом исследователь уточняет: «...то, что мы видим сегодня, не только и не просто “возвращение” к советским временам. Это вообще **возвращение**. К тому, что было всегда. **Было**, несмотря на множество реформ, поверхностный политический плюрализм, кратковременные эпохи публичной политики и т. п.»²⁹⁸.

Сходных оценок результатов российского демократического транзита придерживается и историк, политолог Т.Е.Ворожейкина. В статье с характерным названием «Несбывающаяся политика» Ворожейкина рисует выразительную траекторию движения политического процесса в посткоммунистической России, констатируя, что «в результате процессов деинституционализации (происходящих сегодня в России. – Г.К.) не только власть, но и политическая сфера в целом утрачивает публичное измерение. Лишившись реального смысла – конкурентной борьбы за власть, – политика в современной России превратилась в “церемониальную” и тем самым вновь стала пустой и бессодержательной»²⁹⁹. Соглашаясь с другой авторитетной исследовательницей, Л.Ф.Шевцовой³⁰⁰, Ворожейкина заключает: «Российская политика возвращается к советскому состоянию, включая нарастающие попытки власти снова сделать ее средством контроля над обществом, как это показали, в частности, парламентские выборы 2007 г.»³⁰¹ (и, думаем, президентские выборы 2008 г.).

Ю.С.Пивоваров и Т.Е.Ворожейкина принадлежат к исследователям либеральной ориентации, к западникам, поэтому их оценки политической ситуации в России звучат подчас довольно категорично (и это понятно, исходя из принимаемого и разделяемого ими западного опыта). Интересно, что указания на «возвращающийся» характер русской истории, но с иным «знаком», можно встретить и в работах ученых, не всегда стоящих на либерально-демократических (западнических) позициях. Например, тоже авторитетный ученый, политолог В.Н.Шевченко в своих статьях говорит о неких «инвариантах» российской политической жизни, о «традиционном типе государственности» в России, который противостоит реконструируемому им «либе-

ральному типу государственности» и имеет тенденцию воспроизводиться на разных этапах исторического развития. «С моей точки зрения, – пишет Шевченко, – Русское централизованное государство, Российская империя, Советский Союз – все это исторические этапы развития одного традиционного типа российской государственности»³⁰². При нем, как указывается далее, «имеет место чрезвычайно высокий уровень централизации власти, абсолютное доминирование прямых вертикальных властных структур над горизонтальными общественными связями. Для возникновения и устойчивого существования горизонтальных общественных связей и отношений в таком типе государства нет серьезных объективных оснований»³⁰³.

Таким образом, исследователи разных политических убеждений (порой прямо противоположных) говорят сегодня о *фактическом возвращении России в «наезженную колею» исторического развития, о возврате ее к своим традиционалистским основам* спустя почти два десятилетия с начала демократических преобразований (рубеж 80–90-х гг. прошлого века). Причины этого возвращения трактуются по-разному: от почти метафизических, философско-идеалистических объяснений (в духе концепции «Русской системы» или иных метафизических начал, «инвариантов», российской государственности) до *близких* к реалистическим (но тоже по-своему концептуальных), исходящих не из «метафизики возвращения», а из специфики политического и социально-экономического развития страны после 1990 г.³⁰⁴.

Разделяя в целом выводы исследователей о том, что результаты осуществления «демократического проекта» можно признать неуспешными (в отличие, может быть, от несколько более успешно осуществлявшихся – хотя и это большой вопрос – процессов экономической модернизации), мне бы хотелось порассуждать о причинах этого успеха с несколько *иной точки зрения*, чем та, что принята в теоретической политологии или политической философии. *Эта точка зрения* определяется представлением о существовании особого *природного национального характера*, черты которого влияют на общий политический, культурный, хозяйственный строй жизни народов. Но прежде, как представляется, следует подробнее, детальнее сказать о *методологических основаниях* такого рассуждения.

Теоретические науки и характерологическая креатология (к методологии исследования)

Первое, что следовало бы отметить здесь, что такой ход мысли – с точки зрения характеров (и учения о характерах – характерологии) – достаточно специфичен и весьма непривычен для *теоретического* знания (включая *теоретическое* обществоведение). Вопреки тому, как это принято в теоретической науке, в рамках характерологии рассуждения строятся на основе не той или иной авторской концепции (философской, социологической, психологической и т. д.), но на базе *реалистического, естественнонаучного* знания-понимания природы людей. Именно такой, естественнонаучный, исходящий из особенностей реалистически-земного (не абстрактно-теоретического) мышления взгляд на вещи (в том числе искусство, науку, политику) лежит в основе метода, получившего сегодня название *характерологической креатологии*. М.Е.Бурно, автор метода терапии творческим самовыражением³⁰⁵ пишет: «...по сути дела, речь идет о том, что ТТС способна существовать, развиваться в культуре как *особое мироощущение-мировоззрение*. Если это так, то важно отграничить ТТС, с одной стороны, от *эстетики* и, с другой, – от *эвристики*. *Эстетика* изучает *наиболее общие* закономерности *творческого переживания* человеком прекрасного в жизни (в том числе в природе, искусстве). *Эвристика* изучает *наиболее общие* закономерности *творческого мышления*. ТТС, в отличие от *эстетики* и *эвристики*, изучает (прежде всего с лечебной целью) особенности разнообразного творчества, обусловленные *конкретными природными особенностями души*. ТТС проникает в природные особенности творческого характерологического, патологического переживания (неповторимо синтонного, неповторимо аутистического, неповторимо полифонического и т. д.), отправляясь от них. Эти природные особенности души звучат и в письме родственнику, и в *собственном* творческом вдохновении, и в определенном, свойственном тебе, мироощущении, и в *своей* неповторимой общественно полезной жизненной дороге. ТТС в таком широком понимании возможно называть *характерологической креатологией*»³⁰⁶ (курсив автора. – Г.К.).

Таким образом, характерологическая креатология выступает сегодня в качестве универсального *метода, особого исследовательского подхода*, чьи положения применяются при изучении самых разных областей человеческой деятельности, включая науку, политику, культуру, религию³⁰⁷. В то же время у данного метода – даже при совпадении объекта (например, это могут быть произведения искусства, научные, художественные произведения и т. д.) с теоретическими дисциплинами (например, с искусствознанием, философией, культурологией, религиоведением и т. д.) – есть *принципиальное отличие* них. Оно состоит в том, что, как уже отмечалось, исследование здесь ведется естественнонаучно-реалистически, исходя из *особенностей природы характера*, а не умозрительно-теоретически (как это происходит в теоретических науках). Эту особенность характерологической креатологии можно пояснить, в частности, на примере сравнения с искусствознанием и этнологией. «Здесь же уместно пояснить отличие ТТС (характерологической креатологии) от искусствознания. Искусствознание – это, прежде всего, теория искусств, история искусств и художественной критики. Искусствознание рассматривает художественную культуру, произведения искусства (в широком смысле, включая сюда и литературные произведения), исходя из определенной картины общественной жизни в данное историческое время, исходя из различных школ живописи и школ других искусств, вообще исходя из культурной жизни страны (обычаев, воспитания, образования и т. п. в этой конкретной стране)³⁰⁸. ТТС (характерологическая креатология) рассматривает произведения искусства, исходя из практически вековых особенностей природы характера творцов, исходя из практически вековых определенных душевных (чаще хронических) расстройств. ...Таким образом, ТТС (характерологическая креатология) *выводит на первый план именно то, как обнаруживают себя в произведении искусства природные душевные особенности его автора* (курсив мой. – Г.К.). И это также, думается, правомерный (не теоретический, но естественнонаучный) подход в исследовании культуры, т. е. в исследовании всего того, что создают люди, в отличие от природы (береза, синица – природа, а ложка, песня – культура). ...Своей характерологичностью, естественнонаучностью отличается ТТС (характерологическая креатология), изучающая также

этнические (присущие данному народу) особенности характера, быта, культуры, и от истинной *теоретической* этнографии (этнологии)»³⁰⁹ (курсив автора. – Г.К.).

Наконец, возможно, наиболее важный вопрос – вопрос о *характерах*. В самом деле, *что есть человеческий характер*, т. е. те самые природные особенности души, о которых говорит клиническая (реалистическая, естественнонаучная) характерология и представление о которых положено в основу ТТС и характерологической креатологии? В самом общем смысле характер – это некое природное единство *телесного* и *душевного* в человеке, его *душевно-телесная индивидуальность, обусловленная особенностями биологической конституции* (как, впрочем, и характеры животных, у которых, правда, в зачаточном виде, но все же содержатся ростки *человеческих* характеров). Не углубляясь в сложный вопрос о происхождении характеров³¹⁰, можно сказать, что определенный душевный склад, как он сложился на протяжении веков (и даже тысячелетий), представляет собой *особую природную самозащиту*, оберегающую человека (данного склада) от разного рода вредоносных воздействий (прежде всего воздействий природной среды, но также и социума). В этом смысле говорится об особой природной «выкованности» характера³¹¹. Сегодня в клинической (реалистической, не психологической³¹²) характерологии, развитой и уточненной в рамках Школы Бурно, выделяют 12 *основных характерологических типов* («гирлянда характеров») (привожу по классификации М.Е.Бурно):

- сангвинический (синтонный) характер (циклоид³¹³);
- напряженно-авторитарный характер (эпилептоид);
- тревожно-сомневающийся характер (психастеник);
- застенчиво-раздражительный характер (астеник);
- педантичный характер (ананкаст);
- замкнуто-углубленный, аутистический характер (шизоид);
- демонстративный характер (истерик);
- неустойчивый характер (неустойчивый психопат);
- смешанные (мозаичные) характеры:
 - а) «грубоватый» характер (органический психопат);
 - б) «эндокринный» характер (эндокринный психопат);
 - в) «полифонический» характер (также в здоровой и болезненной своей выраженности)³¹⁴.

Необходимо отметить также, что важнейшим диагностическим критерием при определении того или иного характера (помимо специфических признаков) в характерологии выступает *тип мироощущения* – реалистический (материалистический), идеалистический либо эклектический (в случае мозаичных, т. е. *нецелостных*, характеров). «В основе мироощущения (материалистического и идеалистического), с точки зрения характеролога, лежит особенность природного ощущения (чувства) каждого из нас, когда задаем себе вопрос: чувствую свое тело по отношению к своему духу (в широком смысле) источником духа или его приемником? Реалисты (материалисты) обычно уверенно отвечают на этот вопрос себе и другим: источником... Идеалист же либо отчетливо ощущает уже с детства изначальность, первичность духа... либо приходит к этому лишь с годами, либо не понимает этот вопрос, считая его не имеющим смысла, но и не согласен с тем, что тело (высокоорганизованная материя) – источник духа»³¹⁵. К реалистическим (материалистическим) характерам относятся (по приведенной выше классификации) первые пять характеров и «грубоватый»; к характерам с идеалистическим мироощущением – замкнуто-углубленный и «эндокринный»; полифонисты³¹⁶ могут быть как с материалистической, так и идеалистической доминантой; ювенильные личности (истерики и неустойчивые) способны менять свое мироощущение по обстоятельствам (см. там же). Таким образом, все многообразие характеров группируется по *трем основным типам* (материалистический, идеалистический и эклектический – с доминантой первого либо второго типа), с соответствующими им особенностями³¹⁷.

Демократия в свете национально-психологических особенностей европейцев и русских

Описанное выше – это, так сказать, общие теоретические (в смысле земной, реалистической, *не умозрительной* теории) основы характерологии, характерологической креатологии. Нам же в данной статье интересно прежде всего то, что можно сказать о характерах в аспекте их *региональных различий*, *национально-географической* специфики. Важным наблюдением, сделанным в

характерологии и имеющим самое непосредственное отношение к общественным наукам, является то, что в разных странах исторически проживают люди с тем или иным преобладающим типом характера и это существенно влияет на духовный и материальный облик как отдельных социальных общностей, так и целых регионов мира³¹⁸. Например, для стран Северной Европы (Германия, Скандинавские страны) характерными являются шизотимный (аутистический) и педантичный (ананкастический) тип, в англосаксонских странах (США, Великобритания) доминирует аутистический тип, в некоторых странах Южной Европы (Италия, Франция), а также в Закавказье (Армения, Грузия), Израиле преобладают люди с бурно-сангвиническим темпераментом³¹⁹ и т. д. Россия в этом ряду находится как бы между двумя макрорегионами с различной аутистической (замкнуто-углубленной) структурой характера: западной европейской и дальневосточной (Китай, Япония), отличаясь от них своей природной реалистичностью, изначальной тревожностью, со сложными нравственными исканиями, переживанием неполноценности (дефензивностью)³²⁰.

В каком же смысле можно говорить о *национальном характере*? Национальный характер – это то особенное, что есть не у всех людей данной исторической общности (и даже не у большинства в ней), но является *типичным* для нее, накладывает свой отпечаток на все проявления культуры (как материальной, так и духовной) данного народа. «Это – природная особенность души, которая в выразительном, типичном виде присутствует у многих в этом народе, оставляя хотя бы свою тень у большинства людей, составляющих этот народ, и достаточно ярко, проникновенно обнаруживает себя в истории и культуре народа»³²¹. Исходя из этого, представляется возможным говорить (уже в духе характерологической креатологии) и о том, как *по-особенному* проявляется национальный характер (т. е. типичное душевное у данной общности) в различных областях национальной жизни, в том числе в *общественной сфере*, в экономике³²² и политике. Или, переформулируя этот вопрос применительно к нашему предмету: *какие душевные особенности западных народов*³²³ *нашли отражение в демократической форме политического устройства и, напротив, почему российский душевный склад оказался невосприимчив (как, думается, со всей очевидностью показали 1990-е гг.) к демократии как*

произведению иной (не славянской, не русской) души? Попытаюсь ответить на этот вопрос, опираясь на разработки как характерологической креатологии, так и на исследования отечественных ученых – философов и обществоведов.

Очевидно, для того чтобы ответить на первый вопрос (как отразились особенности западного душевного склада в демократическом устройстве), необходимо сказать о том, что *представляет собой* сам этот душевный склад, в чем его специфика по сравнению, например, с душевной особенностью русских или восточных народов? Отчасти об этом уже было сказано выше: западное душевное устройство (понятно, что речь идет о самой обобщенной характеристике) есть устройство *шизотимическое* (здоровый, не болезненный вариант замкнуто-углубленного, аутистического характера – не путать с аутизмом!), при этом шизотимическое с преобладающей *рационалистической, интеллектуальной составляющей*. Этим данный душевный склад отличается, с одной стороны, от природной душевной особенности россиян (природная душевная реалистичность, часто с переживанием своей неполноценности, глубокими нравственными исканиями), а с другой – от тоже природного душевного устройства многих восточных народов (тоже шизотимический склад, но иной структуры, с чувственно-образной, иногда даже чувственно-эротической, доминантой). Поясню здесь. Под шизотимическим (аутистическим, замкнуто-углубленным) душевным устройством (имеющим, впрочем, множество вариантов) понимается характер людей *идеалистического склада души* (в противоположность людям с материалистическим мироощущением-мировоззрением), идеалистичность которого сказывается в переживании *изначальности духовного* по отношению к телесному, материальному. Примерами такого переживания, известными из культуры, могут быть и возвышенно-стройные музыкальные композиции И.С.Баха, и столь же стройное, углубленно-символическое (психосимволическое) литературное творчество Г.Гессе, и утонченно-бестелесные образы обнаженных женщин на картинах Модильяни, и отстраненно-теоретическое, лишенное земного полнокровия, но прекрасное в своей сложности-концептуальности научное творчество И.Канта, Г.Ф.В.Гегеля, З.Фрейда, А.Эйнштейна, многих других ученых-теоретиков, представителей разных наук (особенно в математике, теоретической

физике, идеалистической философии, психологии). Таким образом, именно *отвлеченность-теоретичность мышления и чувствования, особая, с чувством первичности Духа, погруженность в себя (интровертированность)* отличает людей данного душевного склада от представителей иных характеров³²⁴.

Между тем, как уже отмечалось, шизотимный (аутистический) характер в реальности может иметь множество вариантов, создающих большое многообразие его проявлений в науке, культуре, искусстве, как и в общественной жизни, в политике. Одним из таких вариантов шизотимного склада можно считать западную, *интеллектуально-рациональную*, аутистичность. Данный тип аутистического характера можно было бы назвать еще *аутистически-прагматическим*, из-за свойственной ему *особого рода практичности*, – практичности, основанной не на земной расчетливости-расторопности (как, например, у русских купцов), а на (пускай и миниатюрной) *концепции*. М.Е.Бурно так пишет об этом в своем рассуждении об американском прагматизме (и основанном на нем сегодняшнем профессионализме в психотерапии): «Предполагаю, что Америка стала прагматической, как, в известной мере, прагматической была еще раньше и Европа, прежде всего благодаря природным идеалистически-интеллектуальным особенностям западной души в сравнении с дальневосточной идеалистически-чувственной душой и душой российской, особенной, склонной к сомневающемуся, тревожно-материалистическому, более мечтательному, нежели деятельному, анализу с неэнергичным состраданием к тому, кто в беде. Это задушевно-аналитическое российски-чеховское, как известно, уживалось, переплеталось в России с российской агрессивностью-жестокостью. *Аутистичность-идеалистичность, в широком (блейлеровском) смысле, нередко весьма практична, но именно теоретически-концептуальной, прагматической практичностью, с ее неослабевающим чувством порядка-гармонии*. Американская аутистичность при этом, видимо, более реалистоподобна, нежели европейская. *В любом случае аутистичность наводит более или менее основательный, серьезный распорядок в делах, занятиях с трезвым анализом, режимом, осторожностью, совершенствованием, со строгими экзаменами и перспективой*»³²⁵ (курсив мой. – Г.К.). И, замечу уже от себя, такая прагматичность, по-видимому, отчетливо проявляет себя как в

бытовых вопросах, в делах профессии, в духовной жизни (известная деловитость американцев даже в вопросах религии), так и в обустройстве *хозяйственной и политической* жизни.

Но, как пояснил профессор Бурно, прагматизм – свойство не только американского характера, он присущ и европейцам (составляет *типичное душевное* у них), вообще составляет известную душевную особенность не только современной, но и *Старой Европы* (Европы прошлых веков). В этом отношении весьма ценными представляются рассуждения философа, известного специалиста по истории западноевропейской философии (в частности философии европейского Просвещения) Т.Б.Длугач о понятии *здорового смысла*. В своей книге, выдержавшей несколько изданий, о жизни и творчестве трех крупнейших мыслителей Просвещения (Гольбах, Гельвеций, Руссо) профессор Длугач показывает *принципиальное значение здорового смысла* (понимаемого ей как «особая способность рассудка, а именно умение самостоятельно рассуждать о предметах и событиях повседневной жизни, умение, которое соотносится с более широкой способностью разума судить обо всех явлениях и объектах бесконечной действительности») для становления новоевропейской культуры, и в частности для вышедшей из нее *политической демократии*³²⁶. Интересно то, как описывает исследовательница в своей книге «человека здорового смысла»: «Что же скрывается за здоровым смыслом? Если исходить из самых общих интуитивных представлений, то здоровый смысл предстает как способность каждого человека самостоятельно решать вопросы и преодолевать трудности своей повседневной жизни, исходя из собственных интересов, но при этом учитывая интересы и других и действуя таким образом, чтобы жизнь протекала нормально и чтобы не возникали конфликты, способные потрясти ее основания. *Человек, обладающий здоровым смыслом, спокойно налаживает свой быт, оптимально организует работу, находит наилучший выход из возникающих на жизненном пути тупиков. ...Отсутствие здорового смысла оборачивается полной непригодностью к житейским ситуациям, ведет к непрерывным коллизиям и даже катастрофам*»³²⁷ (курсив мой. – Г.К.). В другом месте Т.Б.Длугач также отмечает такую специфическую черту здорового смысла, как его *особая внутрен-*

няя связь с индивидуальной ответственностью, ответственностью человека за свою повседневную жизнь, «за этот поступок, за этот день, за это содержание своего поведения»³²⁸.

Безусловно, рассуждения исследовательницы о здоровом смысле не носят *теоретический* характер и не связаны с характерологией, но за ее описаниями здравомыслящего субъекта Нового времени без труда угадываются черты *определенного характерологического склада*, душевной структуры *аутистического европейца-прагматика* («автономного индивида» классических философов Нового времени). Как утверждает сама Тамара Борисовна, «фактически понятие здравого смысла тождественно понятию автономной личности, которая формируется, начиная с XVII в., и постепенно становится *основой демократического общества*»³²⁹ (курсив мой. – Г.К.). Однако в каком смысле прагматически-аутистическое душевное устройство обнаруживает здесь связь с *определенной политической формой*, с демократией? Думаю, дело в том, что сама демократия по своей сути – вполне прагматическое устройство и представляет собой не что иное, как *искусно разработанный механизм, машину согласования интересов*. И этот механизм, машина (точнее, ее модель) не случайно возникла в период раннего европейского модерна (ранней современности) с его нарождающимся капитализмом, бурно утверждавшим себя индивидуализмом собственников и неизбежно возникавшими в этой конкурентной среде экономическими и политико-правовыми *конфликтами* (вплоть до состояния «войны всех против всех», описанного Томасом Гоббсом). И вот именно демократия (и в более широком смысле *общественный договор, социальный контракт*, теоретически описанный новоевропейскими мыслителями XVII–XVIII вв.) как особого рода искусственное изобретение становится для новоевропейского человека спасительным выходом из создавшегося положения. «...Полагаясь на себя, преследуя свои собственные интересы, каждый человек как будто совершенно игнорирует других и, более того, на каждом шагу рискует вступить с ними в конфликт. И тем не менее тот самый здравый смысл, который, казалось бы, побуждает каждого стремиться к собственной выгоде, заставляет его считаться и с интересами других и искать с ними компромисса. *В собственном смысле демократия и есть система компромиссов; это не власть большинства (или даже всего на-*

рода), а реальность компромиссов между различными группами, слоями, партиями, индивидами. В подобных компромиссах (или, как сказали бы сейчас, консенсусах) утверждается не что иное, как партнерство, способствующее укреплению социального равенства. Иными словами, компромисс, по сути дела, есть выражение обоюдного (всестороннего) уважения и признания прав других автономных личностей»³³⁰ (курсив мой. – Г.К.). Что это, если не прагматизм, с его аутистически-теоретической основой в виде идеи формального равенства индивидов, разумного компромисса, уважения прав, немного холодноватый, но зато весьма расчетливый, с красиво-интеллектуальной, полезной, а главное – четко выверенной концепцией³³¹?

Совсем не то мы имеем возможность наблюдать в России. Будучи вынужденной обратиться к опыту западной демократии на рубеже 1980–1990-х гг. (в попытке выйти из глубокого кризиса социально-экономической системы), Россия (тогда еще часть СССР), провозгласив свою приверженность демократическим ценностям, утвердив новую демократическую Конституцию, формально создав все необходимые институты демократического общества (прежде всего это парламент, избираемый путем всенародных выборов на основе свободной конкуренции политических партий), в результате так и не смогла в полной мере освоить правила демократической жизни. Приведу в связи с этим глубокое и очень точное наблюдение известного социального философа, одного из ведущих в России специалистов по теории модернизации В.Г.Федотовой. Как показывает исследователь, анализируя социальную и политическую ситуацию 1990-х гг., несмотря на официально провозглашенный переход к демократии, десятилетие демократических преобразований было настолько далеко от исходной (и как утверждалось, реализуемой в России) западной модели, что речь скорее должна идти не о демократии, а о совсем ином (противоположном ей) типе социального и политического порядка, который обозначается философом как «анархия». В России, справедливо полагает В.Г.Федотова, «...утвердилось представление о демократии как антикоммунизме, как о свободе ото всего, как о словах, как об имени, присваиваемом одной группе в пику плохому, “недемократическому” противнику, хотя на деле это ничего общего с демократией не имеет. Не имеет к ней отношения понимание свободы

как естественного состояния, анархии или постмодернистского вместилища всего чего угодно. Все эти трактовки свободы, которые у нас исповедует всяк от мала до велика, от правителей, нелиберальных идеологов и их политических оппонентов до народа, не отражают представлений о свободе как форме политической и цивилизационной организации общества. Однако эти трактовки являются доминирующими в российском обществе»³³² (курсив мой. – Г.К.). Яркой иллюстрацией того, о чем говорит Валентина Гавриловна, может быть приводимый ею же пример электоральной компании 1996 г., когда народ, к тому времени уже серьезно уставший от новых российских реформаторов, в очередной раз (вопреки ожиданиям многих) проголосовал за Ельцина (а не за коммунистов, шансы которых оценивались на тот момент достаточно высоко). И причиной тому, как показывает Федотова, было вовсе не «оболванивание» электората из телеэфира, а нечто другое, неожиданное – боязнь миллионов людей, что «коммунисты заставят их работать – вернут к станкам, цехам, полям и фермам». «Они (россияне. – Г.К.) уже не хотели оставить частный извоз, холодную палатку, свой огород, сомнительный бизнес и пр. (Я уже не говорю о криминальных делах, в которые еще, слава Богу, было вовлечено не все самодеятельное население.) Миллионы людей не хотели уходить из натурального хозяйства, в которое они попали (попали в результате деиндустриализации 1990-х гг. и вызванной ей массовой потери работы. – Г.К.), и видели в этом свободу в ее традиционном российском исполнении – волю (вместо свободы как политической системы и цивилизующей силы)»³³³ (курсив мой. – Г.К.). «Анархическое понимание свободы является типичным для России, в которой обнаруживается вторичная ценность свободы в сравнении с равенством и справедливостью, а также тяготение к анархическому представлению о свободе как воле», – заключает В.Г.Федотова³³⁴.

Таким образом, сравнительный анализ западной демократии в ее истоках (проистекающих, как было показано выше, из определенного душевного, характерологического склада) и специфических особенностей понимания демократии в России (с сообразной этому пониманию социальной и политической практикой), на мой взгляд, свидетельствует о *глубоком и вряд ли до конца преодолемом различии в характерах, мироощущении русского человека и*

человека западного (описанного выше аутиста-прагматика). Если западный человек в силу особенностей своей души (аутистически-идеалистической, по М.Е.Бурно) склонен к самоорганизации, ответственности и дисциплине (результатом чего и становится демократия), то русский, опять-таки в силу своих природных душевных особенностей, мало способен (по своей воле) жить по *определенным четким правилам*, предпочитая (особенно в условиях цивилизационного кризиса и сопровождающего его распада государства) социально-организованной свободе *свободу как волю, анархию*³³⁵. Эта природная неорганизованность русского человека (хотя и с определенной свойственной ему смекалкой, техническим умением) отмечается и М.Е.Бурно в его статье о профессионализме: «Как же обстоит дело с профессионализмом, прагматизмом у нас? Конечно, по-другому (чем на Западе. – Г.К.). Это тема Обломова и Штольца. Мы, в массе своей, никогда не были склонны к серьезной, кропотливой, энергичной, основательной подготовке, справедливым учебным строгостям. <...> *Типичный россиянин, в любом деле работающий порывами (нередко творческими), скорее инертный, тревожно-сомневающийся мечтатель или грустновато-добродушный, ловкий в работе мастер (когда разойдется), нежели работающий, как часы, оптимистический педагог*»³³⁶ (курсив мой. – Г.К.). И эта психологическая особенность русского, российского человека, коренным образом отличающая его от человека западного, согласно М.Е.Бурно, проистекает из вообще *дефензивной* (точнее, дефензивно-реалистической, материалистической) природы русской души³³⁷.

Значит ли это, что демократия (как произведение иной, аутистически-идеалистической, прагматической природы души) обречена в России? Несмотря на все неудачи демократии в нашей стране, все же не хотелось бы думать так. Демократия, как уже отмечалось, представляет собой универсальную ценность, и можно согласиться с профессором И.К.Пантиным, что сегодня и западные народы (включая Россию) должны пытаться усваивать ее опыт³³⁸. Другое дело, что нам, русским, надо стараться более тщательно изучать свои национальные (в том числе национально-психологические) особенности с тем, чтобы, осторожно перенимая западный опыт, постепенно создавать *основы собственного проекта политического устройства* (если и не вполне демократического

в классическом, западном понимании, то хотя бы с *существенными элементами* западноевропейской демократии), начало теоретическому осмыслению которого уже положено в научной среде³³⁹. И, конечно же, вместе с избирательным усвоением западного опыта по возможности пытаться привить себе *хотя бы толику той организованности, собранности, внутренней дисциплины*, которая *от природы* свойственна западным (шизотимным, аутистическим, с педантичностью) людям и которая во многом обеспечивает успех западных ценностей и основанного на них западного образа жизни.

Примечания

Раздел I.

- ¹ Детально об особенностях западноевропейской парадигмы прогресса см.: *Волгин О.С.* *Оправдание прогресса. Идея прогресса в русской религиозной философии и современность.* М., 2004. Гл.: Философские основания новоевропейской идеи прогресса. С. 67–107.
- ² *Ильин И.А.* О русской идее // *Русская идея.* М., 1992. С. 442.
- ³ *Герцен А.И.* Концы и начала // *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. М., 1986. С. 362.
- ⁴ *Лавров П.Л.* Исторические письма // *Лавров П.Л.* Избр. произведения. Философия и социология. М., 1965. Т. 2. С. 54.
- ⁵ *Булгаков С.Н.* Основные проблемы теории прогресса // *Булгаков С.Н.* Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 69.
- ⁶ См.: *Волгин О.С.* *Оправдание прогресса. Идея прогресса в русской религиозной философии и современность.* М., 2004.
- ⁷ *Чаадаев П.Я.* Соч. М., 1989. С. 151.
- ⁸ «Пусть общество прогрессирует, но поймите, что личность при этом регрессирует. <...> Общество самим процессом своего развития стремится раздробить личность, оставить ей какое-нибудь одно социальное отправление» (*Михайловский Н.К.* *Борьбы за индивидуальность* // *Михайловский Н.К.* Полн. собр. соч. Т. 1. СПб., 1906. С. 477–478).
- ⁹ *Булгаков С.Н.* Основные проблемы теории прогресса. С. 72–73.
- ¹⁰ См.: *Аршинов В.И.* Синергетика как феномен постклассической науки. М., 1999; *Василькова В.В.* Порядок и хаос в развитии социальных систем // *Синергетика и теория социальной самоорганизации.* СПб., 1999; *Дебердева Т.Х.* Синергетический подход в познании социально-исторических явлений. М., 2005; *Князева Е.Н., Курдюмова С.П.* Основания синергетики. М., 2002; *Ласор Э.* Век бифуркаций // *Путь.* Междунар. филос. журн. 2005; *Назаретян А.П.* Векторы исторической эволюции // *ОНС.* 1999. № 2. Синергетическая парадигма: многообразие поисков и подходов. М., 2000.
- ¹¹ *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996. С. 59
- ¹² См.: *Очерки по истории теоретической социологии XX столетия.* М., 1994. Т. 2. С. 372.
- ¹³ См.: *Сиземская И.Н.* Место общественного идеала в системе нелинейных концепций истории // *Знание. Понимание. Умение.* 2006. № 3.
- ¹⁴ *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991. С. 69.
- ¹⁵ См.: *Новикова Л.И., Сиземская И.Н.* Российские ритмы социальной истории. М., 2004; *Морозов Н.Д.* Ритмы истории: Системный анализ прошлого и проектирование будущего. М., 2001; *Пантин В.К.* Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. М., 1997; *Панарин А.С.* Россия в циклах мировой истории. М., 1999; *Яковец Ю.В.* Русский циклизм: новое видение прошлого и будущего. М., 1997.
- ¹⁶ Приведенная классификация взята из кн.: *Культурология XX в.* СПб., 1998. Т. 2. С. 372.

- 17 Булгаков С.Н. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. М., 1911. Т. 1. С. XVII.
- 18 Там же.
- 19 Стратегия России: общество знания или новое средневековье? Материалы конф. 3–4 апр. 2008 г. М., 2008. С. 101.
- 20 Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990. С. 252.
- 21 Арнольд В.И. Новый обскурантизм и российское просвещение. М., 2003. С. 14.
- 22 Инвестиции в человека // Рос. газета. 2008. № 32. С. 19.
- 23 Стратегия России: общество знания или новое средневековье? С. 103.
- 24 Там же. С. 22.
- 25 Соловьёв В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьёв В.С. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 34.
- 26 Булгаков С.Н. Основные проблемы теории прогресса. С. 59.
- 27 Цит. по: Фролов И.Т. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 2001. С. 565.
- 28 Jaspers K. Vom Ursprung Ziel der Geschichte. Zürich, 1949.
- 29 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 105.
- 30 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 135.
- 31 Aron R. Progres et disillusion. Paris, 1967. P. 100.
- 32 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 273.
- 33 Кондорсе Ж.А. Эскизы исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936. С. 227–228.
- 34 Фролов И.Т. О человеке и гуманизме. М., 1989.
- 35 Подробнее о том, почему теоретические убеждения философов эпохи Просвещения во многих отношениях следует считать иллюзиями и может ли вообще исторический оптимизм существовать за пределами наивного просветительства XVIII столетия, речь пойдет несколько ниже.
- 36 Здесь не место детально обсуждать кантианскую философию в целом, а значит, стоит оставить приведенные тезисы без контраргументов, способных уточнить их с современных философско-методологических позиций, поскольку для нас сейчас важно только отметить сам факт разочарования философии в претензиях просветительства на возможность постижения абсолютной истины.
- 37 Приведенная ссылка на пример Великой французской революции XVIII в. объясняется не только той причиной, что в качестве объекта исследования теоретических предпосылок прогрессизма были избраны в данном случае именно французское Просвещение и французский материализм, но и самим характером революционного процесса во Франции, с гораздо большей очевидностью, чем, скажем, революции 1649 г. в Англии или в Голландии, обнажившего парадоксальность исторической реализации прогрессистских начинаний.
- 38 Взятые в кавычки слова намекают на тонкую грань, которая разделяет чисто эмоциональное утверждение классика о том, что «мир раскололся и трещина прошла через сердце поэта», от сегодняшней абсолютно рациональной (даже в художественном творчестве) констатации регресса в мире вообще и в стихии духовных ценностей в частности.
- 39 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 70.
- 40 Там же. С. 101.

- 41 См.: Бек У. Общество риска На пути к другому модерну. М., 2000; Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004; Гидденс Э. Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб., 2004; Штомпка П. Социология: анализ современного общества. М., 2005; Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь: новый поворот в социологии // Социол. исслед. 2009. № 3; Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004; Лэш С. Восстание элит и предательство демократии. М., 2002.
- 42 Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 585.
- 43 Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / Пер. с польск. С.М.Червонной. М., 2005. С. 593.
- 44 Там же.
- 45 Там же.
- 46 См.: Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. С. 580–581.
- 47 Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избр. произведения. М., 1990. С. 186.
- 48 Там же. С. 250–251.
- 49 Там же. С. 200.
- 50 Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. С. 582–583.
- 51 Там же. С. 583.
- 52 Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А.Седова и А.Д.Ковалева. Под ред. М.С.Ковалевой. М., 1998. С. 96–97.
- 53 Парсонс Т. Система современных обществ. С. 96–97.
- 54 Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. С. 528.
- 55 Kumar K. Prophecy and Progress: The Sociology of Industrial and Post-industrial Society. Harmondsworth, 1978; Kumar K. The Rise of Modern Society: Aspects of the Social and Political Development of the West. Oxford, 1988; Kumar K. From Post-Industrial to Post-Modern Society. Oxford, 1995.
- 56 Штомпка П. Указ. соч. С. 584.
- 57 Taylor Ch. The Malaise of Modernity. Ontario, Canada. 1991 (Ч.Тейлор. Болезнь современности). Цит. по: Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. С. 91.
- 58 См.: Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М., 2008. С. 11–21, 133–146.
- 59 Полањи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002. С. 87.
- 60 Там же. С. 95.
- 61 Там же. С. 144.
- 62 Inkeles A., Smith D. Becoming Modern. Individual Change in Six Developing Countries. Cambridge, 1974..
- 63 Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Указ. соч. С. 125, 178, 465–469 и др.; Федотова В.Г. Человек в экономических теориях: пределы онтологизации // Вопр. философии. 2007. № 9. С. 20–31.

- 64 *Зомбарт В.* Торгаши и герои. Раздумья патриота // *Зомбарт В.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. СПб., 2005. *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Указ. соч. С. 125, 178, 465–469 и др.; *Федотова В.Г.* Человек в экономических теориях: пределы онтологизации // *Вопр. философии.* 2007. № 9. С. 20–31.
- 65 *Зомбарт В.* Указ. соч. С. 52.
- 66 Там же. С. 19–20.
- 67 Там же. С. 20–21.
- 68 *Зомбарт В.* Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека // *Зомбарт В.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. СПб., 2005. С. 53.
- 69 Там же. С. 53.
- 70 Там же. С. 250.
- 71 См.: Там же. Т. 1. С. 254.
- 72 *Sombart W.* Die Juden und das Wirtschaftsleben. München–Leipzig, 1913. S. 281.
- 73 См.: *Руткевич А.М.* Вернер Зомбарт – историк капитализма // *Зомбарт В.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. СПб., 2005. С. 5–21.
- 74 *Федотова В.Г.* Человек в экономических теориях: пределы онтологизации; Человек в экономике и других социальных средах / Отв. ред. В.Г.Федотова. М., 2008.
- 75 *Гаджиев А.Г.* Очерки экономической антропологии. Введение. М., 1999. С. 13.
- 76 *Machlup F.* The Universal Bogy // *Essays in Honour of Lord Robbins.* L., 1972. P. 113.
- 77 *Автономов В.С.* Экономическая антропология и модель человека // *Очерки экономической антропологии.* М., 1999. С. 17–18.
- 78 См.: Там же. С. 18–20.
- 79 *Роббинс В.* Предмет экономической науки // *THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем.* М., 1993. Вып. 1. С. 18.
- 80 *Карелова Л.Б.* У истоков японской трудовой этики. История в портретах. М., 2007. С. 196.
- 81 См.: *Федотова В.Г.* Человек в экономических теориях: пределы онтологизации.
- 82 См.: *Vaiße П.* Homo economicus и Homo sociologicus: монстры социальных наук // *THESIS.* 1993. Т. 1. Вып. 3. С. 120.
- 83 См.: *Hogarth R.M., Reder M.V.* The Behavioral Foundations of Economic Theory // *The Journal of Business.* 1986. P. 59.
- 84 См.: *Vaiße П.* Homo economicus и Homo sociologicus: монстры социальных наук. С. 128.
- 85 См.: *Смит А.* Теория нравственных чувств. М., 1977.
- 86 *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? М., 2002. С. 24.
- 87 Там же. С. 40.
- 88 Там же. С. 26.
- 89 Там же.
- 90 Там же. С. 52.
- 91 *Леви-Стросс К.* Первобытное мышление. М., 1994. С. 22.
- 92 Там же.
- 93 Там же. С. 26.

Раздел II.

- ⁹⁴ Реймерс Н.Ф. Надежды на выживание человечества. Концептуальная экология. М., 1992. С. 333.
- ⁹⁵ См.: Кузнецов В.Н. Становление методологии безопасности России // НАВИГУТ (Приложение к журн. «Безопасность Евразии» («)). 2000. № 1. С. 60.
- ⁹⁶ Дергачева Е.А. Социоприродная проблематика в современной глобалистике // Философия и общество. 2008. № 3. С. 109–110.
- ⁹⁷ См.: Пантин В.И. Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. М., 2003; Азроянц Э.А. Глобализация: катастрофа или путь к развитию? Современные тенденции мирового развития и политические амбиции. М., 2002; Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории (синергетика – психология – прогнозирование). М., 2004.
- ⁹⁸ Моисеев Н.Н. Агония России. Есть ли у нее будущее? Попытка системного анализа проблемы выбора. М., 1996. С. 10.
- ⁹⁹ Уткин А.И. Глобализация // Глобалистика: Энцикл. М., 2003. С. 181.
- ¹⁰⁰ Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2001. С. 9.
- ¹⁰¹ Там же. С. 14, 35.
- ¹⁰² См.: Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М., 2003. С. 362.
- ¹⁰³ Делягин М.Г. Глобализация // Глобалистика: Энцикл. С. 185.
- ¹⁰⁴ Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира. М., 2005. С. 368.
- ¹⁰⁵ Толстых В.И. Феномен глобализации // Глобалистика: Энцикл. С. 88.
- ¹⁰⁶ См.: Гобозов И.А. Социальная философия. Учебн. словарь. М., 2008. С. 45.
- ¹⁰⁷ Глазьев С. Геноцид. Россия и новый мировой порядок. М., 1997. С. 39.
- ¹⁰⁸ Зиновьев А.А. Глобальное сверхобщество и Россия. Минск–М., 2000. С. 68.
- ¹⁰⁹ См.: Панарин А.С.. Искушение глобализмом. М., 2000. С. 5.
- ¹¹⁰ Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М., 1999. С. 54.
- ¹¹¹ Иноземцев В.Л. Современная глобализация и ее восприятие в мире // Век глобализации. 2008. № 1. С. 33–34.
- ¹¹² См.: Глобализация и модернизация // Глобалистика: Энцикл. С. 193.
- ¹¹³ См.: Коптюг В.А. Конференция ООН по окружающей среде и развитию. Рио-де-Жанейро, июнь 1992. Инф. обзор. Сибирское отд-ние РАН. Новосибирск, 1992.
- ¹¹⁴ См.: Гориков В.Г. Физические и биологические основы устойчивости жизни. М., 1995; Данилов-Данильян В.И., Арский Ю.М., Лосев К.С. Окружающая среда между прошлым и будущим: мир и Россия. М., 1994; Устойчивое развитие: актуальные проблемы и перспективы научных исследований. М., 2000; Устойчивое развитие: мнение ученых. М., 2002 и др.
- ¹¹⁵ См.: Круглый стол «Устойчивое развитие: утопия или императив?» // Свободное слово. Интеллектуал. хроника. Альманах-2002. М., 2002. С. 36–88.
- ¹¹⁶ Там же. С. 37.
- ¹¹⁷ Шершнев Л.И. Россия и мир: движение к новой безопасности в XXI в. // Безопасность. 2000. № 1/12. С. 6.

- 118 *Фарамазян Р., Борисов В.* Экономические санкции в системе мер по поддержанию международной стабильности и безопасности // Пути к безопасности. 2001. Вып. 1/21. С. 10.
- 119 См.: *Лось В.А.* Динамика мировых социоприродных систем // Философское осмысление судеб цивилизации. Ч. II. М., 2001.
- 120 См.: Экологическое образование: концептуальные и методические подходы. М., 1996. С. 12.
- 121 См.: *Круглый стол.* «Устойчивое развитие: утопия или императив?». С. 63.
- 122 См.: *Гирусов Э.В.* Гуманистическая составляющая экологического знания // Гуманизм на рубеже тысячелетий: идеи, судьба, перспективы. М., 1997. С. 138.
- 123 См.: *Федотов А.П.* Глобалистика: начала науки о современном мире. 2-е изд. М., 2002.
- 124 *Оленьев В.В., Федотов А.П.* Глобалистика на пороге XXI в. // *Вопр. философии.* 2003. № 4. С. 23.
- 125 Там же. С. 25.
- 126 См.: *Круглый стол.* «Устойчивое развитие: утопия или императив?». С. 56.
- 127 *Плетников Ю.К.* Будущее – социализм. Новые черты современной эпохи. М., 2000. С. 21–22.
- 128 *Свободное слово.* Интеллектуал. хроника. Альманах-2002. М., 2002. С. 52.
- 129 Там же. С. 53.
- 130 Там же. С. 43.
- 131 См.: *Ващекин Н.П., Дзиев М.И., Урсул А.Д., Романович А.Л.* Безопасность и устойчивое развитие. М., 2001; *Устойчивое экологобезопасное развитие.* М., 2001; *Урсул А.Д.* Обеспечение безопасности через устойчивое развитие // *Безопасность Евразии.* 2001. № 1; *Он же:* Глобализация через устойчивое развитие // *Безопасность Евразии.* 2004. № 4 и др.
- 132 *Урсул А.Д.* Глобальные процессы, безопасность и устойчивое развитие // *Век глобализации.* 2008. № 1. С. 17.
- 133 Там же. С. 18.
- 134 См.: *Кузнецов В.Н.* Становление методологии безопасности России // *НАВИГУТ.* 2000. № 1. С. 60–61.
- 135 См.: *Пырин А.Г.* Устойчивое развитие и глобализация // *Вестн. Рос. филос. о-ва.* 2005. № 1. С. 136.
- 136 *Панарин А.С.* Глобализация // *Глобалистика: Энцикл.* М., 2003. С. 184.
- 137 См.: *Свободное слово.* Интеллектуал. хроника. М., 2002. С. 42.
- 138 См.: *Покровский Е.* Вифлеемские звезды «глобализации» // *Социол. исслед.* 1985. № 2. С. 88.
- 139 *Цит. по кн.: Коптюг В.А.* Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июль 1992 г.). Инф. обзор. Новосибирск, 1992. С. 7.
- 140 *Хесле В.* Философия и экология. М., 1993. С. 17.
- 141 *Моисеев Н.Н.* Агония России. Есть ли у нее будущее? Попытка системного анализа проблемы выбора. С. 11.
- 142 *Федотова В.Г.* Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 191–192.
- 143 *Панарин А.С.* Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. С. 54.

- 144 См.: *Крылова И.А.* Проблема безопасности России в контексте глобалистики. М., 2001.
- 145 *Маринов М.Б.* Сближение России и Китая: ответ на вызов глобализации // Философия и будущее цивилизации: Тез. и выступления. IV Рос. филос. конгр. Москва, 24–28 мая 2005 г.). Т. 3. М., 2005. С. 291.
- 146 *Кириллов В.В.* Россия и НАТО: кого надо бояться? // Социс. 2008. № С. 115.
- 147 *Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В.* Региональная конфликтология. Концепты и российская практика. М., 2008. С. 115.
- 148 См.: *Чубайс И.Б.* Глобализация как этап в трансформации европейской системы ценностей // Глобалистика: Энцикл. С. 190.
- 149 См.: *Агитон А., Амин А., Бузгалин А.В.* Мир не товар (Что такое глобализация и какова позитивная программа антиглобалистов). М., 2001.
- 150 *Гирусов Э.В.* Гуманистическая составляющая экологического знания // Гуманизм на рубеже тысячелетий: идея, судьба, перспектива. М., 1987. С. 140.
- 151 *Моисеев Н.Н., Александров В.В., Тарко А.М.* Человек и биосфера. М., 1985. С. 241.
- 152 Свободное слово. Интеллектуал. хроника. М., 2002. С. 46.
- 153 *Муравых А.И.* Материализация ноосферно-экологической идеи // Безопасность. 1984. № 3. С. 87.
- 154 *Glenn J.G., Gordon Th.J., Florescu E.* State Of The Future. The Millenium Project. Wash. 2008. P. 12–42.
- 155 *Ефременко Д.В.* Эколого-политические дискурсы. М., 2006. С. 12.
- 156 *Friedman T.L.* Hot, Flat and Crowded. When We Need A Green Revolution and How It Can Renew America. N.Y., 2008. P. 27.
- 157 *Global Trend 2025: A Transformed World.* National Intelligence Council. 2008. P. 37–39.
- 158 *Ibid.* P. 50.
- 159 *Ibid.* P. 58–59.
- 160 *Ibid.* P. 76.
- 161 *Ibid.* P. 89.
- 162 *Беляева Л.А.* Социальная стратификация и средний класс в России. М., 2001. С. 129
- 163 *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Указ. соч. С. 7.
- 164 *Friedman T.L.* Hot, Flat and Crowded. Why we Need a Green Revolution and how it Can Renew America. N.Y., 2008. P. 55.
- 165 *Ibidem.*
- 166 *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. М., 2006. С. 76–84.
- 167 *Фурсов А.* Операция “Прогресс” // Космополис. 2003/2004. № 4(6); *Кану-стин Б.* Спор о прогрессе // Там же. 2004. № 1(7); *Магун А.* Что значит ориентироваться в истории // Там же. 2004/2005. № 4(10).
- 168 *Фурсов А.И.* Колокола истории. Ч. I. М., 1996. С. 27.
- 169 *Blankley T.* The West’s Last Chance. Will We Win the Clash of Civilizations? Washington. 2005.
- 170 Доклад Национального разведывательного Совета США «Мир 2020» // Сообщение. 2005. № 6–7 (64).
- 171 Фактор Китая в новом столетии // Pro et Contra. 2005. № 3(30).
- 172 *Remaking the Chinese Leviathan: Market Tranzition and the Politic of Governance in China.* Stanford, 2004.

- 173 *Fishman T.* China, Inc. How the Rise of the Next Superpower Callenges America and the World. N.Y.–Toronto–Sydney, 2005. P. 1–2.
- 174 *Мамот М.* Китайский синдром. Американская политика накануне последней ошибки // Прогнозис. Осень 2005. № 3(4). С. 47.
- 175 *Fishman T.* China, Inc. How the Rise of the Next Superpower Callenges America and the World. P. 303.
- 176 *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991. С. 106.
- 177 *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ. Введение. М., 2006; *Он же.* Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2004; *Он же.* **Исторический капитализм.** Капиталистическая цивилизация. М., 2008.
- 178 *Beck U.* The Reinvention of Politics. Rethinking Modernity in the Global Social Order. Cambridge, 1999; *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000; *Бек У.* Что такое глобализация? М., 2001; *Он же.* Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М., 2007; *Он же.* Космополитическое мировоззрение. М., 2008.
- 179 *Нейсбит Дж.* Мегатренды. М., 2003; *Нейсбит Дж., Эбурдин П.* Что нас в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000. М., 1994.
- 180 *Huntington S.* The Clash of Civilizatons and the Remaking World Order. N.Y., 1996.
- 181 *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991. С. 109.
- 182 *Нусбет Р.* Прогресс: история идеи. М., 2007. С. 449.
- 183 Там же. С. 450.

Раздел III.

- 184 *Рябов А.* Возрождение феодальной «архаики» в современной России: практика и идеи // Рабочие тетради. Working Paper. М., 2008. № 4. С. 4.
- 185 Там же.
- 186 *Касьянова К.* К вопросу о русском национальном характере. М., 1991. С. 32.
- 187 Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамика. М., 2008. С. 22.
- 188 *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 2009. С. 457.
- 189 *Платонов С.* Полный курс лекций по русской истории. М., 2008. С. 19.
- 190 *Ключевский В.О.* Курс русской истории: Полн. изд. в 1 т. М., 2009. С. 19.
- 191 Там же. С. 508.
- 192 *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 2009. С. 457.
- 193 Там же. С. 359.
- 194 *Платонов С.* Указ. соч. С. 428–429.
- 195 Там же. С. 434.
- 196 Там же. С. 487–488.
- 197 Там же. С. 31.
- 198 *Ключевский В.О.* История государства Российского. С. 876.
- 199 Там же.
- 200 Там же. С. 880.
- 201 *Платонов С.* Указ. соч. С. 552.
- 202 *Тойнби А.* Постижение истории. М., 1991. С. 108.

- 203 *Ключевский В.О.* История государства Российского. С. 1099.
- 204 *Тойнби А.* Указ. соч. С. 147–148.
- 205 *Ключевский В.О.* История государства Российского. С. 885.
- 206 Там же. С. 889–890.
- 207 Там же. С. 883.
- 208 Там же. С. 884.
- 209 *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2009. С. 766.
- 210 Там же.
- 211 Там же. С. 862.
- 212 *Платонов С.* Указ. соч. С. 257–258.
- 213 *Ключевский В.О.* История государства Российского. С. 1099.
- 214 Там же. С. 801.
- 215 Там же. С. 1179.
- 216 *Платонов С.* Указ. соч. С. 860.
- 217 Сошлемся на книгу, где этот вопрос подробно рассмотрен: *Федотова В.Г.* Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 50–63, 101–109; *Образы России в XXI в. Модернизация и глобализация / Отв. ред. В.Г.Федотова.* М., 2002.
- 218 См.: *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М., 2000. С. 536–566. См. также: *Уткин А.И., Федотова В.Г.* Будущее глазами Национального совета по разведке США: глобальные тенденции до 2025 года. Изменившийся мир. М., 2009.
- 219 *Елисеева Г. Елисеева О.* Ответственный класс в России // *Социальная реальность.* 2007. № 8. С. 54–74.
- 220 *Шелелев Л.Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. Торгово-промышленная политика. Л., 1981. С. 19–20.
- 221 *Энгельс Ф.* Письма // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 38. С. 297.
- 222 *Наумова Н.Ф.* Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина, ресурс человечества? М., 1999. С. 18.
- 223 *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России XIX–XX. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1999. С. 63.
- 224 *Пантин В.И.* Волны и циклы социального развития. Цивилизационная динамика и процессы модернизации. М., 2004. С. 68.
- 225 *Фурсов А.И.* Колокола истории. Ч. 1. М., 1996. С. 5.
- 226 *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М., 2006.
- 227 Там же. С. 315–316.
- 228 *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 2002. С. 33.
- 229 Там же. С. 201.
- 230 *Лапкин В.В., Пантин В.И.* Волны политической модернизации в логике «противоцентра» // *Мегатренды мирового развития.* М., 2001. С. 211.
- 231 Там же. С. 214.
- 232 См.: *Уткин А.И.* Вызов Запада и ответ России. М., 1977 – о вызове доминирующего Запада в течение 500 лет и об ответе России; *Уткин А.И.* Подъем и падение Запада. М., 2008 – о вызове незападных стран доминированию Запада и его ослаблении.

- 233 Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Указ. соч.
- 234 Wagner P. *Soziologie der Moderne: Freiheit und Disziplin*. Fr. a/M.–N.Y., 1995. S. 30.
- 235 Заславская Т.И. Современное российское общество: проблемы и перспективы // *Общественные науки и современность*. 2004. № 5. С. 8.
- 236 Козырева П.М. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала. // *Социол. исслед.* 2009. № 1. С. 52.
- 237 Рорти Р. С. 251.
- 238 Розанваллон П. Новый социальный вопрос. Переосмысливая государство всеобщего благоденствия. М., 1997. С. 64.
- 239 Там же.
- 240 Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 1995. С. 110.
- 241 Там же. С. 111.
- 242 Бауман З. *Текучая современность*. М., 2008. С. 228.
- 243 Хеффе О. *Политика, право, справедливость*. М., 1994. С. 220–221.
- 244 Там же. С. 226.
- 245 Аврамова Е.М. Воспроизводство адаптационных практик в период российской трансформации // *Общественные науки и современность*. 2005. № 6. С. 8.
- 246 См.: Кривошеев В.В. Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе // *Социол. исслед.* 2009. № 3 С. 57–67.
- 247 Там же. С. 60, 65.
- 248 Бауман З. Указ. соч. С. 214–215.
- 249 Там же. С. 216.
- 250 Тихонова Н.Е. Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа) Статья 1 // *Общественные науки и современность*. 2008. № 2. С. 17.
- 251 Там же. С. 21.
- 252 Там же. С. 22, 20.
- 253 Российская модернизация: проблемы и перспективы («круглый стол») // *Вопр. философии*. 1993. № 7.
- 254 Либерально-модернистская культура и соответствующий нравственный идеал, подчеркивал Ахиезер в ходе одного из «круглых столов», нацелены «на воспроизводство, формирование новых целей, на превращение саморазвития в самоценность» (http://www.gorby.ru/tubrs.asp?rubr_id=490&art_id=24369).
- 255 «Архаизация является попыткой инверсионного возврата значимой части населения к господству древних пластов культуры, форм общения; она есть активизация ранее, казалось, отступивших на задний план архаичных ценностей, программ деятельности, значимо продвинутому к догосударственному вечевому идеалу» (Ахиезер А.С. Труды. М., 2006. С. 98).
- 256 См.: Миронов Б.Н. *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства*. Т. 1. СПб., 1999.
- 257 Согрин В.В. Клиентерапия и историческая реальность: тест на совместимость (Размышление над монографией Б.Н.Миронова «Социальная история России периода империи») // *Общественные науки и современность*. 2002. № 1 (выделено мной. – С.К.).

- 258 См., напр., доклад В.М.Живова «Дисциплинарная революция в российском контексте» – http://www.russ.ru/teksty/revolyuciya_s_chelovecheskim_licom
- 259 Подробнее см.: *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории: Учебник рус. истории. СПб., 1993. С. 384–386.
- 260 *Ключевский В.О.* Соч.: В 8 т. Т. 3. М., 1958. С. 303–304.
- 261 Там же. Т. 3. С. 307.
- 262 Подробнее см.: История крестьянства России до 1917 г. Т. 3. М., 1993. С. 34–36.
- 263 Подробнее см.: *Королев С.А.* Сопас как феномен власти // Человек между Царством и Империей. М., 2003.
- 264 *Ключевский В.О.* Соч. Т. 3. С. 316.
- 265 Там же.
- 266 Там же. С. 318.
- 267 Посещать ассамблеи вменялось в обязанность широкому кругу лиц: «с высших чинов до обер-офицеров и дворян, также знатным купцам и начальным мастеровым людям, также знатным приказным; тож, разумеется, и о женском поле, их жен и дочерей». Между прочим, Петр приказал, чтобы в Москве на ассамблеи являлись «все дамы старше 10-ти лет, если не хотят подвергнуться тяжкому наказанию». См.: *Комиссаренко С.С.* Культурные традиции русского общества. СПб., 2003. С. 137.
- 268 *Ахиезер А.С.* Труды. С. 107.
- 269 *Ключевский В.О.* Соч. Т. 3. С. 363–364.
- 270 *Панкратова А.М.* Вступительная статья // Рабочее движение в России в XIX в. Изд. 2-е, доп. Т. I. Ч. I. М., 1955. С. 37.
- 271 *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
- 272 Там же (выделено мной. – С.К.).
- 273 *Зимин А.А.* Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. М., 1991.
- 274 Подробнее см.: *Королев С.А.* Истоки дедовщины: двухмассовая система как технологическая модель // Филос. науки. 2003. № 6–8.
- 275 *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 519.
- 276 Весьма ценные материалы, описывающие крестьянские волнения 1860-х, включая отчеты шефов жандармов В.А.Долгорукова и П.А.Шувалова, содержатся в кн.: Крестьянское движение 1827–1869 гг. Вып. II. М.–Л., 1931; Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права. Ч. I–II. М.–Л., 1949.
- 277 См., напр., воспоминания Н.А.Крылова (Красный архив. Т. 35. 1929. С. 195–200).
- 278 Следует отметить, что позиция автора идеи реформы, С.Ю.Витте, в частности, по поводу необходимости свободного выхода крестьян из общины с течением времени существенно менялась. Ср., напр.: *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 509–511, 534–535.
- 279 *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия... // *Столыпин П.А.* Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. М., 1991. С. 96.
- 280 С.Ю.Витте в своих знаменитых мемуарах откровенно пишет о том, что в середине 90-х гг. XIX столетия он, после некоторых колебаний, не подержал идею свободного выхода из крестьянской общины (см.: *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 508–511).

- 281 Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. М., 1991. С. 265–270.
- 282 См.: Бородин Л.И. Механизмы «перековки»: Стимулирование труда в раннем ГУЛАГе // Россия и современный мир. 2005. № 3 (48).
- 283 Ахиезер А.С. Труды. С. 76.
- 284 См.: Медведев В.А. Перестройка в контексте общецивилизационных перемен. Выступление на Форуме мировой политики «Двадцать лет, “которые изменили мир”». Турин, 4–6 марта 2005 г. // http://www.gorby.ru/rubrs.asp?rubr_id=475&art_id=24093
- 285 Ключевский В.О. Соч. Т. 4. С. 62–64.
- 286 Ахиезер А.С. Труды. С. 98. При этом Ахиезер замечает, что ««реформаторы в России никогда не располагали значительным потенциалом, даже если они при этом опирались на мощь государства» (там же).
- 287 Подорога В. Диалог с властью? // Индекс/Досье на цензуру. 16/2001.
- 288 Там же.
- 289 См.: Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М., 2007.
- 290 Сегодня в отечественной политической науке можно встретить точку зрения, отрицающую нормативное значение классического разграничения между демократией, с одной стороны, и тоталитарными и авторитарными системами, с другой. Авторитаризм признается такой же легитимной и правомерной формой правления, как и демократия. (См., напр., в программе учебного курса для студентов: Ильинская С.Г. Программа курса «Введение в политологию» // Политические науки: прогр. учебн. курсов /Сост. С.Г.Ильинская; ред. А.Ф.Яковлева. М., 2008. С. 3). Очевидно, что полное устранение указанного нормативного разграничения неизбежно ведет к научному и ценностному релятивизму, в результате которого нивелируется главный вопрос классической политической философии о благой жизни и хорошем правлении (Лео Штраус). Поэтому более взвешенной представляется позиция авторов, показывающих несводимость политического и экономического опыта современности к единому образцу (каковым до недавних пор выступал Запад), но тем не менее оговаривающих важность сохранения классического образа демократии в качестве *общего ценностного регулятива* современных обществ (см.: Федотова В.Г. Суверенная демократия и национальная модель модернизма // Демократия для России – Россия для демократии / Отв. ред. А.А.Гусейнов. М., 2008. С. 12–15).
- 291 См.: Бурно М.Е. О характерах людей (психотерапевт. кн.). Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2008 (см. также предыдущие издания этой книги 1998 и 2005 г.); Волков П.В. Разнообразие человеческих миров (Руководство по профилактике душевных расстройств). М., 2000. Также: Руднев В.П. Характерология // Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX в. Ключевые понятия и тексты М., 2009. С. 505–504; Канарш Г.Ю. Характерология // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 2. С. 239–241.
- Классические тексты по клинической (медицинской) характерологии принадлежат германскому психиатру Э.Кречмеру и российскому психиатру П.Б.Ганнушкину. См.: Кречмер Э. Строение тела и характер / Пер. с нем. М., 1995; Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий, их статика, динамика // Ганнушкин

- кин П.Б. Избр. тр. М., 1964. (Фрагменты этих работ и работ других авторов естественнонаучной и психологической (в т. ч. психоаналитической) ориентации представлены в: Психология и психоанализ характера: Хрестоматия по психологии и типологии характеров / Ред.-сост. Д.Я.Райгородский. Изд. 5-е, доп. Самара, 2009).
- 292 В психоанализе существует своя система характерологических типов (оральный, анальный, мазохистский, нарциссический, «истерическая женщина», «пассивно-женственный» мужчина и др.), но установленных и описанных не естественнонаучно (как в классической клинической характерологии Э.Кречмера, П.Б.Ганнушкина, М.Е.Бурно), а выведенных умозрительно, в отрыве от материально-телесных (биологических, конституционально-генетических) основ (см. в работе американского психолога А.Лоуэна: Лоуэн А. Физическая динамика структуры характера / Пер. с англ. М., 1996). Фрагменты этой работы см.: Психология и психоанализ характера. С. 564–596.
- 293 Того, что называется *клиническим опытом* у врачей.
- 294 См. выступление профессора Свободного университета Западного Берлина Э.Альтфатера на круглом столе «Демократия: универсальные ценности и многообразие исторического опыта» 16 мая 2008 г. в Институте философии РАН. (Материалы этой дискуссии см.: Демократия: универсальные ценности и многообразие исторического опыта: материалы круглого стола // Полис. 2008. № 5. С. 55–73).
- 295 Подробный анализ причин, этапов, специфики демократического транзита в постперестроечной России содержится в работах И.К.Пантина (*Пантин И.К.* Судьбы демократии в России. М., 2004; *Пантин И.К.* Выбор России: характер перемен и дилеммы будущего // Полис. 2007. № 6. (URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2007/4/8.htm> (дата обращения: 18.08.2009)). О соотношении принципов демократии и авторитаризма в современной российской политике см.: *Канарки Г.Ю.* Демократия и авторитаризм в постсоветской и современной России // Философия и культура. 2009. № 5–6).
- 296 *Пивоваров Ю.С.* Русская политика в ее историческом и культурном отношениях. М., 2006. С. 11.
- 297 Там же. С. 15. К точке зрения Ю.С.Пивоварова примыкает позиция И.И.Глебовой, которая, полемизируя с Л.Ф.Шевцовой, утверждает, что Россия не просто «не справилась с демократией» (как полагает Шевцова), но именно «справилась – овладела ею, использовала, приспособила к себе». Естественно, сохранив при этом свое культурное и политическое своеобразие (*Глебова И.И.* Как Россия справилась с демократией: Заметки о русской политической культуре, власти, обществе. М., 2006. С. 6).
- 298 *Ворожейкина Т.Е.* Несбывающаяся политика // Отеч. зап. 2007. № 6. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=40&article=1568> (дата обращения: 18.08.2009).
- 299 *Шевцова Л.* Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката // Pro et Contra. 2004. Т. 8. № 3. С. 36–55. URL: <http://www.carnegie.ru/gu/pubs/procontra/Vol8n3-03.pdf> (дата обращения: 18.08.2009).
- 300 *Ворожейкина Т.Е.* // Там же.
- 301 *Шевченко В.Н.* Глобализация и судьба российской государственности // Судьба государства в эпоху глобализации. М., 2005. С. 169.
- 302 Там же. С. 170.

- ³⁰³ И.К.Пантин и Т.Е.Ворожейкина во многом связывают неуспех демократических преобразований с тем, что демократия в России состоялась только в «верхушечном», шумпетерианском варианте («шумпетерианская демократия»), не затронув широкие слои населения, не предоставив им необходимых каналов, инструментов политического влияния (см.: *Пантин И.К.* Указ. соч.; *Ворожейкина Т.Е.* Самозащита как первый шаг к солидарности // *Pro et contra*. 2008. Март–июнь. Т. 12. № 2–3. С. 6–23. URL: http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/ProEtContra_14_6-23.pdf (дата обращения: 18.08.2009).
- ³⁰⁴ *Терапия творческим самовыражением* М.Е.Бурно – отечественный психотерапевтический метод, представляющий собой клиническую (т. е. медицинскую, не психологическую) разновидность терапии духовной культурой. *Характерологическая креатология* – «здоровая», не медицинская, ипостась ТТС, возникшая относительно недавно и обращенная прежде всего к здоровым людям, а не больным – «пациентам».
- ³⁰⁵ *Бурно М.Е.* Клинический театр-сообщество в психиатрии (руководство для психотерапевтов, психиатров, клинических психологов и социальных работников). М., 2009. С. 169–170. См. также: *Бурно М.Е.* Терапия творческим самовыражением (ТТС) в практической психологии и педагогике // *Психотерапия*. 2007. № 9 (57). С. 17. URL: <http://kirillgorelov.narod.ru/Pedagogika2.doc> (дата обращения: 18.08.2009).
- ³⁰⁶ *Бурно М. Е.* О характерах людей. С. 78.
- ³⁰⁷ Думаю, что сказанное про искусствознание можно вполне отнести и к другим теоретическим дисциплинам, в том числе и к политологии.
- ³⁰⁸ *Бурно М.Е.* Клинический театр-сообщество в психиатрии. С. 170–171. Как отмечает далее М.Е.Бурно, «философию характерологической креатологии, думается, точнее назвать все же естественнонаучным материализмом Дарвина, Э.Кречмера, Ганнушкина, нежели диалектическим материализмом, поскольку в ней, в этой философии, нет оголтелой марксистской уверенности в своей единственной, абсолютной, правоте» (Там же. С. 171).
- ³⁰⁹ *Бурно М.Е.* О характерах людей. С. 129–140.
- ³¹⁰ Словами М.Е.Бурно: «...природа характера (характера человека и даже животных) есть особенное защитно-приспособительное образование для определенного свойственного этой природе существования, выживания в мире» (*Бурно М.Е.* Клинический театр-сообщество в психиатрии. С. 48).
- ³¹¹ Психологической (т. е. идеалистической, не естественнонаучной по своим основаниям) является, например, психоаналитическая, неорайхианская характерология, развитая последователями Фрейда и Райха.
- ³¹² Без скобок даются названия акцентуированных (здоровых, в границах нормы) характеров; в скобках – названия нездоровых (психопатических) характеров, но имеющих со здоровыми общий душевный рисунок.
- ³¹³ *Бурно М.Е.* О характерах людей. С. 10. Тринадцатым по счету можно считать *эпилептический характер*, образующийся (как явствует уже из названия) в результате эпилептического процесса, создающего особый вид характерологической *душевной мозаики* (и отчетливо выдающийся, например, в творчестве известных эпилептиков – писателей Ф.Достоевского и Л.Толстого, философов В.Розанова и К.Леонтьева).

- ³¹⁴ Бурно М.Е. О характерах людей. С. 10.
- ³¹⁵ О полифоническом характере (термин введен московским клиническим психологом Е.А.Добролюбовой) говорят применительно к душевному устройству людей с шизотипическим расстройством (по современной международной классификации болезней; в России традиционно – малопрогрессирующая невротоподобная шизофрения) и шизофренических (шубообразных, приступообразных) пациентов (см.: Добролюбова Е.А. Шизофренический «характер» и терапия творческим самовыражением // Практическое руководство по терапии творческим самовыражением / Под ред. М.Е.Бурно, Е.А.Добролюбовой. М., 2003. С. 311–315).
- ³¹⁶ Отмечу здесь, что типы эти, в отличие от психологических *психотипов* (например, юнговских), устанавливаются, выявляются в результате не абстрактно-умозрительного анализа, а в процессе медицинской клинической практики, работы с множеством разнообразных пациентов (а сегодня в рамках характерологической креатологии и со здоровыми людьми), т. е. путем особого (как правило, доступного только врачам) *клинического размышления-чувствования* (об особом клиническом психиатрическом исследовании см.: Бурно М.Е. Клинический театр-сообщество в психиатрии. С. 51–59).
- ³¹⁷ Парадигматическим можно считать пример, приводимый в характерологии, с тремя древними государствами: Древним Египтом, античной Грецией и Римом. Культура первого соответствует аутистическому (замкнуто-углубленному) характеру; культура второй (прежде всего Афин) – синтонному (сангвиническому) характеру; культура третьего – напряженно-авторитарному характеру (см.: Бурно М.Е. О характерах людей. С. 353; Краснушкин Е.К. Опыт психиатрического построения характеров у правонарушителей // Краснушкин Е.К. Избр. тр. М., 1960. С. 201–226).
- ³¹⁸ По-видимому, такая географическая распространенность отчасти может быть объяснена климатическими условиями проживания народов (например, шизотимические, в том числе шизотимические телесные, особенности у северных народов могут быть связаны с природной необходимостью экономить жизненную энергию в условиях сурового климата; напротив, бурно-сангвинический темперамент понятен в условиях жаркого климата. Воинственность (в характерологии особенности напряженно-авторитарного склада) у многих кочевых и горских народов (например, горских народов Кавказа, многих тюркских народов) также вполне объяснима из исторических особенностей их образа жизни (предполагающего постоянное освоение новых пастбищ, либо защиту узких пригодных для жизни территорий в горах, что неизбежно чревато военными столкновениями с соседями). Также понятна и природная незлобивость, синтонность-доброжелательность неочевых, земледельческих народов (например, славян).
- ³¹⁹ Бурно М.Е. О характерах людей. С. 49, 352–358.
- ³²⁰ Там же. С. 353.
- ³²¹ На экономическом материале см.: Мищерова К.М. Характерологическая креатология, психотерапия и экономические учения // Психотерапия. 2008. № 6. С. 39–42. URL: http://kirillgorelov.narod.ru/Khar_creat_pst_economic.pdf (дата обращения: 18.08.2009).

- ³²² Имею в виду здесь преимущественно англосаксонский душевный склад.
- ³²³ См.: *Бурно М.Е.* О характерах людей. С. 43–57, 250–254; *Волков П.В.* Разнообразие человеческих миров. С. 227–268.
- ³²⁴ *Бурно М.Е.* Профессионализм и клиническая психотерапия // Психотерапия. 2008. № 2. С. 17. URL: <http://kirillgorelov.narod.ru/ProfIKlinichPsichotherapie.doc> (дата обращения: 18.08.2009).
- ³²⁵ *Длугач Т.Б.* Подвиг здравого смысла, или Рождение идеи суверенной личности (Гольбах, Гельвеций, Руссо). М., 2008. С. 4.
- ³²⁶ Там же. С. 4.
- ³²⁷ Там же. С. 9.
- ³²⁸ Там же.
- ³²⁹ Там же. С. 9–10; см. также: С. 284–288.
- ³³⁰ Напомню, что в элементарных формах прагматизма, согласно М.Е.Бурно, всегда «видится некая, по-своему прекрасная, миниатюрная концепция, элементарная теоретичность, интеллектуализация». Что и отличает ее от тоже практичности (например, русских людей), но по-своему земной, теплой (не концептуальной) (см.: *Бурно М.Е.* Профессионализм и клиническая психотерапия. С. 16–17).
- ³³¹ *Федотова В.Г.* Хорошее общество. М., 2005. С. 223.
- ³³² Там же. С. 224.
- ³³³ Там же. С. 225; см. также: С. 98–151.
- ³³⁴ В то же время нельзя сказать, чтобы русский человек был непрактичен: напротив, социальная ситуация 1990-х гг. как раз свидетельствует о том, что русские очень неплохо приспосабливаются к новым (и довольно тяжелым) для них условиям, демонстрируя особую *витальность* народа, его жизненную силу (см. там же: С. 104–105).
- ³³⁵ *Бурно М.Е.* Профессионализм и клиническая психотерапия. С. 17.
- ³³⁶ *Бурно М.Е.* О характерах людей. С. 353–354. Дефензивность (от лат. defenso) – противоположность агрессивности (в широком смысле), выражающаяся в тревожности, ранимости, мнительности, а также в склонности к самообвинениям (порой болезненно преувеличенным, незаслуженно напрасным).
- ³³⁷ См.: *Пантин И.К.* Выбор России: характер перемен и дилеммы будущего // Полис. 2007. № 6.
- ³³⁸ См.: *Демократия для России – Россия для демократии.* М., 2008.

Содержание

Введение	3
----------------	---

РАЗДЕЛ I. ПРОГРЕСС И МОДЕРНИЗАЦИЯ

Глава 1. Прогресс и современные представления о тенденциях общественного развития	6
Глава 2. Социальный прогресс: теория и практика	28
Глава 3. Идея прогресса в контексте ментальных и социальных трансформаций	43
Глава 4. Индивидуализация и рефлексивная модернизация: вызовы, теоретические модели, возможные сценарии прогресса	62

РАЗДЕЛ II. ПРОГРЕСС, РЕСУРСЫ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Глава 5. Глобализация и концепция устойчивого развития	100
Глава 6. Эколого-политический и эколого-социологический дискурсы	123
Глава 7. Прогресс в контексте реальных глобальных трансформаций	133

РАЗДЕЛ III. ПРОГРЕСС И МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ

Глава 8. Российская история в зеркале модернизации	152
Глава 9. Социальные практики изменяющегося общества и институциональная модернизация	189
Глава 10. Противоречия модернизации: механизмы социальных трансформаций в России	206
Глава 11. Национально-психологические особенности России и проблема политической модернизации	240
Примечания	258

Научное издание

Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*
Технический редактор *Ю.А. Аношина*
Корректор *Е.Н. Дудко*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 13.04.10.
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 17,5. Уч.-изд. л. 14,61. Тираж 500 экз. Заказ № 009.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН
Компьютерный набор авторов
Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН
119991, Москва, Волхонка, 14, стр. 5

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии: iph.ras.ru

Вышли в свет

1. **Антропологическое измерение российского государства [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. В.Н. Шевченко. – М.: ИФРАН, 2009. – 214 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0149-5.**

В коллективной монографии обсуждается одна из самых острых и малоисследованных проблем в отечественной философии и науке, связанная с теоретическим изучением отношения «российское государство–человек». На основе представлений об антропологическом измерении российского государства как императиве современной эпохи в монографии дается критический анализ состояния духовной культуры и социальных качеств российского человека, а также дается сопоставительный анализ качества политического руководства в России и в Китае.

Книга предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов, а также для широкого круга читателей, интересующихся историей и современными проблемами российского государства, положением человека в российском обществе, поиском новых принципов отношений между государством и человеком.

2. **Биоэтика и гуманитарная экспертиза: комплексное изучение человека и виртуалистика. Вып. 3 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Ф.Г. Майленова. – М.: ИФРАН, 2009. – 236 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0147-1.**

Сборник представляет результаты исследований сотрудников сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики ИФ РАН в области комплексного изучения человека, завершенных в 2008 году. Авторы освещают новейшие проблемы биоэтики, гуманитарной экспертизы, антропологии и виртуалистики.

3. **Бурмистров, К.Ю. «Ибо Он как огонь плавильщика»: каббала и алхимия / РАН. Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2009. – 295 с.**

В монографии впервые в отечественной науке проводится сопоставление учений двух эзотерических традиций – каббалы и алхимии. При анализе особенностей интерпретации алхимических проблем в каббале используется широкий круг еврейских каббалистических и натурфилософских источников, а также тексты европейской алхимии XII–XVIII вв. Основным объектом исследования служит алхимико-каббалистический трактат «Эш мецареф» (XVI–XVII вв.), оригинальный текст и перевод которого публикуется в приложении.

Монография предназначена для тех, кого интересует история еврейской философии и мистики, а также европейская натурфилософия Средних веков и Нового времени.

4. **Гуревич, Павел.** Расколотость человеческого бытия [Текст] / П.С. Гуревич ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2009. – 199 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч.: с. 193–198. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0144-0.

Данная монография представляет собой развитие ряда идей, которые содержатся в работе автора «Проблема целостности человека» (М., 2004). Раскрывая смысл современного толкования человеческого бытия, автор предлагает свое прочтение данной проблемы. Расколотость человеческого бытия показана через бинарные оппозиции бытия и небытия, целостного и раздробленного, телесного и духовного, имманентного и трансцендентного, индивидуального и социального, идентичного и безликого, творческого и разрушительного. Особое внимание в монографии уделено анализу современных философско-антропологических концепций. В книге развивается ряд полемических сюжетов, обращенных к проблеме «смерти человека», «целостности человека», «распаду идентичности» и т.д.

5. **История философии. № 14 / РАН. Ин-т философии; Отв. ред. А.В. Никитин.** – М.: ИФ РАН, 2009. – 264 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0125-9.

Данный номер журнала включает статьи и публикации, посвященные главным образом философской мысли стран Востока. Основные темы статей, составляющих номер: индийская классическая философия, современная и средневековая арабо-мусульманская философия, еврейская каббала и восприятие ее идей в европейской культуре, методология китайской классической философии, язык и мышление в китайской культуре. В номере также публикуются статьи, освещающие проблемы средневековой западной философии, психоаналитического учения Э.Фромма, формирования русской философской лексики. Раздел «Переводы» представлен главой «Прагьякша» (Очное восприятие) из «Ньяя-биндугу» Дхармакирти с комментарием Дхармоттары, джайнским трактатом «Найя-карника», фрагментами из фундаментального сочинения ал-Газали «Возрождение религиозных наук».

Издание рассчитано на историков философии, востоковедов.

6. **Кара-Мурза, А.А.** Интеллектуальные портреты: Очерки о русских мыслителях XIX–XX вв. Вып. 2 [Текст] / А.А. Кара-Мурза ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2009. – 155 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0136-5.

Книга известного философа и политолога, доктора философских наук А.А.Кара-Мурзы представляет собой сборник оригинальных интеллектуальных биографий крупных политических мыслителей России XIX–XX вв. – Владимира Соловьева, Михаила Стаховича, Николая Волконского, Михаила Комисарова, Василия Караулова, Степана Востротина, Бориса Зайцева. Важной задачей автора является выстраивание «интеллектуальной родословной» либерально-центристской (либерально-консервативной) традиции в истории русской политической и философской мысли.

7. **Киященко, Л.П., Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности [Текст] / Л.П. Киященко, В.И. Моисеев; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2009. – 205 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0152-5.**

В монографии рассмотрена история становления и современные проблемы трансдисциплинарных исследований. Введено основание различения мульти-, меж- и трансдисциплинарных исследований. Представлено онто-логико-гносеологическое измерение опыта трансдисциплинарности, показаны его роль и значение для разрешения кризиса современной философии и науки, прояснены логико-философские основания трансдисциплинарных исследований в виде интегрального, интервального и субъектно-ориентированного подходов. В книге показано, как феномен трансдисциплинарности сочетает в себе традиционные формы дисциплинарного научного знания с широким спектром знаний обыденного, коммуникативного, личностного и иного вида социального опыта, ориентируясь на горизонт универсального знания. Рассмотрены принципы обоснования философии трансдисциплинарности, обуславливающие практическую направленность в решении современных социо-гуманитарных проблем.

8. **Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред.: И.Т. Касавин, В.Н. Порус. – М. : ИФРАН, 2009. – 215 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0145-7.**

«Коммуникативная рациональность» – одно из наиболее дискуссионных понятий в современной философии. Его содержание определяется различными методологическими и эпистемологическими «парадигмами», спор между которыми имеет принципиальный характер и привлекает внимание исследователей во всем мире. В статьях, вошедших в этот сборник, освещены важные аспекты этого понятия, от логико-семантических до социокультурных. Обсуждаются возможности коммуникативной интерпретации эпистемологических проблем и эпистемологической интерпретации проблем коммуникации.

9. **Кричевский А.В. Образ абсолюта в философии Гегеля и позднего Шеллинга [Текст] /А.В. Кричевский ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2009. – 199 с. ; 20 см. –500 экз. – ISBN 978-5-9540-0142-6.**

Книга представляет собой первую – общеметафизическую – часть монографического исследования, где предпринимается попытка на основе детальной проработки первоисточников и воспроизведения основных ходов мысли и интуиций Гегеля и позднего Шеллинга провести сравнительный анализ их учений об абсолюте. В центре рассмотрения – проблема бесконечности, свободы и триединства абсолюта как абсолютного духа, а также размышления о возможностях и пределах его умозрительного познания.

Предназначается философам, теологам и всем, кого интересуют фундаментальные проблемы метафизики и кто стремится выстраивать свободное и осмысленное отношение к религии.

10. **Культурные трансформации в современной России (соц.-филос. анализ) [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. С.А. Никольский. – М.: ИФРАН, 2009. – 159 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0150-1.**

В работе ставится цель прояснить функции культуры и культурные изменения в современной России. Авторы размышляют над вопросом о возможности культуры быть средством демократизации российского общества, об отношениях между культурой и властью с точки зрения укрепления гражданских начал, о статусе интеллигенции и «средины культуры», о путях минимизации последствий интеллектуальной эмиграции из нашей страны. Прослеживается динамика образов прошлого в советской и постсоветской России, анализируются характерные изменения в гендерном символическом порядке. Применительно к российским условиям актуализируется концепция «символического обмена» Ж.Бодрийера. Возможность преодоления социокультурного кризиса обосновывается наличием «сверхкультурного измерения», хранителями и наиболее адекватными аналитиками которых выступают философия и религия.

11. **На пути к неклассической эпистемологии [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: ИФРАН, 2009. – 237 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0151-8.**

В книге рассматривается ряд проблем, связанных с новым осмыслением классических сюжетов эпистемологии. Обсуждается сама идея неклассической философии и неклассической эпистемологии, а также такие вопросы, как конструктивистское понимание эпистемологии, рациональность как ценность познания, философии и культуры, проблема взаимоотношения теоретического и эмпирического знания в современном контексте, возможность нового понимания наглядного опыта и др. Все эти вопросы находились в центре внимания выдающегося отечественного философа Владимира Сергеевича Швырёва (1934–2008), который всю жизнь работал в Институте философии РАН и которому посвящена данная книга.

12. **Наука: от методологии к онтологии / РАН. Ин-т философии; Отв. ред.: А.П.Огурцов, В.М.Розин. – М.: ИФ РАН, 2009. – 287 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0138-9.**

Сборник подготовлен на основе докладов на семинаре Центра методологии и этики науки ИФ РАН и продолжает ранее вышедшие сборники по методологии науки. Основная идея данной книги заключается в том, чтобы показать осознание границ методологии и те процессы, которые привели к поискам новых онтологических единиц в различных науках и к выдвижению в философии новых вариантов онтологии. Вопрос о том, как анализировать предмет исследования, сменился поисками новых онтологических структур. Центральное место в сборнике (статьи А.П.Огурцова, Ф.Н.Блюхера и др.) занимают проблемы методологии истории и конструирование в исторических науках новых онтологических структур (событие, действие, ментальность и др.). Исследуется развитие классической логики и методологии

науки, уясняются ее трудности и противоречия, приведшие к осмыслению новых предметных областей (статьи В.М.Розина, К.А.Павлова и др.). Сборник представляет интерес для философов, историков науки и гуманитариев различных специальностей.

13. **Ориентиры... Вып. 5 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Т.Б. Любимова. – М. : ИФ РАН, 2009. – 215 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0132-7.**

Пятый выпуск сборника «Ориентиры...» продолжает избранную авторами общую для всей серии тему метафизики как важной части философии. Конкретизацией главной темы для данного выпуска нами принята следующая сюжетная линия: миф, утопия, проект, прогноз. В границах этого смыслового поля каждый автор решает проблему, которая представляется ему значимой: здесь исследуются доминирующие в общественном сознании парадигмы, соотношение метафизики и науки, эзотерические построения антропософии, Розы Мира, а также метафизические аспекты социальных утопий и революций.

14. **Политико-философский ежегодник. Вып. 2 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. И.К. Пантин. – М. : ИФРАН, 2009. – 207 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0146-4.**

Второй выпуск «Политико-философского ежегодника», издаваемого Отделом социальной и политической философии ИФ РАН, открывается рубрикой «Россия сегодня». Статьи этой рубрики знакомят читателя с проблемами и трудностями демократического строительства в России. В рубрике «Интерпретации» выделяется статья А.Г.Мысливченко, где автор анализирует опыт и противоречия т.н. шведской модели социализма. В этом выпуске Ежегодника мы начинаем рубрику «Визитная карточка», где будем знакомить читателей с творчеством современных ученых – политологов и обществоведов.

15. **Проблемы российского самосознания: эволюционное становление и революционные ломки, Всероссийская конф. (2008; Москва–Пенза). 3-я Всероссийская конференция «Проблемы российского самосознания», 22–24 мая 2008 г. [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Редкол.: М.Н.Громов и др. – М.: ИФ РАН, 2009. – 279 с.; 20 см. – На обл. авт. не указаны. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0143-3.**

В книге публикуются материалы 3-й конференции Института философии РАН, проведенной совместно с регионами в мае 2008 г. в Москве и Пензе. Цель конференции – продолжение обсуждения вопросов, относящихся к теме российского самосознания, взаимодействия в нем константных и переменных составляющих в контексте непрерывности/прерывности отечественного исторического процесса.